

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 29, № 4, 2021 (октябрь – декабрь)

Сквозной номер выпуска – 117

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 29, No. 4, 2021 (October – December)

Continuous issue 117

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), крупнейшем агрегаторе научных ресурсов ведущих издательств мира EBSCO, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *EBSCO*, the largest aggregator of scientific resources of the world's leading publishing houses, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph. D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and National Economy Management

Social Structure, Social Institutions and Processes

Political Institutions, Processes and Technology

Political Issues of International Relations, Global and Regional Development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, и. о. ректора ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», кандидат педагогических наук, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Российская Федерация)

Гришин Виктор Иванович – доктор экономических наук, профессор, grv655898@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Российская Федерация)

Лалин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – главный редактор журнала «Сибирский социум / Siberian Socium», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межкультурных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatch.net (Иошкар-Ола, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – **Editor-in-Chief**, Acting Rector of National Research Mordovia State University, Cand. Sci. (Pedagogics), rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief**, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor**, Member of European Association of Science Editors (EASE), Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Igor N. Barygin – Professor, Department of Sociology, St. Petersburg State University, Cand. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russian Federation)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Viktor I. Grishin – Dr. Sci. (Economics), Full Professor, grv655898@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Editor-in-Chief, “Siberian Socium” Journal, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russian Federation)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и управление народным хозяйством

Н. Н. Яшалова, Д. А. Рубан. Эколого-экономические предпосылки перехода России к низкоуглеродной экономике	746
Т. С. Соловьева. Регионы Северо-Запада России: анализ условий для реализации социальных инноваций	768
Г. А. Резник, Н. А. Коробкова. Самозанятость в ненаблюдаемой экономике и ее влияние на экономический рост: метаанализ	794

Экономическая социология и демография

Т. В. Ускова, Л. В. Бабич. Использование человеческого капитала в контексте устойчивого развития региона	820
И. А. Иванова, С. Г. Бусалова, Э. Р. Горчакова. Региональный инвестиционный рынок в сфере обращения с отходами: динамика, структура, методика оценки	840
М. А. Жулина, В. М. Кицис. География туристских потоков Республики Мордовия	866
Г. Н. Ершова. Габитус здоровьесбережения школьников: от семейной к национальной модели	886

Социальная структура, социальные институты и процессы

И. С. Шаповалова. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи	902
М. В. Вдовина. Профессиональные ролевые функции женщины в социальном обслуживании: итоги социологического опроса в г. Москве	933
С. В. Полутин, Р. В. Мотькин, В. Н. Мотькин. Социально-правовые аспекты профессионального положения арбитражных управляющих в условиях реформирования института банкротства в Российской Федерации	956
Информация для авторов и читателей (на рус. яз.)	980
Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)	982

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

N. N. Yashalova, D. A. Ruban. Environmental and Economic Prerequisites for Russia's Transition to a Low-Carbon Economy	746
T. S. Soloveva. Regions of the North-West of Russia: Analysis of the Conditions for the Implementation of Social Innovation	768
G. A. Reznik, N. A. Korobkova. Self-Employment in the Non-Observed Economy and Its Impact on Economic Growth: A Meta-Analysis	794

Economic Sociology and Demography

T. V. Uskova, L. V. Babich. Effective Use of Human Capital in the Context of Sustainable Development of the Region	820
I. A. Ivanova, S. G. Busalova, E. R. Gorchakova. Regional Investment Market in the Sphere of Waste Management: Dynamics, Structure, Evaluation Methodology	840
M. A. Zhulina, V. M. Kitsis. Geography of Tourist Flows in the Republic of Mordovia ...	866
G. N. Ershova. Schoolchildren's Health Preservation Habitus: From the Family Model to the National One	886

Social Structure, Social Institutions and Processes

I. S. Shapovalova. Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth	902
M. V. Vdovina. Professional Role Functions of Women in Social Service: Results of a Sociological Survey in Moscow	933
S. V. Polutin, R. V. Motkin, V. N. Motkin. Social and Legal Aspects of the Professional Status of Trustees in Bankruptcy in the Context of the Reform of the Institution of Bankruptcy in the Russian Federation	956
Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)	980
Information for Authors and Readers of the Journal (in English)	982

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 33:574(470+571)

DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.746-767

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Эколого-экономические предпосылки перехода России к низкоуглеродной экономике

Н. Н. Яшалова^{1*}Д. А. Рубан²

¹Череповецкий государственный университет
(г. Череповец, Российская Федерация),
*natalij2005@mail.ru

²Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
(г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация

Введение. Эколого-климатические проблемы Российской Федерации привлекают значительное внимание ученых, политиков и общественности. Антропогенная деятельность является одной из основных причин загрязнения окружающей среды и глобального потепления, что требует поиска нового пути экономического развития, уменьшающего негативное воздействие на окружающую среду. В качестве такого ориентира в статье рассматривается низкоуглеродная экономика, направленная на одновременное решение экономических, экологических и климатических проблем. Цель статьи – на основе проведенного исследования обозначить субъекты Российской Федерации, в которых наиболее целесообразно осуществлять реализацию пилотных проектов по переходу предприятий и городов на низкоуглеродное развитие, а полученный опыт в перспективе применять в других регионах страны.

Материалы и методы. Проанализированы данные Федеральной службы государственной статистики и Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации по 20 субъектам страны с наибольшей численностью населения. Для

© Яшалова Н. Н., Рубан Д. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

выявления регионов-лидеров по различным видам загрязнения был применен метод ранжирования данных, а также проведен анализ относительных показателей природо-емкости по выбросам в атмосферный воздух, по сбросам загрязненных сточных вод и по образованию твердых коммунальных отходов.

Результаты исследования. Проведенный анализ показал неоднородность эколого-экономического развития субъектов Российской Федерации. Сделан вывод, что среди рассмотренных регионов наиболее целесообразно внедрение пилотных проектов по низкоуглеродному развитию в городах и на «грязных» производствах Кемеровской, Свердловской, Челябинской областей и Красноярского края.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования могут быть использованы при разработке природоохранных программ, а также при выработке направлений по смягчению экологических последствий в наиболее загрязненных регионах страны и на природоемких производствах.

Ключевые слова: экология, экономика, регион, население, предприятие, город, низкоуглеродная экономика, стимулирование

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Яшалова Н. Н., Рубан Д. А. Эколого-экономические предпосылки перехода России к низкоуглеродной экономике // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 746–767. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.746-767>

Original article

Environmental and Economic Prerequisites for Russia's Transition to a Low-Carbon Economy

N. N. Yashalova^{a*}, D. A. Ruban^b

^a Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation),

^{*} natalij2005@mail.ru

^b K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (The First Cossack University) (Moscow, Russian Federation)

Abstract

Introduction. Environmental and climatic problems of the Russian Federation have attracted considerable attention from scientists, politicians, as well as the general public. Human activities are a major cause of pollution and global warming, which necessitates the search for a new way of economic development reducing the adverse impact on the environment. The authors consider a low-carbon economy aimed at simultaneously solving economic, environmental, and climatic problems as such a guideline. Based on the research conducted the article identifies the constituent entities of the Russian Federation in which pilot projects for the transition of enterprises and cities to low-carbon development are most expedient to implement. The gained experience should be applied in other regions of the country in the future.

Materials and Methods. Data from the Federal State Statistics Service and the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation on 20 most populated constituent entities of the country were analyzed. In order to identify the regions with the largest volumes of various types of pollution, the data ranking method was applied. The authors have also carried out an analysis of relative indicators of natural resource intensity associated with emission into the atmosphere, discharges of polluted wastewater, and production of municipal solid waste.

Results. The performed analysis has shown the heterogeneity of the environmental and economic development of the constituent entities of the Russian Federation. It has been concluded that among the regions considered, it is most expedient to implement pilot projects for low-carbon development in cities and in “polluting” industries located in the Kemerovo, Sverdlovsk, and Chelyabinsk Regions, as well as in the Krasnoyarsk Territory.

Discussion and Conclusion. The results of the study can be used in the development of environmental programs, as well as in the development of directions for mitigating the environmental impact in the most polluted regions of the country and in industries with high natural resource intensity.

Keywords: ecology, economy, region, population, enterprise, city, low-carbon economy, incentives

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Yashalova N.N., Ruban D.A. Environmental and Economic Prerequisites for Russia's Transition to a Low-Carbon Economy. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):746-767. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.746-767>

Введение. Повесткой дня во многих странах мира, включая Российскую Федерацию, остается одна из глобальных экологических проблем – изменение климата. Связано это как с естественными процессами, происходящими на планете, так и с антропогенным влиянием. В определенной мере можно утверждать, что климатическая проблема существенно актуализировала экологическую тематику в научных, общественных и политических кругах, а также формирование у общества экологического сознания. Предлагаемые мероприятия по снижению парниковых выбросов также будут положительно влиять на рациональное потребление природных ресурсов, развитие безотходных технологий, экологическое воспитание и т. д. Согласно отчетам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК, Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC)¹, территории с высокой концентрацией промышленности и высокой плотностью населения в скором времени столкнутся с существенными воздействиями изменения климата.

Абсолютная численность населения в Российской Федерации увеличилась со 143,2 млн чел. в 2005 г. до 146,7 млн чел. в 2019 г., при этом доля городского населения за этот же период возросла с 73,2 до 74,7 %². Эти данные позволяют предположить, что при высокой численности населения и увеличении доли городских жителей негативные экологические проявления в субъектах Российской Федерации будут усиливаться. Высокая концентрация промышленных предприятий и транспортных средств в городах, нехватка зеленых насаждений, рост твердых бытовых отходов – все это негативным

¹ Официальный сайт Межправительственной группы экспертов по изменению климата. URL: <https://www.ipcc.ch> (дата обращения: 05.05.2021).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.

образом сказывается на состоянии водных и земельных ресурсов, атмосферного воздуха, а главное – на здоровье населения страны.

Следовательно, реализация мероприятий, направленных на стабилизацию повышения температуры и смягчение последствий от изменения климата, особенно в крупных городах промышленных регионов Российской Федерации, не требует отлагательств. Бездействие в решении экологических проблем будет увеличивать количество экстремальных погодных явлений, техногенных аварий и других негативных процессов, приводящих к ущербу.

Низкоуглеродное развитие территорий – приоритетное направление низкоуглеродной экономики (low-carbon economy), концепция которой активно продвигается во многих странах мира, включая Россию. Так, одним из последних проектных документов является Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года³, направленная на обеспечение перехода страны на путь диверсифицированного экономического развития, характеризующегося низким уровнем выбросов парниковых газов.

Экологически ориентированное развитие субъектов Российской Федерации становится одной из ведущих задач государственного управления. В настоящее время в состав России входят 85 субъектов. Между ними сохраняется высокая степень социально-экономической дифференциации⁴ [1–4], что отражается не только на благосостоянии населения, но и на экологической обстановке этих территорий. Неравномерное развитие российских регионов объясняют различиями в их протяженности, национальном составе, историко-культурном наследии, природных ресурсах, размещении промышленных объектов и сельскохозяйственных площадей, а также другими причинами.

Стоит заметить, что переход к устойчивому эколого-экономическому развитию Российской Федерации возможен только при устойчивом развитии всех территорий страны. Очевидно, что крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия вносят наибольший вклад в развитие региона, а также в величину показателей региональной статистики. Как правило, экономический рост субъектов Российской Федерации, на которых расположены предприятия энергетики, металлургии, химического производства и др., влечет за собой ухудшение атмосферного воздуха, качества воды и других экологических параметров, которые, в целом, негативно отражаются на здоровье и качестве жизни населения. Интенсивное ведение сельского хозяйства приводит к истощению почв, а избыточное использование удобрений – к загрязнению природных систем.

³ Проект Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d490e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

⁴ Атлас экономической специализации регионов России / В. Л. Абашкин [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 264 с.

Цель статьи – на основе проведенного анализа статистических данных обозначить субъекты Российской Федерации, в которых наиболее целесообразно начинать реализацию пилотных проектов по переходу предприятий и городов этих регионов на низкоуглеродное развитие, а полученный опыт в перспективе применять в других регионах страны.

Обзор литературы. Термин «низкоуглеродная экономика» не зафиксирован в официальных документах, однако он нашел широкое применение во многих сферах хозяйственной деятельности за счет заложенных в такую экономику принципов энергоэффективности и энергосбережения. Снижение выбросов парниковых газов, повышение энергоэффективности и уменьшение энергоемкости, увеличение доли возобновляемых источников энергии – основа низкоуглеродной экономики. В определенной степени можно утверждать, что энергетическая, экологическая и климатическая политики находятся в тесной взаимосвязи [5].

Российские и зарубежные ученые принимают активное участие в обсуждении и продвижении вопросов, связанных с новыми моделями эколого-экономического развития. В частности, в научных работах С. Н. Бобылева [6], Б. Н. Порфирьева [7; 8], И. М. Потравного [9], И. А. Башмакова [10], С. В. Ратнер [11], О. В. Кудрявцевой [12], И. С. Белик⁵ особый акцент делается на реализацию целей устойчивого развития, решение проблем климатических изменений, развитие альтернативной энергетики, активную поддержку декарбонизации национальной экономики.

Из последних зарубежных публикаций особенно следует выделить работы ученых, которые подошли к решению вопросов низкоуглеродного развития на примере городских территорий. Так, отметим исследование китайских ученых, которые разработали систему оценки качества развития городов с низким уровнем выбросов углерода [13]. Заслуживает внимания работа Я. Чжан с соавторами, в которой проводится моделирование городской экспансии в направлении низкоуглеродного развития и доказываемая, что стратегии управления выбросами углерода влияют на устойчивое городское развитие [14]. Японские ученые проанализировали пространственное распределение выбросов CO₂ в Японии и Южной Корее в городах с самой высокой углеродоемкостью и предложили реализацию в них политики локализованного сокращения выбросов [15]. Интересный подход к городскому планированию для содействия гармонизации экологической среды и города представлен в публикации Ш. Гао и Х. Чжан [16].

Особый акцент в работах отечественных и зарубежных ученых делается на развитие новых технологий, сокращающих выбросы парниковых газов. К примеру, исследователи под руководством Л. Рен проводят анализ пилотных проектов по технологическому совершенствованию черной металлургии

⁵ Механизмы реализации концепции низкоуглеродного развития экономики : моногр. / И. С. Белик [и др.]. Уфа : ОмегаСайнс, 2016. 119 с.

и демонстрируют потенциал технологий сверхнизких выбросов CO₂ по этому виду деятельности [17]. Д. О. Гил, Д. И. Чоудхури и их соавторы обобщают интеграцию возобновляемых источников энергии в новые жилищные комплексы с применением низкоуглеродных технологий [18]. Не меньшее внимание подобного рода разработкам уделяют российские ученые. Так, С. П. Филиппов и А. В. Кейко демонстрируют высокий потенциал для применения парагазовых установок с внутрицикловой газификацией угля в низкоуглеродной энергетике [19]. О. В. Титова, Я. Г. Кузнецова исследуют проблему производства низкоуглеродистой стали [20], а И. А. Башмаков с соавторами – внедрение низкоуглеродных технологий в зданиях [21].

Проведенный обзор научной литературы по современному состоянию развития низкоуглеродной экономики показывает, что эколого-климатические проблемы являются общемировыми. В настоящее время идет активный поиск новых решений в сфере энергосберегающих технологий, позволяющих снизить выбросы CO₂. Что касается экономической составляющей, то здесь острым остается вопрос финансирования и эффективности подобного рода инноваций. Следовательно, дальнейшее проведение исследований по активизации перехода к низкоуглеродной экономике остается актуальным. Стоит добавить, что подобные исследования хорошо укладываются в современный научный дискурс относительно региональных инновационных систем, само создание которых уже несколько десятилетий рассматривается в контексте решения экологических проблем отдельных территорий и придания их развитию экологической и социально-экономической устойчивости.

Материалы и методы. В рамках настоящего исследования проведен статистический анализ данных за 2019 г., взятых из опубликованных в свободном доступе документов Росстата и Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. В таблице 1 представлены выборочные исходные данные по 20 наиболее населенным субъектам Российской Федерации. Помимо численности населения этих регионов дополнительно в таблице 1 представлена информация по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, по сбросам загрязненных сточных вод, по образованию твердых коммунальных отходов, по расходам на охрану окружающей среды, а также величине валового регионального продукта (ВРП).

В рассматриваемых 20 субъектах Российской Федерации проживает 56,7 % всего населения страны и формируется 47,7 % валового внутреннего продукта (ВВП). Предприятиями, размещаемыми в этих регионах, выбрасывается в атмосферный воздух 61,9 % от всех выбросов загрязняющих веществ по стране. На долю этих российских регионов приходится 56,6 % сбросов загрязненных сточных вод и 59,6 % образованных твердых коммунальных отходов. В связи с этим можно констатировать, что практически во всех рассматриваемых субъектах Федерации наблюдается значительная экологическая нагрузка на территорию и проживающее на ней население (табл. 1).

Таблица 1. Экологические и экономические показатели субъектов Российской Федерации за 2019 г.
 Table 1. Environmental and economic performance indicators of the constituent entities of the Russian Federation for 2019

Субъект Российской Федерации / Constituent entity of the Russian Federation	Численность населения, тыс. чел. / Population, thousand people	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т / Emission of pollutants into the atmosphere from stationary sources, thousand tons	Сброс загрязненных сточных вод, млн м ³ / Discharge of polluted wastewater, million cubic meters	Образование твердых коммунальных отходов, млн т / Production of municipal solid waste, million tons	Расходы на охрану окружающей среды, млн руб. / Environmental protection costs, million rubles	ВРП, млрд руб. / Gross regional product, billion rubles
1	2	3	4	5	6	7
В целом по России / Russia as a whole	146 748,6	17 295	12 602	61 147,7	871 993	94 831,1
Москва / Moscow	12 678,1	75	820	5 529,5	45 266	19 673,0
Московская область / Moscow Region	7 690,9	189	870	12 223,7	43 705	5 128,4
Краснодарский край / Krasnodar Territory	5 675,5	432	732	974,3	12 753	2 569,8
Санкт-Петербург / St. Petersburg	5 398,1	67	975	189,4	15 804	5 125,0

⁶ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 г. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. 1000 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : Стат. сб.; Окружающая среда [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 05.05.2021).

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3	4	5	6	7
Свердловская область / Sverdlovsk Region	4 310,7	898	567	2 448,5	27 807	2 529,5
Ростовская область / Rostov Region	4 197,8	158	202	2 063,2	5 924	1 516,6
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	4 038,1	471	236	941,7	16 785	1 810,1
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	3 902,9	290	286	1 232,8	26 841	2 795,9
Тюменская область / Tyumen Region	3 756,5	2 220	197	807,7	55 156	8 919,1
Челябинская область / Chelyabinsk Region	3 466,3	493	230	859,1	17 086	1 545,6
Самарская область / Samara Region	3 179,5	254	366	1 410,3	16 240	1 687,9
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	3 110,8	13	73	329,2	557	7 18,5
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	3 203,0	162	313	897,3	14 739	1 621,9
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	2 866,2	2 432	318	1 331,9	40 383	2 692,2

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7
Ставропольский край / Stavropol Territory	2 803,6	102	159	910,1	5 282	827,0
Новосибирская область / Novosibirsk Region	2 798,2	136	85	816,2	4 107	1 409,2
Кемеровская область / Kemerovo Region	2 657,8	1760	303	506,1	17 198	1 110,4
Пермский край / Perm Territory	2 599,3	293	210	519,5	15 868	1 495,0
Волгоградская область / Volgograd Region	2 491,0	144	85	1 172,1	11 952	961,4
Саратовская область / Saratov Region	2 421,9	120	98	1 268,9	5 087	811,8
Итого (по 20 субъектам Российской Федерации) / Total (for 20 constituent entities of the Russian Federation)	83 246,2	10 709	7 125	36 431,5	398 540	45 275,3
Доля, % / Share, %	56,7	61,9	56,5	59,6	45,7	47,7

Также заметим, что суммарная доля затрат, приходящаяся на финансирование природоохранной деятельности в рассматриваемых регионах, составляет лишь 45,7 % от российского показателя.

На основании выборочных данных были рассчитаны наиболее применяемые в статистическом анализе индикаторы: минимальные и максимальные значения показателей, среднее арифметическое значение, медиана и коэффициент вариации (табл. 2).

Полученные значения коэффициентов вариации с высокой степенью изменчивости по отношению к среднему показателю выборки свидетельствуют о неоднородности совокупности рассматриваемых экологических данных. Этот факт объясняется очевидной неравномерностью распределения по регионам предприятий-загрязнителей и объемом выпускаемой ими продукции. Данная неоднородность также ярко проявляется по стоимостным показателям – валовому региональному продукту и расходам на охрану окружающей среды.

Исходя из абсолютных значений экологических показателей, можно выделить регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по тем или иным видам загрязнения, однако более корректным будет проведение анализа относительных показателей в виде расчета удельных величин природоемкости по выбросам в атмосферный воздух, по сбросам загрязненных сточных вод и образованию твердых коммунальных отходов, которые рассчитываются по данным таблицы 1 делением конкретного экологического показателя на величину ВРП (табл. 3). Например, природоемкость по выбросам в атмосферный воздух равна частному от деления величины выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, на величину валового регионального продукта.

Результаты исследования. Очевидно, что если в субъекте Федерации размещено малое количество предприятий-загрязнителей или отсутствуют единичные, но при этом очень крупные «грязные» производства, то и экологические показатели будут существенно лучше, чем в регионе, где концентрируется производственная деятельность. Однако в то же время в экологически неблагополучных регионах, как правило, наблюдается наибольший прирост валового регионального продукта, более активно создаются новые рабочие места, а бюджеты всех уровней пополняются значительными налоговыми поступлениями. Сказанное в большей степени относится к промышленности. Что касается сельского хозяйства, то здесь надо учитывать, что оно создает экологическую нагрузку менее очевидным образом. При этом такая нагрузка пропорциональна площади земель сельскохозяйственного назначения в регионе. Более того, крупные агропромышленные холдинги часто оказываются более «чистыми», нежели разрозненные мелкие хозяйства, где используются устаревшие технологии, а применение удобрений и формирование прочей экологической нагрузки контролируется гораздо слабее.

Т а б л и ц а 2. Эколого-экономические параметры 20 субъектов Российской Федерации с наибольшей численностью населения
Table 2. Environmental and economic performance indicators of the 20 most populated constituent entities of the Russian Federation

Показатель / Indicator	Единицы измерения / Units of measurement	Минимальное значение / Minimum value	Максимальное значение / Maximum value	Среднее значение / Average value	Медианное значение / Median value	Коэффициент вариации, % / Coefficient of variation, %
Численность населения / Population size	тыс. чел. / thousand people	2 421,9	12 678,1	7 928,2	3 334,7	30,1
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников / Emission of pollutants into the atmosphere from stationary sources	тыс. т / thousand tons	13	2 432	1 019,9	221,5	71,3
Сброс загрязненных сточных вод / Discharge of polluted wastewater	млн м³ / million cubic meters	73	975	356,3	261,0	78,6
Образование твердых коммунальных отходов / Production of municipal solid waste	млн т / million tons	189,4	12 223,7	1 821,6	2 448,5	148,1
Расходы на охрану окружающей среды / Environmental protection costs	млн руб. / million rubles	557	55 156	19 927	1 516,6	76,8
ВРП / Gross regional product	млрд руб. / billion rubles	718,5	19 673	3 247,4	1 810,1	133,7

Таблица 3. Относительные эколого-экономические показатели субъектов Российской Федерации за 2019 г.
Table 3. Relative environmental and economic performance indicators of the constituent entities of the Russian Federation for 2019

Субъект Российской Федерации / Constituent entity of the Russian Federation	Природоёмкость по выбросам в атмосферный воздух, кг / тыс. руб. / Natural resource intensity associated with emission into the atmosphere, kilograms / thousand rubles	Природоёмкость по сбросам сточных вод, м³ / тыс. руб. / Natural resource intensity associated with discharges of polluted wastewater, cubic meters / thousand rubles	Отходоёмкость, т / тыс. руб. / Waste intensity, tons / thousand rubles	Доля расходов на охрану окружающей среды к ВРП, % / Proportion of environmental protection costs to gross regional product, %
1	2	3	4	5
Москва / Moscow	3,812	0,042	0,281	0,23
Московская область / Moscow Region	36,854	0,170	2,384	0,85
Краснодарский край / Krasnodar Territory	168,106	0,285	0,379	0,50
Санкт-Петербург / St. Petersburg	13,073	0,190	0,037	0,31
Свердловская область / Sverdlovsk Region	355,011	0,224	0,968	1,10
Ростовская область / Rostov Region	104,180	0,133	1,360	0,39
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	260,207	0,130	0,520	0,93
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	103,723	0,102	0,441	0,96

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Тюменская область / Tyumen Region	248,904	0,022	0,091	0,62
Челябинская область / Chelyabinsk Region	318,970	0,149	0,556	1,11
Самарская область / Samara Region	150,483	0,217	0,836	0,96
Республика Дагестан / Republic of Daghestan	18,093	0,102	0,458	0,08
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	99,883	0,193	0,553	0,91
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	903,350	0,118	0,495	1,50
Ставропольский край / Stavropol Territory	123,337	0,192	1,100	0,64
Новосибирская область / Novosibirsk Region	96,509	0,060	0,579	0,29
Кемеровская область / Kemerovo Region	1585,014	0,273	0,456	1,55
Пермский край / Perm Territory	195,987	0,140	0,347	1,06
Волгоградская область / Volgograd Region	149,782	0,088	1,219	1,24
Саратовская область / Saratov Region	147,782	0,121	1,563	0,63

Исходя из полученных в таблице 3 результатов можно сделать следующие выводы. Во-первых, наибольшая природоемкость по выбросам в атмосферный воздух наблюдается в Кемеровской, Свердловской и Челябинской областях, Красноярском крае, Республике Башкортостан. Во-вторых, лидерами по природоемкости, связанной со сбросом сточных вод, являются Краснодарский край, Кемеровская, Свердловская, Самарская и Нижегородская области. В-третьих, высокая отходоемкость за 2019 г. проявлялась в Московской, Саратовской, Ростовской и Волгоградской областях, а также в Ставропольском крае.

Особое внимание в исследовании обратим на финансирование природоохранной деятельности. Для начала отметим, что наибольший положительный вклад в суммарный прирост валового внутреннего продукта страны из рассматриваемых регионов вносят г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Красноярский край, Республика Татарстан, Тюменская, Свердловская, Челябинская области. При этом только три из них имеют долю расходов на охрану окружающей среды по отношению к валовому региональному продукту более 1 % (Красноярский край, Челябинская, Свердловская области).

Последствия недофинансирования природоохранной деятельности, особенно в регионах, имеющих предприятия тепловой энергетики, металлургии, нефтепереработки, не позволят данным субъектам Российской Федерации быть экологически ориентированными и устойчивыми в развитии.

Переход субъектов Российской Федерации на низкоуглеродный путь развития требует существенных затрат. Учитывая, что многие муниципальные и региональные бюджеты испытывают дефицит ресурсов, для реализации мероприятий по повышению энергоэффективности и внедрению возобновляемых источников энергии требуется поиск дополнительного, так называемого климатического, финансирования. Органы власти в настоящее время активно вводят в свою деятельность проектный подход, который способствует привлечению проектного финансирования.

Новый тренд низкоуглеродного развития заставит пересмотреть экологическую политику многих субъектов Российской Федерации и ведущих предприятий – загрязнителей окружающей среды. Учитывая проведенный сравнительный анализ эколого-экономических показателей среди наиболее населенных российских регионов, целесообразно внедрение пилотных проектов по низкоуглеродному развитию в таких регионах, как Кемеровская, Свердловская, Челябинская области и Красноярский край. Подобного рода проекты должны реализовывать не только крупные предприятия – загрязнители этих регионов, но и муниципалитеты. Так, в крупных промышленных городах – Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Челябинске, Магнитогорске, Кемерове, Новокузнецке, Красноярске, Норильске, сосредоточено наибольшее количество «грязных» производств, наносящих огромный вред окружающей среде и, конечно же, населению, проживающему в этих муниципальных образованиях.

В настоящее время в России отсутствует единая база (реестр) по выбросам парниковых газов в разрезе регионов страны. Отдельные статистические данные можно найти в ежегодных докладах о состояниях окружающей среды конкретного субъекта Российской Федерации или на сайтах новостных агентств, газет и порталов. Что касается отраслевого разреза, то здесь ситуация со статистикой более открытая. В частности, по данным российского кадастра антропогенных выбросов, крупными эмитентами парниковых газов являются промышленные предприятия. На металлургические компании приходится порядка 12 % совокупных выбросов парниковых газов, что также подтверждает целесообразность внедрения пилотных проектов в вышеназванных регионах и городах⁷.

Понимая, что быстрый диверсификации деятельности в четырех обозначенных субъектах Российской Федерации не произойдет, основными предприятиями – загрязнителями этих территорий должны быть разработаны и приняты к реализации планы действий по внедрению низкоуглеродных и безуглеродных технологий в краткосрочной перспективе. Такие технологии не только способны сокращать выбросы парниковых газов и загрязняющих веществ в атмосферный воздух, но и развивать безотходное производство, оборотное водоснабжение, что в целом положительным образом скажется на окружающей среде.

Имеется некоторый опыт в построении комплексных планов климатических действий или учета климатического фактора в документации по городскому планированию и социально-экономическому развитию в Мурманской и Архангельской областях, республиках Карелии, Коми, Тыве, Крым, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, г. Санкт-Петербурге, г. Москве. Стоит констатировать, что многие из разработанных документов так и остались в статусе проекта.

Отметим также, что в настоящее время практически во всех российских регионах не проводится комплексная и системная работа по мониторингу выбросов парниковых газов, также как и не изучаются последствия климатических изменений для конкретных территорий и, соответственно, не разрабатываются меры по адаптации различных сфер экономической деятельности к изменению климата. Большинство субъектов ограничиваются региональными программами по энергосбережению и повышению энергоэффективности и на основе конкурсного отбора проектов получают субсидии из средств федерального бюджета.

Субсидирование можно назвать одним из возможных вариантов для активизации действий по борьбе с эколого-климатическими проблемами.

⁷ Национальный доклад Российской Федерации о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом [Электронный ресурс]. URL: <http://global-climate-change.ru/index.php/ru/official-documents/kadastr-report/197-inventoryreport20092011> (дата обращения: 05.05.2021).

К примеру, зарубежная практика демонстрирует эффективность субсидирования при реализации низкоуглеродных проектов. Субсидии являются наиболее часто используемыми механизмами среди C40 Cities Climate Leadership Group – группы из 97 городов-лидеров по всему миру, ориентированных на борьбу с изменениями климата. В данных городах активно проводятся мероприятия, направленные на снижение парниковых газов, что в целом будет отражаться на экологии, здоровье, благополучии и экономических возможностях их жителей [22]. Наибольшее количество таких городов находится в Соединенных Штатах Америки, Китае, Бразилии, Индии, Канаде. Из российских городов в состав C40 входит только г. Москва.

При осуществлении мониторинга важно обращать внимание не только на фундаментальные, но и на частные проблемы, которые в отдельных регионах могут стоять достаточно остро. Например, развитие рисоводства в регионах Юга России может способствовать увеличению поступления в атмосферу еще одного парникового газа – метана. Его объемы требуют тщательного изучения и, по всей видимости, систематического контроля.

Одновременно с этим необходимо отметить еще две существенные проблемы. Во-первых, переход к низкоуглеродной экономике может косвенно усилить негативные экологические эффекты. В частности, для производства солнечных батарей требуется использование кадмия, что увеличивает подверженность экосистем загрязнению этим тяжелым металлом [23; 24]. Во-вторых, внедрение ряда инновационных технологий, связанных с эксплуатацией альтернативных источников энергии, влияет на восприятие и, следовательно, ценность ландшафтов для населения [25; 26], так как формирует дополнительные издержки за счет редуцирования ряда экосистемных услуг.

Обсуждение и заключение. В целом низкоуглеродная экономика должна быть направлена на решение взаимосвязанных эколого-климатических и экономических проблем. Ее особенностью является то, что при производстве продуктов и оказании услуг должно происходить снижение выбросов углерода, при этом экономический рост не должен замедляться. Для Российской Федерации целесообразно начать осуществление низкоуглеродной трансформации с тех регионов, где сосредоточены наиболее «грязные» производства и проживает большое количество населения. Однако при этом принципиально важно понимание того, что подобного рода трансформация должна носить комплексный характер, т. е. не ограничиваться только лишь внедрением экологических инноваций отдельными хозяйствующими субъектами (например нефтегазодобывающими, металлургическими или энергетическими корпорациями) или, напротив, общерегиональными, «непроизводительными» инициативами (например расширение площади особо охраняемых природных территорий). И то, и другое имеет значение, и их сочетание обеспечивает переход от кумулятивного к синергетическому эффекту эколого-экономической деятельности.

Таким образом, для промышленных компаний, расположенных на территориях Кемеровской, Свердловской, Челябинской областей и Красноярского края должны быть внедрены специальные инструменты стимулирования для привлечения инвестиционных ресурсов в технологическое развитие данных предприятий. Нужно понимать, что в ходе реализации низкоуглеродных проектов хозяйствующими субъектами только административные меры не улучшат ситуацию. Требуются специальные финансовые стимулы, которые в настоящий момент крайне ограничены и имеют точечный характер. Также обозначенным регионам целесообразно разработать долгосрочную стратегию климатической политики и представить к ней план мероприятий. Следует учесть и возможности цифровизации, в рамках которой на цифровой платформе должно быть описание всех проектов, реализуемых в регионе, а также перечень всевозможных поощрительных мер для тех предприятий и организаций, которые внедряют низкоуглеродные проекты. Такой опыт важен и для других субъектов Российской Федерации. К тому же эффективные низкоуглеродные решения можно не только транслировать, но и коммерциализировать. В этом отношении важно вовлечение низкоуглеродных проектов в механизмы взаимодействия региональных инновационных систем, соответствующих субъектам Российской Федерации. С одной стороны, эти системы содержат в себе инструменты трансфера и внедрения инновационных, эколого-ориентированных решений, с другой – обладают потенциалом самообучаемости, что облегчает усвоение, адаптацию и имплементацию опыта, накопленного в других регионах. Изучение зарубежного опыта использования региональных инновационных систем для решения эколого-экономических задач и выработка подобных механизмов для России с учетом особенностей отечественной социально-экономической организации составляют важную задачу для последующей работы.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что представленные результаты могут быть использованы при разработке стратегических и программных документов эколого-климатической направленности, реализуемых региональными и муниципальными органами власти и руководством предприятий реального сектора экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амирова Э. А. Методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации регионов России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 1. С. 65–70. doi: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-1-65-70>
2. Васильева А. С., Высоцкая Т. Р. Дифференциация современных экономических показателей развития регионов России // Российский экономический интернет-журнал. 2020. № 1. URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/a00/a00bb8732e5219ad103c7ceb12c5b567.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

3. Игонина Л. Л. Дифференциация российских регионов по уровню финансово-инвестиционного развития // Фундаментальные исследования. 2020. № 4. С. 41–46. doi: <https://doi.org/10.17513/fr.42721>

4. Молчанова Т. К., Рубан Д. А., Яшалова Н. Н. Благополучие населения как фактор инфляционной дифференциации регионов России // Вестник НГУЭУ. 2019. № 3. С. 28–42. doi: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-3-028-042>

5. Взаимосвязь энергетической и климатической политики: экономико-математическое обоснование рекомендаций для регулятора / В. М. Жигалов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34, № 2. С. 345–368. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2018.301>

6. Бобылев С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 23–29. URL: https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2019/09/1_EVR_3_61_2019_gr.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

7. Porfiriev B. N. The Low-Carbon Development Paradigm and Climate Change Risk Reduction Strategy for the Economy // Studies on Russian Economic Development. 2019. Vol. 30. Pp. 111–118. doi: <https://doi.org/10.1134/S1075700719020163>

8. Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Колпаков А. Ю. Стратегия низкоуглеродного развития: перспективы для экономики России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 9. С. 15–25. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-15-25>

9. Использование возобновляемых источников энергии в Арктике: роль государственно-частного партнерства / И. М. Потравный [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 144–159. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.8>

10. Башмаков И. А. Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 51–74. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-51-74>

11. Ратнер С. В., Березин А. Э. Анализ политики перехода к низкоуглеродной экономике: финансовые аспекты // Финансы и кредит. 2019. Т. 25, № 7. С. 1646–1662. doi: <https://doi.org/10.24891/fc.25.7.1646>

12. Развитие альтернативной энергетики в России в контексте формирования модели низкоуглеродной экономики / О. В. Кудрявцева [и др.] // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2019. № 4. С. 122–139. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41141871> (дата обращения: 05.05.2021).

13. Low-Carbon Development Quality of Cities in China: Evaluation and Obstacle Analysis / Y. Wang [et al.] // Sustainable Cities and Society. 2021. Vol. 64. doi: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102553>

14. Urban Expansion Simulation Towards Low-Carbon Development: A Case Study of Wuhan, China / Y. Zhang [et al.] // Sustainable Cities and Society. 2020. Vol. 63. doi: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102455>

15. Sun L., Liu W., Li Z. Spatial and Structural Characteristics of CO₂ Emissions in East Asian Megacities and its Indication for Low-Carbon City Development // Applied Energy. 2021. Vol. 284. doi: <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2020.116400>

16. Gao S., Zhang H. Urban Planning for Low-Carbon Sustainable Development // Sustainable Computing: Informatics and Systems. 2020. Vol. 28. doi: <https://doi.org/10.1016/j.suscom.2020.100398>

17. A Review of CO₂ Emissions Reduction Technologies and Low-Carbon Development in the Iron and Steel Industry Focusing on China / L. Ren [et al.] // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. Vol. 143. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.110846>
18. Optimising Renewable Energy Integration in New Housing Developments with Low Carbon Technologies / G. O. Gil [et al.] // Renewable Energy. 2021. Vol. 169. Pp. 527–540. doi: <https://doi.org/10.1016/j.renene.2021.01.059>
19. Филиппов С. П., Кейко А. В. Газификация угля: на перепутье. Технологические факторы // Теплоэнергетика. 2021. № 3. С. 45–58. doi: <https://doi.org/10.1134/S0040363621030048>
20. Титова О. В., Кузнецова Я. Г. Прогресс и будущее технологии низкоуглеродной металлургии в эпоху глобального потепления // Заметки ученого. 2019. № 9. С. 109–112. URL: <http://nauka-prioritet.ru/wp-content/uploads/2019/12/Ноябрь-2019-2.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
21. Мониторинг внедрения низкоуглеродных технологий в зданиях / И. А. Башмаков [и др.] // Энергосбережение. 2020. № 4. С. 38–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42961664> (дата обращения: 05.05.2021).
22. Peng Y., Bai X. Financing Urban Low-Carbon Transition: The Catalytic Role of a City-Level Special Fund in Shanghai // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 282. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124514>
23. China's Supply and Demand Status of Cadmium and Control Countermeasures for Cadmium / Y.-J. Wang [et al.] // Modern Chemical Industry. 2019. Vol. 39. Pp. 16–20. doi: <https://doi.org/10.16606/j.cnki.issn0253-4320.2019.12.004>
24. Experimental Investigation to Evaluate the Potential Environmental Hazards of Photovoltaic Panels / M. Tammam [et al.] // Journal of Hazardous Materials. 2016. Vol. 306. Pp. 395–405. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jhazmat.2015.12.018>
25. How Landscape-Technology Fit Affects Public Evaluations of Renewable Energy Infrastructure Scenarios. A Hybrid Choice Model / B. Salak [et al.] // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. Vol. 143. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.110896>
26. Does Rated Visual Landscape Quality Match Visual Features? An Analysis for Renewable Energy Landscapes / R. Spielhofer [et al.] // Landscape and Urban Planning. 2021. Vol. 209. doi: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.104000>

Поступила 05.05.2021; одобрена после рецензирования 11.07.2021; принята к публикации 21.07.2021.

Об авторах:

Яшалова Наталья Николаевна, заведующий кафедрой экономики и управления Череповецкого государственного университета (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7279-3140>, natalij2005@mail.ru

Рубан Дмитрий Александрович, научный сотрудник Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета) (109004, Российская Федерация, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73), доктор философии (Ph. D.), доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2847-645X>, ruban-d@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. Н. Яшалова – общая структуризация исследования; интерпретация и анализ статистических данных; подготовка текста; формулирование выводов и результатов исследования.

Д. А. Рубан – подготовка текста; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Amirova E.A. Methodological Approaches to the Assessing of Socio-Economic Differentiation of Russian Regions. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ehkonomiki* = Regional Issues of Economic Transformation. 2020; (1):65-70. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-1-65-70>
2. Vasilieva A.S., Vysotskaya T.R. Differentiation of Modern Economic Indicators of the Development of Russian Regions. *Rossiiskij ehkonomicheskij internet-zhurnal* = Russian Economics Online-Journal. 2020; (1). Available at: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/a00/a00b-b8732e5219ad103c7ceb12c5b567.pdf> (accessed 05.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Igonina L.L. Differentiation of Russian Regions by the Level of Financial and Investment Development. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research. 2020; (4):41-46. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17513/fr.42721>
4. Molchanova T.K., Ruban D.A., Yashalova N.N. People Wellbeing as Factor of Inflation Differentiation among Russian Regions. *Vestnik NGUEU* = Bulletin of the NGUEU. 2019; (3):28-42. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-3-028-042>
5. Zhigalov V.M., Podkorytova O.A., Pakhomova N.V., Malova A.S. Interrelation of Energy and Climate Policies: Economic and Mathematical Justification of Recommendations for the Regulator. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ehkonomika* = St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2018; 34(2):345-368. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2018.301>
6. Bobylev S.N. New Economic Models and Sustainable Development. *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* = Economic Revival of Russia. 2019; (3):23-29. Available at: https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2019/09/1_EVR_3_61_2019_gr.pdf (accessed 05.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Porfiriev B.N. The Low-Carbon Development Paradigm and Climate Change Risk Reduction Strategy for the Economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2019; 30:111-118. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.1134/S1075700719020163>
8. Porfirev B.N., Shirov A.A., Kolpakov A.Y. Low-Carbon Development Strategy: Prospects for the Russian Economy. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2020; 64(9):15-25. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-15-25>
9. Potravnyi I.M., Yashalova N.N., Boroukhin D.S., Tolstoukhova M.P. The Usage of Renewable Energy Sources in the Arctic: The Role of Public-Private Partnership. *Ehkono-*

micheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020; 13(1):144-159. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.8>

10. Bashmakov I.A. Russian Low Carbon Development Strategy. *Voprosy ehkonomiki* = Economic Issues. 2020; (7):51-74. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-51-74>

11. Ratner S.V., Berezin A.E. Analyzing the Policy for Transition to a Low-Carbon Economy in Russia: Financial Considerations. *Finansy i kredit* = Finance and Credit. 2019; 25(7):1646-1662. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24891/fc.25.7.1646>

12. Kudryavtseva O.V., Mitenkova E.N., Malikova O.I., Golovin M.S. Development of Alternative Energy in Russia in the Context of a Low-Carbon Economy Model. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ehkonomika* = Moscow University Economics Bulletin. 2019; (4):122-139. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41141871> (accessed 05.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Wang Y., Fang X., Yin S., Chen W. Low-Carbon Development Quality of Cities in China: Evaluation and Obstacle Analysis. *Sustainable Cities and Society*. 2021; 64. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102553>

14. Zhang Y., Liu Y., Wang Y., Liu D., Xia C., Wang Z., et al. Urban Expansion Simulation Towards Low-Carbon Development: A Case Study of Wuhan, China. *Sustainable Cities and Society*. 2020; 63. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102455>

15. Sun L., Liu W., Li Z., Cai B., Fujii M., Luo X., et al. Spatial and Structural Characteristics of CO₂ Emissions in East Asian Megacities and its Indication for Low-Carbon City Development. *Applied Energy*. 2021; 284. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2020.116400>

16. Gao S., Zhang H. Urban Planning for Low-Carbon Sustainable Development. *Sustainable Computing: Informatics and Systems*. 2020; 28. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.suscom.2020.100398>

17. Ren L., Zhou S., Peng T., Ou X. A Review of CO₂ Emissions Reduction Technologies and Low-Carbon Development in the Iron and Steel Industry Focusing on China. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021; 143. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.110846>

18. Gil G.O., Chowdhury J.I., Balta-Ozkan N., Hu Y., Varga L., Hart P. Optimising Renewable Energy Integration in New Housing Developments with Low Carbon Technologies. *Renewable Energy*. 2021; 169:527-540. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.renene.2021.01.059>

19. Filippov S.P., Keiko A.V. Coal Gasification: At the Crossroad. Technological Factors. *Thermal Engineering*. 2021; 68:209-220. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1134/S0040601521030046>

20. Titova O.V., Kuznetsova Ya.G. Progress and Future of Low-Carbon Metallurgy Technology in the Era of Global Warming. *Zametki uchenogo* = Notes of the Scientist. 2019; (9):109-112. Available at: <http://nauka-prioritet.ru/wp-content/uploads/2019/12/Ноябрь-2019-2.pdf> (accessed 05.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Bashmakov I.A., Dzedzichek M.G., Lunin A.A., Drammond P. Monitoring the Implementation of Low-Carbon Technologies in Buildings. *Ehnergoberezhenie* = Energy Saving. 2020; (4):38-43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42961664> (accessed 05.05.2021). (In Russ.)

22. Peng Y., Bai X. Financing Urban Low-Carbon Transition: The Catalytic Role of a City-Level Special Fund in Shanghai. *Journal of Cleaner Production*. 2021; 282. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124514>

23. Wang Y.-J., Tian Y., Zhou Q., Tian Y., Ye J. China's Supply and Demand Status of Cadmium and Control Countermeasures for Cadmium. *Modern Chemical Industry*. 2019; 39:16-20. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.16606/j.cnki.issn0253-4320.2019.12.004>

24. Tammaro M., Salluzzo A., Rimauro J., Schiavo S., Manzo S. Experimental Investigation to Evaluate the Potential Environmental Hazards of Photovoltaic Panels. *Journal of Hazardous Materials*. 2016; 306:395-405. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jhazmat.2015.12.018>

25. Salak B., Lindberg K., Kienast F., Hunziker M. How Landscape-Technology Fit Affects Public Evaluations of Renewable Energy Infrastructure Scenarios. A Hybrid Choice Model. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021; 143. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.110896>

26. Spielhofer R., Hunziker M., Kienast F., Wissen U., Grêt-Regamey H.A. Does Rated Visual Landscape Quality Match Visual Features? An Analysis for Renewable Energy Landscapes. *Landscape and Urban Planning*. 2021; 209. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.104000>

Submitted 05.05.2021; approved after reviewing 11.07.2021; accepted for publication 21.07.2021.

About the authors:

Natalia N. Yashalova, Head of the Department of Economics and Management, Cherepovets State University (5 Lunacharskogo Ave., Cherepovets 162600, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7279-3140>, natalij2005@mail.ru

Dmitry A. Ruban, Researcher, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (The First Cossack University) (73 Zemlyanoy Val St., Moscow 109004, Russian Federation), Ph. D., Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2847-645X>, ruban-d@mail.ru

Contribution of the authors:

N. N. Yashalova – general structuring of the study; interpretation and analysis of statistical data; preparation of the text of the article; drawing conclusions; evaluation of the results of the study.

D. A. Ruban – preparation of the text of the article; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Регионы Северо-Запада России: анализ условий для реализации социальных инноваций

Т. С. Соловьёва

*Вологодский научный центр Российской академии наук
(г. Вологда, Российская Федерация),
solo_86@list.ru*

Аннотация

Введение. В мировой практике социальные инновации выступают важным инструментом регионального развития, однако для России данный тип инноваций является относительно новым явлением. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать условия для реализации социальных инноваций, представляющих значительный потенциал для решения задач

развития территорий.

Материалы и методы. По данным открытых источников и экспертного опроса, проведенного Вологодским научным центром Российской академии наук при непосредственном участии автора, проанализированы сложившиеся в субъектах Северо-Западного федерального округа условия для реализации социальных инноваций в разрезе нормативно-правовых, инфраструктурных, экономических и социально-культурных составляющих. С использованием материалов экспертного опроса дана количественная оценка уровня развития условий для реализации социальных инноваций. Обозначены основные барьеры, препятствующие воспроизводству социальных инноваций в рамках рассматриваемой территории.

Результаты исследования. Выявлено, что на территории регионов Северо-Западного федерального округа условия для реализации социальных инноваций находятся в стадии активного развития: формируется инфраструктура и законодательство; предоставляется финансовая, налоговая и имущественная поддержка, реализуются образовательные программы. Сохраняется ряд проблемных аспектов, связанных с неразвитостью нормативно-правовой базы, отсутствием Центров инноваций социальной сферы в ряде субъектов, ограниченной доступностью некоторых финансовых инструментов, невысокой социальной и инновационной активностью граждан и т. д.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждаются и другими исследованиями, что говорит о необходимости корректировки современной государственной политики в направлении совершенствования соответствующих нормативно-правовых основ, экономических условий, инфраструктуры и социально-культурной среды. Материалы исследования могут быть использованы региональными органами власти при разработке управленческих решений в области поддержки социальных инноваций, а также в дальнейших исследованиях в рамках рассматриваемой проблематики.

© Соловьёва Т. С., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: регион, социальные инновации, нормативно-правовая база, экономическая среда, инфраструктура, социально-культурные условия

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Соловьева Т. С. Регионы Северо-Запада России: анализ условий для реализации социальных инноваций // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 4. С. 768–793. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.768-793>

Original article

Regions of the North-West of Russia: Analysis of the Conditions for the Implementation of Social Innovation

T. S. Soloveva

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russian Federation),
solo_86@list.ru*

Abstract

Introduction. International experience shows that social innovation is an important tool for regional development, although this type of innovation is a relatively new phenomenon for Russia. On the basis of the research conducted, the article analyzes the conditions for the implementation of social innovation which has a significant potential to meet the challenges of territorial development.

Materials and Methods. Based on materials from open sources, as well as on an expert survey conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences with the direct participation of the author, the conditions for the implementation of social innovation prevailing in the constituent entities of the Northwestern Federal District of the Russian Federation were analyzed in the context of legal, infrastructural, economic, and socio-cultural components. Using the results of the expert survey, a quantitative assessment of the level of development of the conditions for the implementation of social innovation was given. The main barriers preventing the reproduction of social innovation within the territory under consideration were revealed.

Results. The study has revealed that in the regions of the Northwestern Federal District the conditions for the implementation of social innovation are at the stage of active development: infrastructure and legislation are being formed; financial, tax and property support is being provided; educational programs are being implemented. The study has also shown that there are a number of problematic aspects associated with the underdevelopment of the regulatory framework, with the lack of Centers for innovation in the social sphere in a number of constituent entities, with the limited availability of some financial instruments, with low social and innovative activity of people, etc.

Discussion and Conclusion. The results obtained are supported by other studies, which substantiates the need for policy adjustment towards improving the relevant regulatory framework, economic conditions, infrastructure, and socio-cultural environment. The research materials can be used by regional authorities when making managerial decisions to support social innovation; they can also be useful for further studies within the framework of the issues under consideration.

Keywords: region, social innovation, regulatory framework, economic environment, infrastructure, socio-cultural conditions

The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Soloveva T.S. Regions of the North-West of Russia: Analysis of the Conditions for the Implementation of Social Innovation. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):768-793. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.768-793>

Введение. Одной из важнейших задач, стоящих перед Россией, является построение социального государства, которое должно соответствовать текущим целям развития страны и современным мировым тенденциям. В данном отношении стратегическим направлением выступает сохранение и прирост человеческого капитала, что, в свою очередь, невозможно без повышения качества жизни и обеспечения необходимых условий для развития и реализации потенциала населения. Эти направления полностью отвечают сформулированной в 2008 г. в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. задаче перехода экономики «к инновационному социально ориентированному типу развития»¹. Однако многих целей, обозначенных в данном стратегическом документе, так и не удалось достичь. Это касается как чисто экономических показателей (ВВП), так и социальных ориентиров (доходы и качество жизни на уровне развитых экономик, общество доверия, ответственности и социальной справедливости и т. д.). В этом случае речь идет об одном из примеров так называемых провалов государства, при котором оно оказывается не в силах эффективно выполнять свои функции, а конкретно – задачи в области разработки и исполнения государственных решений [1, с. 8] вследствие ряда причин (бюрократизации, недостатка объективной информации и ресурсов, сложности согласования интересов различных общественных групп, непоследовательности принятия управленческих решений, кризисных явлений в экономике и др.). С другой стороны, частный сектор далеко не всегда считает выгодным производство и предоставление общественных благ и услуг, вследствие чего возникают обстоятельства, при которых стремление к частным интересам не обеспечивает их эффективную аллокацию, что приводит к формированию провалов рынка². В результате может наблюдаться «двойной провал», когда и рынок, и государство не в состоянии удовлетворить спрос населения на базовые блага [2].

Эффективным инструментом, способным нивелировать существующие провалы, в мировом сообществе видятся социальные инновации, которые возникают как ответ на внутренние и внешние стимулы (проблемы),

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/6217/> (дата обращения: 15.05.2021).

² Weimer D. L., Vining A. R. Policy Analysis: Concepts and Practice. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1992. P. 13.

характерные для определенного социально-экономического и политического контекста [3]. Под ними понимаются «новые идеи, которые удовлетворяют социальные потребности, создают социальные отношения и способствуют развитию новых форм сотрудничества»³. Как показывают научные исследования и практика, данный вид инноваций вносит значимый вклад в достижение многих целей устойчивого развития [4; 5]. В то же время развитие социальных инноваций напрямую определяется условиями, созданными в конкретном регионе, поэтому имеет территориальную специфику. В связи с этим цель статьи – согласно результатам проведенного исследования проанализировать условия для реализации социальных инноваций на примере субъектов Северо-Западного федерального округа России.

Обзор литературы. Анализ научных публикаций по данной проблематике показывает, что исследований, направленных на изучение условий для создания и реализации социальных инноваций, в мировой науке существует не так много, что связано с относительной новизной данного направления. При этом большинство из них концентрируется на национальном, реже локальном, уровне.

Одним из немногочисленных комплексных исследований сравнительного характера является проект The Economist Intelligence Unit, реализованный в 2016 г.⁴. На основе данных экспертного опроса была произведена оценка потенциала развития социальных инноваций в различных странах мира. В состав предложенного индекса, измеряемого по шкале от 0 до 100 баллов, входят 4 блока индикаторов, отражающих ситуацию в политической и институциональной среде, финансировании социально-инновационного бизнеса, развитости ценностей предпринимательства и гражданского общества. В результате было выявлено, что на фоне других стран (особенно наиболее развитых государств – членов Европейского союза) Россия (41,4 балла – 30 место из 45) отстает практически по всем компонентам – по развитию политической и институциональной среды (46,3 балла – 24 место), развитости гражданского общества (29,2 балла – 43 место) и ценностям предпринимательства (46,3 балла – 41 место). Для сравнения: лидеры рейтинга – США, Великобритания и Канада – имеют почти все значения сводного индекса и его составляющих на уровне 75 баллов и выше.

В исследовании, проведенном по инициативе Организации экономического сотрудничества и развития в Хорватии, было выявлено, что развитие социальных инноваций затрудняет несовершенство нормативно-правовой базы, в частности, отсутствие определения социальных инноваций на официальном уровне и критериев отнесения проектов к данному виду инноваций.

³ Social Innovation [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/innovation/social_en (дата обращения: 15.05.2021).

⁴ Old Problems, New Solutions: Measuring the Capacity for Social Innovation Across the World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.essmart-global.com/wp-content/uploads/2016/12/2016.09.29-Economist-Social-Innovation-Index.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

Это препятствует разработке системной государственной политики в рассматриваемой сфере⁵. Также были отмечены следующие проблемы: дефицит финансирования, слабое взаимодействие между акторами, ограниченность понимания феномена социальных инноваций (как инноваций в сфере социального обеспечения).

В качестве основных компонентов для оценки условий развития социальных инноваций зарубежными исследователями предлагаются: политическая, институциональная, ресурсная среда и социальный климат⁶; культурное, финансово-экономическое, политическое пространство [6, р. 294–297]; политические, нормативно-правовые, экономические, социальные, культурные, технологические факторы⁷; организационная, институциональная и культурная среда [7, р. 85]; финансирование, политическая, инфраструктурная среда, научно-образовательное обеспечение⁸ и др.

Для России социальные инновации являются относительно новым явлением, поэтому исследований, посвященных условиям их развития, не так много. Ученые Института экономики Уральского отделения Российской академии наук и Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина в основном фокусируются на исследовании институциональной среды развития социальных инноваций в рамках экономической теории. Так, ими разработан институциональный механизм развития социальных инноваций [8] и институциональный атлас развития социальных инноваций [9], а также обозначены эндогенные (управление и обеспечение ресурсами) и экзогенные («государственное управление, социально-экономические условия, развитие человеческого капитала, инновационная инфраструктура» [10, с. 44] и т. д.) факторы, влияющие на социально-инновационное развитие.

Ю. А. Кузнецова делает акцент на анализе институциональной и информационной составляющих развития социальных инноваций в России. В ходе исследования она приходит к выводу, что в настоящее время институциональная структура, а также информационное обеспечение не в полной мере отвечают задачам развития социальных инноваций [11, с. 14–22]. В качестве фактора, влияющего на развитие социальных инноваций, А. С. Автономов рассматривает добровольчество [12]. И. Краснопольская и И. Мерсиянова

⁵ Social Innovation Policy Framework for Croatia [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/south-east-europe/programme/Social_Innovation_Policy_Framework_Croatia.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

⁶ Paving the Way to Measurement – A Blueprint for Social Innovation Metrics. A Short Guide to the Research for Policy Makers. A Deliverable of the Project: “The Theoretical, Empirical and Policy Foundations for Building Social Innovation in Europe” (TEPSIE) / B. Schmitz, G. Krlev, G. Mildenberger, E. Bund, D. Hubrich. Brussels : European Commission, DG Research, 2013. Pp. 9–10.

⁷ Dobele L. Factors which Influence the Development of Social Innovation in Latvia // Proceedings of the 2015 International Conference “Economic Science for Rural Development”, Jelgava, LLU ESAF, 23–24 April. 2015. Vol. 40. Pp. 235.

⁸ Social Innovation: What it is, Why it Matters and How it Can be Accelerated / G. Mulgan, S. Tucker, R. Ali, B. Sanders. London : The Young Foundation, 2006. Pp. 36–39.

изучают гражданское общество в качестве среды для производства и распространения социальных инноваций [13].

Социальные инновации часто соотносят с явлением социального предпринимательства, так как социальные предприниматели могут способствовать продвижению социальных инноваций [14]. Наряду с некоммерческими организациями социальные предприятия называются в качестве субъектов, которые выступают одними из ключевых проводников социальных инноваций [3]. Это обусловлено социальной направленностью и инновационностью как основными свойствами социального предпринимательства⁹. Под социальным предпринимательством понимается «новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости»¹⁰. Одним из немногих международных компаративных исследований условий развития социального предпринимательства является рейтинг The Thomson Reuters Foundation, который основывался на опросе экспертов в 43 странах с крупнейшими экономиками. В рамках данного рейтинга анализировались 12 блоков, отражающих развитие государственной поддержки, доступа к финансовым и нефинансовым ресурсам, возможностей сбыта продукции и т. д.¹¹. В 2019 г. было выявлено, что самая благоприятная среда для развития социального предпринимательства сложилась в Канаде, Австралии и Франции, в то время как аутсайдерами в данном отношении оказались Япония, Турция и Мексика. Россия заняла 23 место и, по сравнению с данными аналогичного рейтинга 2016 г., поднялась на 7 позиций, что говорит о некотором улучшении среды для развития социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство и условия его развития являются более разработанным научным направлением в России. Одна из первых работ по данной тематике – монография 2011 г. под ред. А. А. Москвоской, где рассматриваются вопросы возникновения российского социального предпринимательства, проанализированы некоторые его кейсы, а также затронуты некоторые аспекты поддержки, в частности, опыт микрофинансирования¹². Среди комплексных исследований, посвященных условиям развития социального предпринимательства, можно выделить работы В. Н. Якимца

⁹ Там же.

¹⁰ Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А. А. Москвоская. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 15.

¹¹ Основные блоки опроса: условия для открытия и развития своего бизнеса; государственная поддержка и простота получения грантов для социальных предпринимателей; простота получения доступа к инвестициям; доступ к нефинансовой поддержке; простота реализации продукции/услуг государству, бизнесу, обществу; простота привлечения кадров требуемой квалификации; понимание сущности деятельности социальных предпринимателей широкой общественностью; социальные предприниматели могут своей деятельностью зарабатывать на жизнь; обороты социального предпринимательства. Подробнее: The Best Countries to be a Social Entrepreneur 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://poll2019.trust.org/> (дата обращения: 15.05.2021).

¹² Социальное предпринимательство в России и в мире...

и Л. И. Никовской [15], В. Ю. Кульковой [16], А. В. Бородиной с соавторами [17], М. М. Ивановой и О. И. Бородкиной [18] и др. Кроме того, изучаются отдельные аспекты его поддержки: инфраструктурные [19], институциональные [20], образовательные [21], финансовые [22], нормативно-правовые [23] и т. д. При этом условия для реализации социальных инноваций и социального предпринимательства все чаще изучаются в рамках экосистемного подхода, предполагающего рассмотрение взаимодействия между теми или иными сторонами, принимающими участие в создании условий и непосредственной реализации социальных инноваций в определенной среде (институциональной, экономической, культурной и т. д.) [24; 25]. Исследования проводятся как на страновом и региональном уровне, так и на локальном. Примером первого направления могут служить публикации, подготовленные Организацией экономического сотрудничества и развития и Европейским союзом по итогам углубленных интервью и другой доступной информации [26; 27], где оцениваются институциональные, нормативно-правовые, финансовые, образовательные, культурные и ряд иных аспектов поддержки социального предпринимательства. Ко второй группе исследований можно отнести работу по изучению экосистемы социального предпринимательства в г. Боготе (Колумбия), включающую оценку по аналогичным характеристикам [28].

Проведенный обзор показывает, что проблема анализа условий развития социальных инноваций более проработана в отношении социального предпринимательства, в то время как непосредственно комплексных исследований среды для создания и реализации социальных инноваций немного. Это обусловлено относительной новизной самого феномена, а также дефицитом информационной базы, поскольку, к примеру, в России отсутствует официальный статистический учет данной категории. Имеющиеся сведения очень разрозненны, поэтому их сбор является достаточно трудоемким. В связи с этим представляется актуальным проведение комплексного анализа условий для реализации социальных инноваций (на материалах Северо-Западного федерального округа).

Материалы и методы. Исходными материалами исследования являются труды зарубежных и отечественных специалистов по проблемам развития социальных инноваций и социального предпринимательства, нормативно-правовые акты, данные официальной статистики, материалы сайтов региональных органов власти и центров инноваций в социальной сфере, а также различных институтов поддержки предпринимательства и др.

Вместе с тем необходимо отметить недостаток эмпирических данных по России, что затрудняет более точную оценку тенденций в данной сфере. Для уточнения ситуации в регионах в 2019 г. при участии автора был осуществлен экспертный опрос основных акторов, которые могут вовлекаться в процесс развития социальных инноваций (представителей органов власти, бизнеса, научно-образовательных структур, некоммерческих организаций, социальных предприятий), в регионах Северо-Западного федерального

округа ($n = 171$). Метод опроса – онлайн-анкетирование. Выборка экспертов строилась «по критериям принадлежности к соответствующей группе акторов, территориальной локализации, компетентности в рассматриваемом вопросе» [29]. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. Выявление уровня развития условий для реализации социальных инноваций производилось по 5-балльной шкале на основе вопроса «Оцените, пожалуйста, условия для развития социальных инноваций в Вашем регионе» в разрезе составляющих (экономические, политические, инфраструктурные, правовые, социальные, технологические, культурные условия). Расчет отдельных компонентов интегрального индекса осуществлялся посредством средней арифметической взвешенной, деленной на 100, а сводного индекса – на основе среднего арифметического. Для определения конкретных уровней развития среды использовался метод равноинтервальной группировки.

Результаты исследования. Некоторое представление об условиях развития социальных инноваций можно получить на основании данных рейтинга регионов России, составляемого Министерством экономического развития Российской Федерации¹³ (рис. 1). За период 2017–2019 гг. по итогам данного рейтинга бесспорным лидером остается Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, а субъекты Северо-Западного федерального округа (СЗФО), за исключением Мурманской и Ленинградской областей, демонстрируют понижательный тренд. При этом последний регион остался практически на своих позициях, а Мурманская область серьезно улучшила свое положение за счет увеличения доли негосударственных организаций в сфере здравоохранения и социального обслуживания, а также расширения муниципальных программ поддержки социального предпринимательства. Наиболее значительное ухудшение ситуации отмечается в Новгородской и Псковской областях (на 18 и 11 баллов соответственно), так как данные субъекты в 2019 г. не предоставили информацию по ряду показателей. Кроме того, в Новгородской области в два раза снизился удельный вес муниципалитетов, реализующих программы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО).

Также необходимо отметить, что у всех регионов округа и России в целом потенциал развития механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства очень существенный, поскольку даже лидеры рейтинга не дотягивают и до оценки в 50 баллов (из 100). В связи с этим более подробно рассмотрим сложившиеся условия для реализации социальных инноваций на примере Северо-Западного федерального округа.

¹³ Для расчета применялись 10 показателей, отражающих механизмы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства. Значения показателей нормализовались по масштабированной шкале (максимум – 100 баллов). Для расчета итогового балла использовалось среднее значение всех индикаторов с учетом равных весов. Группы регионов определялись из ранжированного рейтинга на основе метода К-средних. Более подробно см.: Минэкономразвития России составлен рейтинг субъектов РФ по активности поддержки НКО [Электронный ресурс]. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=107> (дата обращения: 14.06.2021).

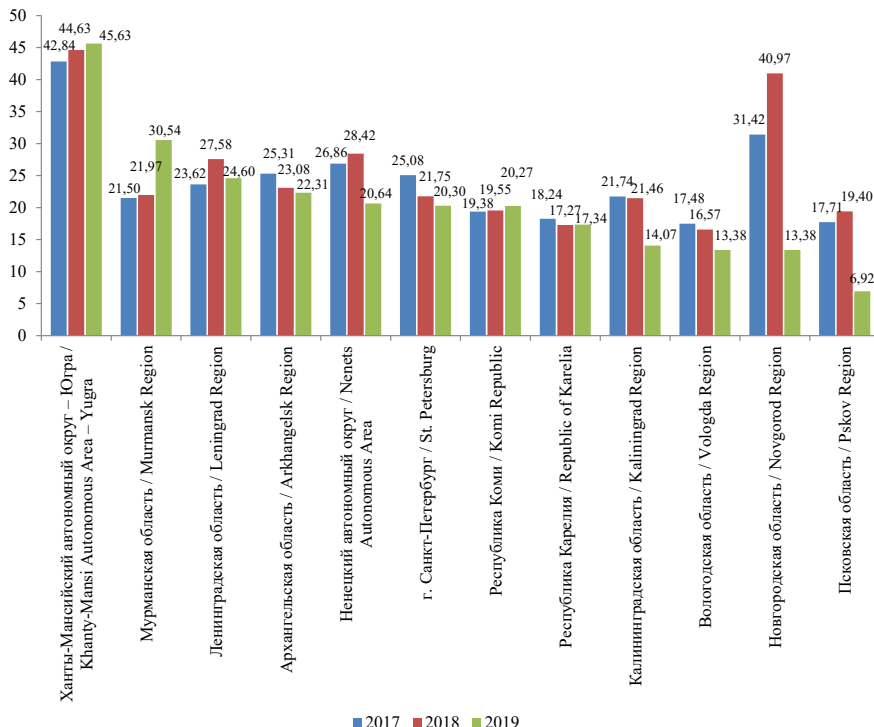

Рис. 1. Рейтинг регионов Российской Федерации по развитости механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства¹⁴

Fig. 1. Rating of the constituent entities of the Russian Federation according to the level of development of the mechanisms supporting socially oriented non-profit organizations and social entrepreneurship

С точки зрения *нормативно-правовых условий* развития социальных инноваций в СЗФО, как и по России в целом, отмечается недостаточная проработанность законодательной основы. Фокус внимания органов власти в связи со стратегическими приоритетами обращен на технологические инновации, а вопросы развития социальных нововведений практически не затрагиваются [30, с. 45]. Стратегические документы регионального развития также

¹⁴ Рисунок составлен по: Доступ негосударственных поставщиков на рынок услуг в социальной сфере [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/socialno_orientirovannye_nekommercheskie_organizacii/dostup_negosudarstvennyh_postavshchikov_na_rynok_uslug_v_socialnoy_sfere/ (дата обращения: 30.05.2021). Ранжировано по 2019 г.

в лучшем случае содержат упоминания о необходимости развития социальных инноваций (Ленинградская и Калининградская области). Только в Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 г. обозначается развитие социальных инноваций в контексте «расширения участия негосударственных социально ориентированных некоммерческих организаций в оказании услуг семьям и детям»¹⁵. Более подробно освещены вопросы непосредственной поддержки социального предпринимательства (Вологодская, Калининградская, Архангельская, Новгородская области и Республика Коми). При этом в основном делается общий акцент на развитие данного направления, однако в Калининградской области отдельно выделены направления привлечения социальных предпринимателей к реализации социально значимых региональных программ, а также поддерживается развитие дополнительного образования в данной сфере. Стоит отметить, что во многих документах поддержка социального предпринимательства не регламентируется напрямую, а указывается в ракурсе развития негосударственного сектора социальных услуг и частных (в том числе некоммерческих) инициатив в социальной сфере. В этом отношении значимую роль сыграло принятие в 2019 г. поправок в Закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»¹⁶. Это позволило заложить законодательную основу для дальнейшего развития социального предпринимательства.

Что касается специальных региональных нормативно-правовых актов, направленных на поддержку социальных инноваций и социального предпринимательства, то их число весьма невелико. Так, в Архангельской области была разработана Концепция развития социального предпринимательства до 2020 г., направленная на обеспечение «правовой, организационной и экономической среды для его формирования и реализации»¹⁷. В Ленинградской области на региональном и муниципальном уровнях разработаны «дорожные карты», а в г. Санкт-Петербурге – программа развития социального предпринимательства, где обозначен разнообразный спектр мер поддержки¹⁸. В то же

¹⁵ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области : областной закон от 18.02.2019 № 57-5-ОЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2900201902200003?index=3&rangeSize=1> (дата обращения: 30.05.2021).

¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» : Федерал. закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907260077?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 30.05.2021).

¹⁷ Об утверждении Концепции развития социального предпринимательства в Архангельской области до 2020 года : утв. постановлением Правительства Архангельской области от 04.02.2014 № 28-пп [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/462606741> (дата обращения: 30.05.2021).

¹⁸ Поддержка социальных предприятий [Электронный ресурс]. URL: <https://sbor.ru/economy/socpredpr>; Субсидии на поддержку и развитие малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://cipit.gov.spb.ru/komitet/subsidii-na-podderzhku-i-razvitie-malogo-i-srednego-predprinimatelstva/> (дата обращения: 30.05.2021).

время практически во всех субъектах округа поддержка социального предпринимательства в том или ином виде указана в региональных и муниципальных программах (подпрограммах) развития малого и среднего предпринимательства, поддержки СО НКО, конкурентной среды и экономического развития в целом.

Таким образом, можно заключить, что ситуация в сфере нормативно-правового обеспечения реализации социальных инноваций и социального предпринимательства находится в стадии развития. Некоторые базовые вопросы урегулированы, но данную область нельзя назвать достаточно разработанной. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование законодательных основ не только на региональном и локальном, но и на федеральном уровнях.

Инфраструктурные условия для реализации социальных инноваций, особенно в рамках социального предпринимательства и поддержки СО НКО, достаточно разнообразны (рис. 2).

Основными структурами, деятельность которых ориентирована непосредственно на поддержку социального предпринимательства и СО НКО, являются Центры инноваций социальной сферы (ЦИСС). В их функции входит широкий спектр направлений (информационно-консультационное, образовательное, маркетинговое, методическое и др.), однако специалисты отмечают, что по факту ЦИССы в большинстве своем оказывают образовательные услуги¹⁹. Также подчеркивается, что данные организации после формирования реестра социальных предпринимателей смогут предоставлять свои услуги только тем субъектам, кто вошел в данный список²⁰. Возможно, это обусловлено тем, что для получения поддержки в рамках Федерального закона № 245-ФЗ необходимо обязательно получить статус социального предпринимателя. В субъектах СЗФО ЦИССы созданы в 8 регионах (кроме Мурманской и Архангельской областей). При этом они функционируют на базе центров «Мой бизнес» (г. Санкт-Петербург, Республика Коми, Ленинградская, Калининградская, Псковская области), корпораций и агентств регионального и городского развития (Вологодская область, Республика Карелия), а также как отдельные структуры (АНО – Новгородская область). Кроме того, отдельные виды услуг по поддержке социальных предпринимателей и СО НКО реализуют региональные Центры поддержки предпринимательства, бизнес-инкубаторы, региональные фонды по содействию кредитованию малого и среднего предпринимательства, благотворительные фонды и общественные организации. Данные организации действуют во всех регионах СЗФО.

¹⁹ Сергей Голубев: В социальном предпринимательстве есть большие возможности заработать [Электронный ресурс]. URL: <https://opora.ru/news/sergey-golubev-v-sotsialnom-predprinimatelstve-est-bolshie-vozmozhnosti-zarabotat.html> (дата обращения: 30.05.2021).

²⁰ Вылегжанина У. Поддержка с условиями. Закон о социальном предпринимательстве поможет развиваться общественно полезным проектам. Но не всем [Электронный ресурс] // Российская газета. Экономика Северо-Запада. 2020. № 28 (8082). URL: <https://rg.ru/2020/02/11/reg-szfo/nakakie-igoty-mogut-rasschityvat-socialnye-predprinimateli-v-szfo.html> (дата обращения: 30.05.2021).

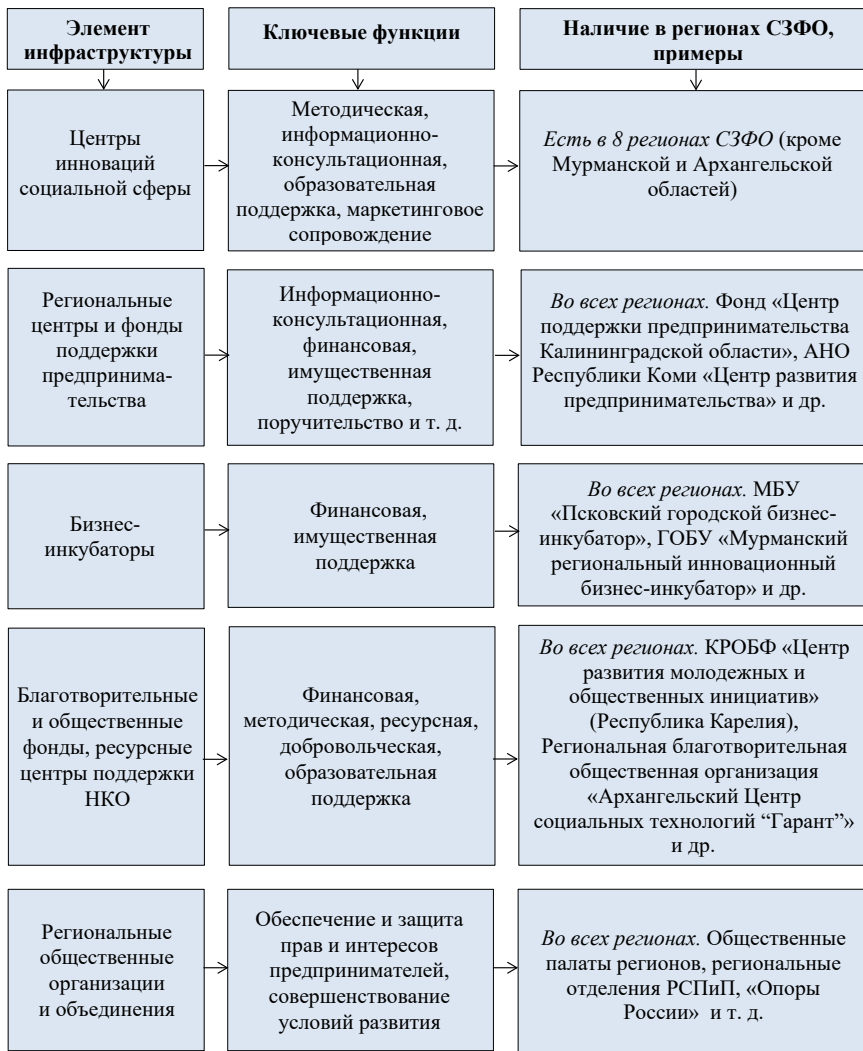

Рис. 2. Основные элементы инфраструктуры поддержки социальных инноваций и их функции в регионах Северо-Западного федерального округа²¹

²¹ Рисунок составлен автором статьи.

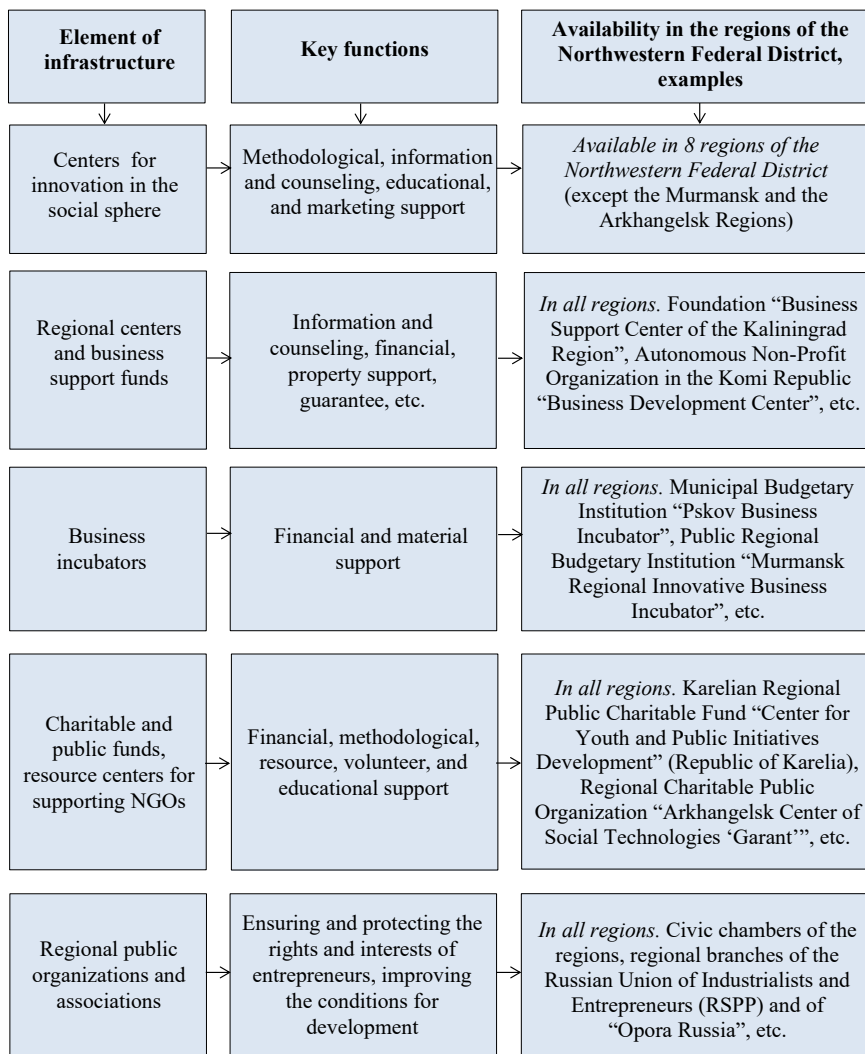

Fig. 2. The main elements of the social innovation support infrastructure and their functions in the regions of the Northwestern Federal District

Рассмотренные структуры содействуют в получении субсидий, кредитов, поручительства, распространении информации в СМИ, участии в ярмарках и выставках; дают консультации по юридическим и методическим вопросам; оказывают помощь в составлении бизнес-планов; помогают получить в пользование помещения на льготной основе и т. д.

Экономические условия для реализации социальных инноваций включают в себя финансовую, имущественную, налоговую поддержку. Государство предоставляет помощь в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»²², реализации дорожной карты по поддержке доступа некоммерческих организаций к предоставлению социальных услуг²³, «дорожных карт» по содействию развитию конкуренции²⁴. Социальные предприниматели и СО НКО могут получить субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредиту и лизинговым платежам, приобретение оборудования, создание собственного дела и т. д. Социальные предприниматели, входящие в официальный реестр, могут претендовать на гранты в размере до 500 тыс. руб. (в Арктической зоне – до 1 млн руб.) при условии софинансирования заявителем не менее 50 % от общего объема затрат (например, в Вологодской области – 100 %²⁵). В ряде регионов округа действуют специальные грантовые программы для социальных предпринимателей и СО НКО, ведущих определенные виды деятельности (конкурс грантов на реализацию инновационных проектов в системе общего образования (Мурманская область); в Республике Коми – гранты Главы Республики Коми в области народных художественных промыслов и ремесел; конкурс грантов губернатора Архангельской области на реализацию проектов регионального значения в сфере культуры и искусства и др.).

Кроме того, в случае включения в реестр поставщиков социальных услуг²⁶ социальный инноватор имеет право на получение бюджетного

²² Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/864/events/> (дата обращения: 31.05.2021).

²³ Об утверждении «дорожной карты» «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.06.2016 № 1144-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/23445/> (дата обращения: 31.05.2021).

²⁴ Например: Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по содействию развитию конкуренции в Республике Коми и Перечня товарных рынков для содействия развитию конкуренции в Республике Коми [Электронный ресурс]: распоряжение главы Республики Коми от 27.09.2019 № 256-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561554709> (дата обращения: 31.05.2021).

²⁵ Более 50 заявок поступило от предпринимателей Вологды для получения статуса «социальный» в этом году [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80adde7arb.xn--p1ai/news/economy/55942/> (дата обращения: 31.05.2021).

²⁶ В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» юридические лица любой организационно-правовой формы и индивидуальные предприниматели имеют право на включение в реестр поставщиков социальных услуг.

финансирования в форме компенсации расходов за предоставление услуг (субсидии), в том числе потребительского сертификата, участия в конкурсах по закупке услуг для государственных и муниципальных нужд. В то же время эксперты указывают на то, что часто многие субъекты, во-первых, не могут войти в данный реестр по причине несоответствия предоставляемых ими услуг Перечню социальных услуг²⁷, и не могут получить государственную поддержку, а во-вторых, не хотят входить в реестр, так как это повлечет за собой рост отчетности при низких государственных тарифах на оказание социальных услуг, которые не позволят им компенсировать их расходы [31, с. 197–206]. Похожая ситуация складывается и в отношении реестра социальных предпринимателей.

Практически повсеместно на территории округа предоставляются услуги льготного кредитования и лизинга, микрозаймов, поручительства, льготной аренды помещений и земельных участков, льготные ставки налогов на прибыль и имущество, а также нулевая ставка по упрощенной и патентной системе налогообложения для ряда организаций.

Помимо государственной помощи социальные инноваторы могут рассчитывать на поддержку частного бизнеса. К примеру, ФРСП «Наше будущее» предоставляет поддержку в виде премий и беспроцентных займов. ПАО «Северсталь», АО «ОМК», ОК «РУСАЛ» и ряд других компаний в рамках стратегий корпоративной социальной ответственности реализуют программы грантовой поддержки. В территориальном аспекте необходимо отметить наличие в Республике Коми единственной в СЗФО и России региональной краудфандинговой платформы «Зарни Шайт»²⁸. В плане развития венчурного финансирования наиболее благоприятная ситуация складывается в Республике Карелии, Вологодской, Калининградской областях, г. Санкт-Петербурге, где функционируют венчурные фонды регионального, муниципального и корпоративного уровней. Наиболее доступными инструментами поддержки, по мнению специалистов, являются краудфандинг, пожертвования и гранты [27, с. 104]. Беспроцентные займы фондов менее доступны по причине высоких требований, а венчурное финансирование и займы по рыночной стоимости практически недоступны.

Социально-культурные условия включают в себя доступность образовательных услуг, а также ситуацию в сфере развития гражданского общества и социальной активности населения. Основной спектр программ обучения в сфере социальных инноваций и социального предпринимательства осуществляется ЦИССами и некоторыми структурами развития третьего сектора

²⁷ Данный перечень регламентируется законом отдельного субъекта Российской Федерации с учетом примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 24.11.2014 № 1236.

²⁸ Краудфандинговая платформа Республики Коми «Зарни Шайт» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aatfgvu5c.xn--p1ai/> (дата обращения: 31.05.2021).

(к примеру, ресурсные центры НКО). Однако, как отмечают эксперты, большая часть из них приходится на краткосрочные мероприятия (тренинги, семинары, мастер-классы и т. д.), при этом для социальных инноваторов гораздо более важны «трехмесячные комплексные программы»²⁹, которые реализуются в форме акселераторов и школ социального предпринимательства. Помимо услуг ЦИССов обучение в сфере социального предпринимательства проводится региональными центрами поддержки предпринимательства, отделениями торгово-промышленных палат. Что касается профессионального образования и повышения квалификации, то в СЗФО также есть возможность его получения, в частности, на базе Мурманского арктического государственного университета по магистерской программе «Социальное предпринимательство в сфере социального обслуживания»³⁰, а также в Высшей школе менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета в рамках программы дополнительного профессионального образования «Управление проектами в области социального предпринимательства»³¹.

Развитие гражданского общества, инновационной и социальной активности выступает значимым фактором, оказывающим влияние на создание и реализацию социально-инновационных проектов. Исследования показывают, что уровень инновационной и социальной активности жителей невысок. К примеру, по данным мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, доля жителей региона, которые не готовы предпринимать какие-либо действия для развития своего населенного пункта, составляет порядка 30 % [30, с. 45]. Опрос, проведенный Вологодским научным центром Российской академии наук в 2019 г. в регионах СЗФО, показал, что от 47 до 57 % опрошенных не готовы участвовать в инновационных проектах по решению конкретных социальных задач [32, с. 114–116]. Основными причинами сложившейся ситуации являются дефицит свободного времени (50 %) и здоровья (18 %), отсутствие интереса к подобной деятельности (13 %).

В целях более полного рассмотрения ситуации в сфере формирования условий для реализации социальных инноваций проанализируем данные экспертного опроса, проведенного с участием автора в 2019 г. в регионах Северо-Западного федерального округа. В ходе оценки по описанной выше методике определено, что развитие условий для реализации социальных инноваций в целом находится на среднем уровне (интегральный индекс составил 0,576) (таблица).

²⁹ Сергей Голубев: В социальном предпринимательстве есть большие возможности заработать [Электронный ресурс]. URL: <https://opora.ru/news/sergey-golubev-v-sotsialnom-predprinimatelstve-est-bolshie-vozmozhnosti-zarabotat.html> (дата обращения: 31.05.2021).

³⁰ Направления подготовки [Электронный ресурс]. URL: https://www.masu.edu.ru/structure/kafs/kaf_fsn/spec/ (дата обращения: 31.05.2021).

³¹ В Высшей школе менеджмента СПбГУ прошла серия научно-практических семинаров «Школа социального предпринимательства» [Электронный ресурс]. URL: https://gsom.spbu.ru/all_news/event2018_04_29/ (дата обращения: 31.05.2021).

Т а б л и ц а. Уровень развития условий для реализации социальных инноваций в разрезе субъектов Северо-Западного федерального округа (по оценкам экспертов)

Table. Levels of development of the conditions for the implementation of social innovation in the constituent entities of the Northwestern Federal District (according to experts)

Регион / Region	ЭУ / EC	ПУ / PC	ИУ / IC	ПрУ / LC	СУ / SC	ТУ / TC	КУ* / CC	Интегральный индекс** / Composite index
Ленинградская область / Leningrad Region	0,608	0,604	0,675	0,650	0,650	0,638	0,628	0,638
Вологодская область / Vologda Region	0,621	0,600	0,658	0,604	0,604	0,596	0,594	0,618
Новгородская область / Novgorod Region	0,633	0,625	0,646	0,596	0,571	0,608	0,578	0,613
Мурманская область / Murmansk Region	0,588	0,683	0,579	0,663	0,554	0,600	0,578	0,605
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,598	0,500	0,609	0,514	0,632	0,636	0,567	0,588
Калининградская область / Kaliningrad Region	0,550	0,700	0,567	0,550	0,617	0,500	0,444	0,571
Архангельская область / Arkhangelsk Region	0,498	0,588	0,572	0,608	0,568	0,512	0,584	0,565
Республика Коми / Komi Republic	0,483	0,525	0,608	0,592	0,583	0,550	0,589	0,562
Псковская область / Pskov Region	0,500	0,583	0,583	0,500	0,517	0,483	0,511	0,526
Республика Карелия / Republic of Karelia	0,498	0,458	0,488	0,464	0,483	0,543	0,511	0,495
<i>СЗФО в среднем / Average for the Northwestern Federal District</i>	<i>0,552</i>	<i>0,581</i>	<i>0,595</i>	<i>0,574</i>	<i>0,576</i>	<i>0,564</i>	<i>0,563</i>	<i>0,576</i>

* ЭУ – экономические, ПУ – политические, ИУ – инфраструктурные, ПрУ – правовые, СУ – социальные, ТУ – технологические, КУ – культурные условия / EC – economic, PC – political, IC – infrastructural, LC – legal, SC – social, TC – technological, CC – cultural conditions.

** Уровни развития / Levels of development: 0,200–0,360 – низкий / low, 0,361–0,521 – ниже среднего / below average, 0,522–0,682 – средний / average, 0,683–0,843 – выше среднего / above average, 0,844–1,0 – высокий / high.

Лидером в данном отношении выступает Ленинградская область (0,638), а наименее позитивная ситуация сложилась в Республике Карелии, которая по данному показателю оказалась на последнем месте (0,495). В первом случае полученные результаты могут быть обусловлены наличием ЦИСС, относительной развитостью нормативно-правовой базы социального предпринимательства и экономической поддержки, а во втором – недостаточным уровнем развития большинства индикаторов (прежде всего политических и правовых условий, что выражается в несовершенстве законодательных основ для реализации социальных инноваций).

Существенных различий в развитости отдельных составляющих в целом не наблюдается. Так, наименьшие значения показателя зафиксированы относительно создания экономических условий, а наибольшие – для инфраструктурных. Это может говорить о том, что при наличии соответствующей инфраструктуры ее возможности, в частности получение финансовой поддержки, используются не в полную силу. В то же время в рамках конкретного региона и компонента значения отдельных показателей несколько варьируются. Так, наибольший разброс значений отмечен по уровню развитости политических и правовых условий, а среди регионов – в Калининградской области (от 0,444 до 0,700).

Стоит отметить, что органы власти, в отличие от других групп экспертов, несколько выше оценили развитие всех компонентов среды, но и в этом случае уровень их развития может быть интерпретирован лишь как средний. Более критично отнеслись к оценке условий социальные предприниматели и структуры гражданского общества как субъекты, которые, по мнению самих экспертов, чаще всего являются инициаторами разработки проектов социальных инноваций.

Среди факторов, наиболее ограничивающих развитие социальных инноваций, экспертами выделены следующие: низкая социальная активность населения, законодательные ограничения, неразвитость взаимодействия между акторами, нехватка специалистов в данной сфере и дефицит финансирования. В качестве ключевой проблемы чаще всего обозначалось отсутствие тесных партнерских взаимоотношений, что связывалось с недостаточностью информирования, коммуникации и доверия между различными акторами. Схожие результаты были получены и в исследовании, посвященном социальному предпринимательству в Карелии, где отмечалась слабая информированность социальных предпринимателей о программах государственной поддержки [31, с. 207].

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в настоящее время на территории Северо-Западного федерального округа сформировалась определенная среда для реализации социальных инноваций, но, по мнению самих социальных инноваторов и экспертов, остаются нерешенными проблемы, препятствующие развитию подобных

проектов³². В результате наблюдается ситуация, когда формально те или иные инструменты развития созданы, но эффективность их работы вызывает сомнения. Это находит подтверждение и в ряде других исследований [15; 33].

Неразвитая законодательная база характерна и для федерального, и для регионального уровня. Нормативно-правовые акты, напрямую регулирующие развитие социальных инноваций, отсутствуют, а сам феномен лишь упоминается в ряде стратегических документов регионального развития. Более благоприятна ситуация в отношении основных проводников социальных инноваций – социального предпринимательства и СО НКО. Однако и в этом случае законодательство требует совершенствования, к примеру, в контексте расширения критериев для включения в реестр социальных предпринимателей (в частности, сфер деятельности и организационно-правовых форм).

Инфраструктура для развития социальных инноваций и социального предпринимательства постепенно формируется. В настоящее время она представлена центрами инноваций социальной сферы, региональными институтами развития малого и среднего предпринимательства, платформами для поиска финансирования, ресурсными центрами НКО и т. д. В то же время специалистами отмечается, что эффективность их работы невысока. Особенно это касается получения с их помощью финансовой и имущественной поддержки: «я обращалась за грантом в бизнес-инкубатор – там мне отказали, потом я участвовала в конкурсе “Мама-предприниматель” – там я тоже грант не получила» («Беговелошкола», Вологодская область). В данном случае необходимо обратиться к позитивному опыту функционирования подобных структур: ЦИССы Омской и Нижегородской областей, а на территории СЗФО – ЦИСС Новгородской области, который в составленном Министерством экономического развития Российской Федерации в 2021 г. рейтинге центров «Мой бизнес» по направлению «Лучший Центр инноваций социальной сферы» вошел в тройку лидеров. Кроме того, в Архангельской и Мурманской областях ЦИССы на 2021 г. вообще отсутствуют.

В рамках экономической поддержки социальные инноваторы могут рассчитывать на получение грантов, в том числе в форме субсидий, поручительства, льгот по налогообложению, кредитованию, аренде имущества, лизингу и т. д. Например, проект студии цифровой печати (г. Санкт-Петербург) получил субсидию Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга: «удалось приобрести цифровую печатную машину и постпечатное оборудование, а также организовать четыре рабочих места для инвалидов». Однако часто (особенно при получении кредита) возникают сложности, связанные с необходимостью залога и конкуренцией с проектами из реального сектора экономики [30, с. 45]: «вот столкнувшись с банком: все хотят же дать залоговый кредит, ну а у меня-то нечего заложить» («Беговелошкола», Вологодская

³² Далее для иллюстрации представлены выдержки из углубленных интервью с социальными инноваторами, проведенными в регионах СЗФО летом 2019 г. с участием автора.

область). В этом плане позитивным шагом является разработка специализированных программ беззалогового кредитования (например, в Ленинградской области). С точки зрения обеспечения доступа негосударственных организаций к оказанию услуг в социальной сфере также есть проблемы в контексте невысоких государственных тарифов, которые не компенсируют соответствующие расходы, а также чрезмерной отчетности: «очень большая отчетность, иногда непонятно – документы вообще для чего...» (Проект по оказанию помощи семьям, имеющим детей с особенностями развития, Мурманская область).

Социально-культурные условия также требуют совершенствования. При наличии ряда образовательных программ, реализуемых на территории округа, большая часть из них приходится на краткосрочные обучающие интенсивы по конкретной тематике. Гораздо менее распространены комплексные долгосрочные программы, в том числе на базе организаций профессионального образования. Представляется значимым развитие именно этого направления в целях расширения возможностей для получения профессионального и дополнительного образования, так как социальный инноватор, начинающий с нуля, нуждается в приобретении более широкого спектра знаний и навыков («сложность была в незнании, наверно. Мы не знали, как все это организовать») (Проект по производству карточек альтернативной коммуникации для детей с особенностями развития, Республика Карелия)). Кроме того, учитывая невысокую социальную и инновационную активность населения, необходимо проведение мероприятий по ее повышению, например в процессе преподавания отдельных дисциплин на разных ступенях образования. Важным фактором для реализации социальных инноваций выступает грамотный подбор команды проекта: «я ожидала, что нам будет поддержка: фонды благотворительные, частный сектор, государство – все захотят помочь. Ничего подобного. Если на этапе создания проекта рассчитывать только на эту помощь, вполне вероятно, что этот проект провалится. Нужна вовлеченная команда» (Инклюзивный детский сад, г. Санкт-Петербург).

Таким образом, первоочередной задачей в плане создания благоприятной среды для развития социальных инноваций выступает формирование соответствующей законодательной базы как на федеральном, так и на региональном уровнях. Это даст основу для развития других, не менее значимых, направлений поддержки: повышения эффективности предоставления финансовой и имущественной помощи, оказания образовательных и консультационных услуг, в том числе в рамках действующей инфраструктуры поддержки. Для реализации обозначенных траекторий совершенствования условий внедрения социальных инноваций значимым фактором является установление коммуникации и партнерских отношений между всеми заинтересованными сторонами, поскольку это способствует более эффективному аккумулированию и использованию имеющихся ресурсов для продвижения подобных инициатив.

Результаты настоящего исследования представляют интерес в ракурсе принятия управленческих решений и образовательных целей, а также могут стать основой для углубления научных исследований в рамках рассматриваемой тематики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Городецкий А. Провалы государства и дисфункции государственного управления // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 3. С. 6–18. URL: <https://ptpmag.ru/provaly-gosudarstva-i-disfunkcii-gosudarstvennogo-upravlenija/> (дата обращения: 30.05.2021).
2. Aoyama Y., Parthasarathy B. When Both the State and Market Fail: Inclusive Development and Social Innovation in India // Area Development and Policy. 2018. Vol. 3, issue 3. Pp. 330–348. doi: <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1481759>
3. Phills J. A., Deiglmeier K., Miller D. T. Rediscovering Social Innovation // Stanford Social Innovation Review. 2008. Vol. 6, issue 4. Pp. 34–43. URL: https://www.researchgate.net/publication/242511521_Rediscovering_Social_Innovation (дата обращения: 30.05.2021).
4. Nyseth T., Hamdouch A. The Transformative Power of Social Innovation in Urban Planning and Local Development // Urban Planning. 2019. Vol. 4, no. 1. Pp. 1–6. doi: <https://doi.org/10.17645/up.v4i1.1950>
5. Repo P., Matschoss K. Social Innovation for Sustainability Challenges // Sustainability. 2020. Vol. 12, issue 1. doi: <https://doi.org/10.3390/su12010319>
6. Creating (Economic) Space for Social Innovation / R. Ziegler [et al.] // Journal of Human Development and Capabilities. 2017. Vol. 18, issue 2. Pp. 293–298. doi: <https://doi.org/10.1080/19452829.2017.1301897>
7. Kaletka C., Markmann M., Pelka B. Peeling the Onion. An Exploration of the Layers of Social Innovation Ecosystems. Modelling a Context Sensitive Perspective on Driving and Hindering Factors for Social Innovation // European Public & Social Innovation Review. 2017. Vol. 1, no. 2. Pp. 83–93. doi: <https://doi.org/10.31637/epsir.16-2.3>
8. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 57–75. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.5.47.3>
9. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К. Институциональный атлас социальных инноваций // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 80–96. URL: <https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2017/06/2017-2-52.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).
10. Тенденции развития социальных инноваций / Е. В. Попов [и др.] // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 3. С. 35–59. doi: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-3-35-59>
11. Кузнецова Ю. А. Социальные инновации в Российской Федерации: институциональный и информационный аспекты : моногр. Новокузнецк : ИП Петровский К. В., 2020. 131 с. doi: <https://doi.org/10.18411/kuznecova-monogr-socialinnovation-2020>
12. Автономов А. С. Добровольчество как фактор развития гражданского общества и социальных инноваций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7, вып. 6. С. 92–109. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/135> (дата обращения: 30.05.2021).

13. Krasnopol'skaya I., Mersiyanova I. Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation // *Foresight-Russia*. 2014. Vol. 8, issue 4. Pp. 40–53. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/en/2014-8-4/140154236.html> (дата обращения: 30.05.2021).

14. Westley F., Antadze N. Making a Difference: Strategies for Scaling Social Innovation for Greater Impact // *Innovation Journal*. 2010. Vol. 15, issue 2. Pp. 1–19. URL: https://www.innovation.cc/scholarly-style/2010_15_2_2_westley-antadze_social-innovate.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

15. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Поддержка социального предпринимательства: оценка механизмов и рейтинг регионов России // *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 99–109. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250004962-1>

16. Кулькова В. Ю. Реализация государственной поддержки социального предпринимательства в развитии услуг социальной сферы в РФ в региональных практиках // *Вопросы управления*. 2021. № 2. С. 90–101. doi: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-90-101>

17. Интеллектуальное социальное предпринимательство: перспективы формирования экосистемы / А. В. Бородин [и др.] // *Logos et Praxis*. 2020. Т. 19, № 4. С. 62–77. doi: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.4.6>

18. Иванова М. М., Бородин О. И. Развитие экосистемы социального предпринимательства в Северо-Западном регионе России // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2020. № 4. С. 622–636. doi: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-622-636>

19. Кулькова В. Ю. Инфраструктурная поддержка социального предпринимательства в России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13, № 9. С. 1592–1607. doi: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1592>

20. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства / Е. В. Попов [и др.] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11, № 4. С. 217–234. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.14>

21. Благов Ю. Е., Арай Ю. Н. Образовательные программы в области социального предпринимательства: мировой опыт и российские особенности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8: Менеджмент*. 2014. Вып. 3. С. 177–197. URL: <http://www.vestnikmanagement.spbu.ru/archive/pdf/625.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).

22. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Козинская К. М. Финансовые инструменты развития социального предпринимательства // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 5. С. 91–108. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.6>

23. Барков А. В., Гришина Я. С. Критический анализ российского правотворческого подхода к легализации социального предпринимательства // *Гражданское право*. 2019. № 2. С. 3–6. doi: <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-2-3-5>

24. Соловьева Т. С. Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // *Вестник НГИЭИ*. 2019. № 3 (94). С. 84–93. URL: http://vestnik.ngiei.ru/?page_id=1709 (дата обращения: 30.05.2021).

25. Terstriep J., Rehfeld D., Kleverbeck M. Favourable Social Innovation Ecosystem(s)? – An Explorative Approach // *European Planning Studies*. 2020. Vol. 28, issue 5. Pp. 881–905. doi: <https://doi.org/10.1080/09654313.2019.1708868>

26. Boosting Social Entrepreneurship and Social Enterprise Development in the Netherlands / L. Aisenberg [et al.] // OECD Working Paper. 2019. Vol. 01. 79 p. doi: <https://doi.org/10.1787/4e8501b8-en>
27. Hulgård L., Chodorkoff L. M. Social Enterprises and their Ecosystems in Europe: Country Report, Denmark. Brussels : European Commission, 2019. 87 p. doi: <https://doi.org/10.2767/78>
28. Ramos N. S. Evaluation of a Social Entrepreneurial Ecosystem: The Case of Bogotá. Thesis for: MSc in Entrepreneurship and Innovation. Edinburgh : University of Edinburgh, 2018. 68 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/330486453_EVALUATION_OF_A_SOCIAL_ENTREPRENEURIAL_ECOSYSTEM_The_Case_of_Bogota (дата обращения: 30.05.2021).
29. Соловьева Т. С., Попов А. В. Оценка межсекторального взаимодействия по вопросам развития социальных инноваций на региональном уровне // Социальное пространство. 2019. № 4 (21). doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2019.4.21.2>
30. Соловьева Т. С. Развитие экосистем социальных инноваций в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 3. С. 42–50. doi: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.5>
31. Петровская Ю. А., Ключкова К. А. Социальное предпринимательство как субъект социального обслуживания населения в контексте инновационного развития российского общества (на примере Республики Карелии) // Регион: экономика и социология. 2019. № 3 (103). С. 195–215. doi: <https://doi.org/10.15372/REG20190308>
32. Устинова К. А. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 102–119. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.6.104.7>
33. Смирнов В. А. Региональные системы социального предпринимательства в России: типология, факторы развития, ключевые противоречия // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. Рр. 23–40. doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-23-40>

Поступила 17.06.2021; одобрена после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 29.07.2021.

Об авторе:

Соловьева Татьяна Сергеевна, научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>, solo_86@list.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gorodetsky A. Failures of the State and Dysfunctions of State Administration. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* = Issues of Management Theory and Practice. 2017; (3):6-18. Available at: <https://ptpmag.ru/provaly-gosudarstva-i-disfunkcii-gosudarstvenno-go-upravlenija/> (accessed 30.05.2021). (In Russ.)

2. Aoyama Y., Parthasarathy B. When Both the State and Market Fail: Inclusive Development and Social Innovation in India. *Area Development and Policy*. 2018; 3(3):330-348. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1481759>
3. Phills J.A., Deiglmeier K., Miller D.T. Rediscovering Social Innovation. *Stanford Social Innovation Review*. 2008; 6(4):34-43. Available at: https://www.researchgate.net/publication/242511521_Rediscovering_Social_Innovation (accessed 30.05.2021). (In Eng.)
4. Nyseth T., Hamdouch A. The Transformative Power of Social Innovation in Urban Planning and Local Development. *Urban Planning*. 2019; 4(1):1-6. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.17645/up.v4i1.1950>
5. Repo P., Matschoss K. Social Innovation for Sustainability Challenge. *Sustainability*. 2020; 12(1). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/su12010319>
6. Ziegler R., Molnár G., Chiappero-Martinetti E., Von Jacobi N. Creating (Economic) Space for Social Innovation. *Journal of Human Development and Capabilities*. 2017; 18(2):293-298. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/19452829.2017.1301897>
7. Kaletka C., Markmann M., Pelka B. Peeling the Onion. An Exploration of the Layers of Social Innovation Ecosystems. Modelling a Context Sensitive Perspective on Driving and Hindering Factors for Social Innovation. *European Public & Social Innovation Review*. 2017; 1(2):83-93. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.31637/epsir.16-2.3>
8. Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Omonov Zh.K. Institutional Mechanism for Shaping Social Innovation. *Ehkonomicheskije i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016; (5):57-75. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.5.47.3>
9. Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Omonov Zh.K. Institutional Atlas of Social Innovations. *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* = Economic Revival of Russia. 2017; (2):80-96. Available at: <https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2017/06/2017-2-52.pdf> (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Popov E.V., Omonov J.K., Naumov I.V., Veretennikova A.Y. Trends in the Development of Social Innovation. *Terra Economicus*. 2018; 16(3):35-59. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-3-35-59>
11. Kuznetsova Yu.A. Social Innovation in the Russian Federation: Institutional and Informational Aspects (A Monograph). Novokuznetsk; 2020. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.18411/kuznecova-monogr-socialinnovation-2020>
12. Avtonomov A.S. Volunteering is a Factor of the Civil Society Development and Social Innovation. *Kontury globalnykh transformatsij: politika, ehkonomika, pravo* = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2014; 7(6):92-109. Available at: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/135> (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Krasnopolskaya I., Mersiyanova I. Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation. *Foresight-Russia*. 2014; 8(4):40-53. Available at: <https://foresight-journal.hse.ru/en/2014-8-4/140154236.html> (accessed 30.05.2021). (In Eng.)
14. Westley F., Antadze N. Making a Difference: Strategies for Scaling Social Innovation for Greater Impact. *Innovation Journal*. 2010; 15(2):1-19. Available at: https://www.innovation.cc/scholarly-style/2010_15_2_2_westley-antadze_social-innovate.pdf (accessed 30.05.2021). (In Eng.)
15. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. Support of Social Entrepreneurship: Evaluation of Mechanisms and Rating of Russian Regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological

ical Studies. 2019; (5):99-109. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250004962-1>

16. Kulkova V.Yu. Implementation of State Support for Social Entrepreneurship in the Development of Social Services in the Regions of the Russian Federation. *Voprosy upravleniya* = Management Issues. 2021; (2):90-101. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-90-101>

17. Borodina A.V., Vasilieva E.N., Lavrenyuk N.M., Poltavskaya M.B. Intellectual Social Entrepreneurship: Prospects for the Formation of the Ecosystem. *Logos et Praxis*. 2020; 19(4):62-77. (In Russ., abstract in Eng.) doi: DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.4.6>

18. Ivanova M.M., Borodkina O.I. Development of the Ecosystem of Social Entrepreneurship in the Northwestern region of Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* = Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2020; (4):622-636. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-622-636>

19. Kulkova V.Yu. Support Infrastructure for Social Entrepreneurship in Russia. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2017; 13(9):1592-1607. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1592>

20. Popov E.V., Veretennikova A.Y., Naumov I.V., Kozinskaya K.M. Non-Formal Institutional Environment of Social Entrepreneurship. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018; 11(4):217-234. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.14>

21. Blagov Yu.E., Aray Yu.N. Educational Programs in Social Entrepreneurship: International Experience and Russian Features. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 8: Menedzhment* = Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2014; (3):177-197. Available at: <http://www.vestnikmanagement.spbu.ru/archive/pdf/625.pdf> (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M. Financial Tools to Develop Social Entrepreneurship. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019; 12(5):91-108. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.6>

23. Barkov A.V., Grishina Ya.S. A Critical Analysis of the Russian Law-Making Approach to Legalization of Social Entrepreneurship. *Grazhdanskoe pravo* = Civil Law. 2019; (2):3-6. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-2-3-5>

24. Soloveva T.S. Theoretical Issues of Social Innovation Ecosystems-Building and Development. *Vestnik NGIEI* = Bulletin NGIEI. 2019; (3):84-93. Available at: http://vestnik.ngiei.ru/?page_id=1709 (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Terstriep J., Rehfeld D., Kleverbeck M. Favourable Social Innovation Ecosystem(s)? – An Explorative Approach. *European Planning Studies*. 2020; 28(5):881-905. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/09654313.2019.1708868>

26. Aisenberg L., Heikkilä S., Noya A., Santos F. Boosting Social Entrepreneurship and Social Enterprise Development in the Netherlands. OECD Working Paper. 2019; 1:1-79. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1787/4e8501b8-en>

27. Hulgård L., Chodorkoff L.M. Social Enterprises and their Ecosystems in Europe: Country report, Denmark. Brussels: European Commission; 2019. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2767/78>

28. Ramos N.S. Evaluation of a Social Entrepreneurial Ecosystem: The Case of Bogotá. Thesis for: MSc in Entrepreneurship and Innovation. Edinburgh: University of Edinburgh; 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330486453_EVALUATION_OF_A_SOCIAL_ENTREPRENEURIAL_ECOSYSTEM_The_Case_of_Bogota (accessed 30.05.2021). (In Eng.).

29. Soloveva T.S., Popov A.V. Assessment of Intersectoral Coordination in the Development of Social Innovation at the Regional Level. *Sotsialnoe prostranstvo* = Social Area. 2019; (4). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2019.4.21.2>

30. Soloveva T.S. Developing Ecosystems of Social Innovation in the Context of Creating Regional Innovative Subsystems. *Regionalnaya ehkonomika. Yug Rossii* = Regional Economy. South of Russia. 2019; 7(3):42-50. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.5>

31. Petrovskaya Yu.A., Klochkova K.A. Social Entrepreneurship as a Subject of Social Services within Innovative Development of the Russian Society (Case Study of the Republic of Karelia). *Region: ehkonomika i sotsiologiya* = Region: Economics and Sociology. 2019; (3):195-215. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15372/REG20190308>

32. Ustinova K.A. Public Participation in Social Practices: Incentives and Barriers. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2019; (6):102-119. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.6.104.7>

33. Smirnov V. Regional Systems of Social Entrepreneurship in Russia: Typology, Development Factors and Key Contradictions. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoj politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2021; 19(1):23-40. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-23-40>

Submitted 17.06.2021; approved after reviewing 20.07.2021; accepted for publication 29.07.2021.

About the author:

Tatiana S. Soloveva, Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>, solo_86@list.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Самозанятость в ненаблюдаемой экономике и ее влияние на экономический рост: метаанализ

Г. А. Резник

Н. А. Коробкова*

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
(г. Пенза, Российская Федерация),*

* korobkova-natalia@mail.ru

Аннотация

Введение. Мотивацией к исследованию послужила неоднозначность оценки влияния самозанятости на экономический рост, особенно в части ненаблюдаемой самозанятости. Согласно гипотезе исследования, неформальная самозанятость способствует экономическому росту. Цель статьи – по результатам проведенного исследования обобщить и систематизировать теоретические взгляды ученых по оценке характера влияния неформальной самозанятости на экономический рост.

Материалы и методы. В качестве теоретической базы исследования послужили работы ученых, опубликованные в изданиях, индексируемых в Scopus и Web of Science, с 2000 по 2020 г. Данный временной период был обоснован существенными изменениями на рынке труда, вызванными возрастанием самозанятого населения. Ключевым методом исследования является метаанализ эмпирических исследований по представленной проблематике, который позволяет обобщать, оценивать и анализировать результаты эмпирических исследований, объективно определяя закономерности между результатами исследований и источниками разногласий.

Результаты исследования. Представлен анализ сущности понятия «ненаблюдаемая экономика», выявлена особенность неформальной самозанятости как части ненаблюдаемой экономики. Выявлены точки зрения относительно влияния ненаблюдаемой экономики на экономический рост, приведены аргументы обеих точек зрения и результаты исследования по разным странам, в том числе России. Показано, какие методы исследования применялись различными авторами для оценки зависимости теневой самозанятости. Выделены исследования, имеющие наибольшую результативность и универсальность с точки зрения возможного практического использования

© Резник Г. А., Коробкова Н. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

полученных в них выводах. Определены предпосылки и особенности формирования неформальной самозанятости, оценено ее влияние на экономический рост.

Обсуждение и заключение. Разработаны рекомендации по дальнейшему теоретико-методологическому исследованию указанной проблематики. Полученные выводы и результаты могут быть полезны при дальнейшем развитии российской системы регулирования деятельности самозанятого населения, поскольку для ее эффективного построения необходима научная проработка и методическое обоснование различных вариантов ее развития с использованием опыта других стран.

Ключевые слова: ненаблюдаемая экономика, теневая экономика, самозанятый, социально-экономическое развитие, экономический рост, институциональные преобразования

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-11-50138.

Для цитирования: Резник Г. А., Коробкова Н. А. Самозанятость в ненаблюдаемой экономике и ее влияние на экономический рост: метаанализ // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 4. С. 794–819. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.794-819>

Original article

Self-Employment in the Non-Observed Economy and Its Impact on Economic Growth: A Meta-Analysis

G. A. Reznik, N. A. Korobkova*

*Penza State University of Architecture and Construction
(Penza, Russian Federation)*

* korobkova-natalia@mail.ru

Abstract

Introduction. The study was motivated by the ambiguity in assessing the impact of self-employment on economic growth, especially in terms of non-observed self-employment. According to the research hypothesis, informal self-employment contributes to economic growth. Based on the results of the study conducted, the article summarizes and systematizes the theoretical views of scientists on the assessment of the nature of the impact of informal self-employment on economic growth.

Materials and Methods. Scientific papers published in 2000–2020 in journals indexed by Scopus and Web of Science formed the theoretical basis of the study. The choice of this time period was justified by significant changes in the labor market caused by the increase in the number of self-employed people. The key method employed was meta-analysis of empirical research papers on the issues under study. This method makes it possible to generalize, evaluate, and analyze the results of empirical research, objectively identifying the regularities existing between research results and sources of disagreement.

Results. An analysis of the essence of the concept of non-observed economy has been presented; the peculiarity of informal self-employment, as part of the non-observed economy, has been revealed. The points of view on the impact of the non-observed economy on economic growth have been considered; arguments from both points of view and the results of research on different countries, including Russia, have been presented. It has also been shown which research methods were used by various authors to assess the dependence of shadow self-employment. The studies that have the greatest effectiveness and universality

in terms of possible practical use of the results obtained have been highlighted. The prerequisites and features of the formation of informal self-employment have been identified, its impact on economic growth has been estimated.

Discussion and Conclusion. Recommendations for further theoretical and methodological research of the considered issues have been produced. The conclusions and results obtained can be useful in the further development of the Russian system of regulating the activities of self-employed people, since its effective construction requires scientific study and methodological substantiation of various options for its development using the experience of other countries.

Keywords: non-observed economy, shadow economy, self-employed, socio-economic development, economic growth, institutional transformations

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The study was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 20-11-50138.

For citation: Reznik G.A., Korobkova N.A. Self-Employment in the Non-Observed Economy and Its Impact on Economic Growth: A Meta-Analysis. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):794-819. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.794-819>

Введение. В экономических и социальных науках есть определенный сектор проблем, к которым ученые периодически возвращаются, находя новые аспекты в их решении. Одной из таких проблем является исследование ненаблюдаемой экономики. Ненаблюдаемая экономика формирует существенную часть ВВП многих стран. По различным оценкам ее среднее значение для крупнейших стран мира составляет 30,9 % [1] от официального ВВП, в развивающихся странах достигает 41,0 %, в развитых – колеблется на уровне 18,0 % [2]. Несмотря на отсутствие согласия в отношении определения ненаблюдаемой экономики и методик ее оценки, большинство исследователей отмечают необходимость ее тщательного изучения. Пристальный интерес отечественной и зарубежной науки к изучению ненаблюдаемой экономики в том числе связывают с ростом численности фрилансеров как части самозанятого населения.

В условиях распространения цифровых технологий их число постоянно растет. Предположительно через 10 лет фрилансеры будут составлять большую часть рабочей силы. В сфере информационных технологий данные тенденции уже сформировались. Так, по состоянию на март 2019 г. на долю фрилансеров в штате сотрудников Google приходилось порядка 54 %¹. Данные тенденции характерны не только для высокотехнологичных государств, возможности осуществления работы дистанционно приводят к переходу во фриланс квалифицированных сотрудников тех стран, в которых карьерный рост и возможности

¹ Bergen M., Eidelson J. Inside Google's Shadow Workforce [Электронный ресурс] / Bloomberg. 25.07.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-25/inside-google-s-shadow-workforce> (дата обращения: 01.03.2021).

заработка ограничены. Например, Бразилия, Пакистан, Индия, Украина, Филиппины являлись лидерами по темпу роста доходов во фрилансе в 2019 г.²

В последние годы сформировалась целая система трудовых отношений, для которой характерно привлечение организаций и работников к краткосрочным трудовым договорам – гиг-экономика [3]. Тенденцией последних лет является возможность совмещения стандартной занятости с фрилансом [4]. Например, в США 36 %³ рабочей силы является частью гиг-экономики, а к 2027 г. это значение достигнет 50 %⁴.

С 2020 г. в России начал действовать налог на профессиональный доход, призванный сократить долю самозанятых работающих вне наблюдаемой экономики. Под уплату налогов в рамках данного налогового режима попадают не только граждане, получающие доход с профессиональной деятельности, но и индивидуальные предприниматели, не имеющие наемных работников, которые и являются самозанятыми. При формировании правовой базы регулирования деятельности самозанятых необходимо понимать, какова их роль в экономическом развитии, а именно – способствует или препятствует теневая самозанятость экономическому росту.

Неоднозначность оценок о влиянии самозанятости в ненаблюдаемой экономике на экономический рост явилась основанием для исследования, представленного в этой статье. Кроме того, в ходе исследования был осуществлен поиск ответов на следующие вопросы: почему отличаются результаты различных эмпирических исследований; существует ли вероятность того, что самозанятость в ненаблюдаемой экономике может способствовать экономическому росту в долгосрочном периоде; какие меры государственной политики по регулированию деятельности самозанятых будут способствовать экономическому развитию?

Цель статьи – на основе проведенного исследования определить характер влияния на экономический рост неформальной самозанятости для выработки подхода к ее регулированию на государственном уровне.

Обзор литературы. При работе над данной статьей использовалось определение ненаблюдаемой экономики, которое было сформулировано в методическом статистическом стандарте системы национальных счетов⁵,

² Gilchrist K. The 10 Countries with the Fastest-Growing Earnings for Freelancers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2019/08/07/the-10-countries-with-the-fastest-growing-earnings-for-freelancers.html?url=147>; Top Countries in the Gig Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://gigonomy.info/top-countries-in-the-gig-economy/> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Pendell R. What Workplace Leaders Can Learn from the Real Gig Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gallup.com/workplace/240929/workplace-leaders-learn-real-gig-economy.aspx> (дата обращения: 12.03.2021).

⁴ Szmigiera M. Effect of COVID-19 on Gig Economy Workers Worldwide [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1128298/gig-workers-worldwide-effect-covid-19/> (дата обращения: 21.06.2021).

⁵ Measuring the Non-Observed Economy / E. Giovannini [et al.]; OECD Publications. 2002. 233 p. URL: <https://www.oecd.org/sdd/na/1963116.pdf> (дата обращения: 17.04.2021).

разработанном Организацией экономического сотрудничества и развития. Он применяется национальными статистическими службами различных стран, в том числе Росстатом.

Несмотря на многообразие исследований, посвященных проблемам ненаблюдаемой экономики, основные вопросы, раскрываемые в них, схожи: оценка масштабов ненаблюдаемой экономики на основе разнообразных методик, выявление предпосылок к формированию ненаблюдаемой экономики, исследование негативных последствий ненаблюдаемой экономики, разработка мероприятий по сокращению ненаблюдаемой экономики [2; 5; 6]. Проведя масштабное исследование литературы по обозначенной проблеме, можем сформулировать основные выводы, полученные учеными.

Существующие методы оценки масштабов ненаблюдаемой экономики можно условно разделить на три группы: прямые, косвенные и смешанные. Первые предполагают оценку с помощью опросов населения либо на основе сравнения доходов и расходов экономических субъектов [7]. Косвенные методы направлены на построение эконометрических моделей; среди наиболее распространенных из них – денежный метод и MIMIC-моделирование. Денежный метод предполагает сравнение реального ВВП и спроса на наличные денежные средства, которые формируются потребностями ненаблюдаемой экономики. MIMIC-моделирование направлено на построение множества линейных уравнений, позволяющих выявить факторы, способствующие развитию ненаблюдаемой экономики [8].

Основными причинами наличия ненаблюдаемой экономики являются: высокие налоги и взносы на социальное обеспечение [9; 10], установление значимых для предприятий расходов на минимальную заработную плату [11; 12], наличие коррупционной составляющей в рыночном регулировании [13; 14], высокие затраты на запуск и регистрацию бизнеса [15; 16], бюрократизация официальной деятельности [17; 18] и др. Однако все чаще авторы объясняют формирование ненаблюдаемой экономики несовершенством институтов [19; 20].

Проанализировав результаты оценки масштабов ненаблюдаемой экономики в различных странах, можно сделать вывод, что значимым фактором ее формирования становится наличие кризисных явлений. Так, по разным методикам в период кризиса 2008–2009 гг. доля теневой экономики возросла. Это подтверждают результаты исследования Ф. Шнайдера и А. Буена [2]. Оценив долю теневой экономики в 39 странах мира в период с 1999 по 2010 г., авторы отмечают, что в большинстве стран теневая экономика увеличилась в 2009 г., а в посткризисный период происходит трансформация экономики, и доля ненаблюдаемой экономики начинает постепенно сокращаться.

В рамках данной статьи фрилансерам как части самозанятых уделено особое внимание, так как их доля в объеме ненаблюдаемой экономики постоянно возрастает. Часто это связано с тем, что рынок труда фрилансеров не институционализирован, мало подвержен государственному контролю [21].

Отметим, что понятия «фрилансеры» и «самозанятые» не являются и не используются в статье в качестве синонимов, хотя ряд исследователей считает различия между ними минимальными [22]. Согласно Всемирной организации труда, самозанятыми являются те лица, которые работают в собственном бизнесе, на ферме или занимаются профессиональной деятельностью. Осуществление профессиональной деятельности по своей сути является фрилансом, так как предполагает выполнение краткосрочных контрактов (проектов) по оказанию профессиональных услуг [23]. По оценкам экспертов, на долю самозанятых, занимающихся профессиональной деятельностью, приходится примерно треть от их общего числа [24]. Значимой особенностью работы в качестве фрилансера (самозанятого) является возможность сокрытия части своих доходов [25].

Проблема экономического роста и определения факторов, препятствующих и стимулирующих экономическое развитие, однозначно является одной из самых исследуемых. Большинство ученых разделяют точку зрения о наличии эндогенных факторов, способствующих или препятствующих экономическому развитию, в их числе теневая самозанятость. Согласно С. Элгина и О. Озтунали, существуют два подхода относительно влияния параллельной экономики на экономический рост [26]. Один связывает параллельную экономику с низким экономическим ростом, а другой утверждает, что параллельная экономика может способствовать росту. Первый основан на идее, что чрезмерное регулирование приводит к высокому уровню неформальности и, следовательно, к снижению экономического роста [27; 28]. Фактически ненаблюдаемая экономика сокращает ресурсы государства, которое, в свою очередь, не может обеспечить общественные блага в эффективном масштабе, что ведет к снижению потенциального роста. Страх обнаружения заставляет фирмы работать в меньших масштабах, что делает их неэффективными и замедляет экономический рост. Второй подход утверждает, что наличие большой параллельной экономики может принести выгоды для экономического роста. Фирмы, работающие неформально, как правило, менее производительны, нанимают менее квалифицированных работников и работают с меньшим капиталом [29]. Следовательно, они не могут покрыть расходы на работу в формальном секторе, но способствуют росту производительности за счет неформального сектора. Полагаем, что отдельно можно выделить третий подход, согласно которому влияние ненаблюдаемой экономики на экономический рост не всегда однозначное либо характер воздействия зависит от уровня развития экономических институтов.

Д. Иринг и К. С. Мо проанализировали перекрестные данные по промышленно развитым и развивающимся странам в период с 1960 по 1990 г. и исследовали долгосрочные регрессии роста, реальный ВВП на одного работника и неформальную занятость и выявили негативное влияние на реальный ВВП неформальной занятости [30]. Л. П. Фельд и Ф. Шнайдер оценили параллельную экономику и незадекларированные доходы в странах Организации

экономического сотрудничества и развития и обнаружили, что параллельная экономика оказывает негативное влияние на экономический рост [31]. Д. Джайлз независимо⁶ и вместе с соавторами [32] изучил данные по Новой Зеландии и Канаде, что позволило выявить негативную связь между теневой экономикой и измеряемым ВВП. Ф. Шнайдер и Б. Хаметнер исследовали данные по Колумбии в период с 1980 по 2012 г. и обосновали, что теневая экономика привела к замедлению роста ВВП в среднем на 0,12 % в год на душу населения за указанный период [33]. Среди причин снижения были выделены: низкая производительность, ограничения человеческого и финансового капиталов. Ф. Шнайдер и Д. Х. Энсте выяснили, что коррупция положительно влияет на размер теневой экономики, а растущая теневая экономика отрицательно сказывается на росте официального ВВП [34].

А. Аланьон и М. Гомес-Антонио идентифицируют положительную связь между ВВП, спросом на валюту и параллельной экономикой в Испании [35]. Аналогичные результаты получили Т. Мапп и В. Мур, проанализировав регион Карибского бассейна и доказав, что параллельная экономика положительно влияет на экономический рост [36]. Они обосновали важное социальное значение теневой экономики – она стабилизирует доходы населения в период кризисов. Схожие результаты получены в российских исследованиях: О. Киселькина и соавторы выявили положительную корреляцию между ВВП и рынком труда в неформальном секторе в период с 2005 по 2012 г. [37]. Г. Заман и З. Гошин проверили связь между параллельной экономикой и экономическим ростом в Румынии в период между 1999 и 2012 г. и нашли отношения коинтеграции. Авторы утверждают, что параллельная экономика может иметь положительные эффекты, особенно в странах, где преобладает коррупция. В этом случае формирование ненаблюдаемой экономики является возможным решением проблемы безработицы, потребления и инвестиций [38].

Р. Ла Порта и А. Шлейфер оценили влияние параллельной экономики на экономический рост как неоднозначное [39]. Они установили, что экономический рост может происходить только за счет высокопроизводительных и эффективных официальных фирм. Деятельность в ненаблюдаемой экономике не может повлиять на него, так как в данном секторе производство малоэффективно по причине использования непродуктивных ресурсов и отсутствия доступа к внешнему финансированию и к государственным услугам. Авторы полагают, что неформальные фирмы функционируют как средство существования для людей, которые в процессе работы развивают свои навыки и знания, что в конечном итоге приведет к переходу к официальной деятельности. Б. Ким и Ю. Канг оценивают размер параллельной экономики во всех регионах России в период с 1992 по 1999 г. и делают вывод, что она способствует росту малых фирм и официальной предпринимательской деятельности при

⁶ Giles D. E. A. Causality Between the Measured and Underground Economies in New Zealand // Applied Economics Letters. 1997. Vol. 4, issue 1. Pp. 63–67. doi: <https://doi.org/10.1080/758521835>

выполнении соответствующих условий [40]. На основе анализа данных Соединенных Штатов Америки за период 1870–2014 гг. Р. К. Джоель и соавторы пришли к выводу, что эта двусмысленность зависит от взаимодействия параллельной экономики с формальным сектором и его влияния на предоставление общественных благ [41].

Проведя многомерный анализ, Х. Никопур, М. Хабибулла указывают на присутствие нелинейных отношений между теневой экономикой и экономическим ростом⁷. Авторы вычислили три стадии в наличии взаимовлияния и классифицируют эти отношения как «S-образную кубическую функцию»: на ранних стадиях развития влияние теневой экономики является положительным; на более поздних стадиях – отрицательным; при определенном уровне развития возникает новая точка перегиба и начинается новый восходящий этап. Х. Никопур считает, что ненаблюдаемая экономика существенно отличается в развитых и развивающихся странах. П. Дуарте пришел к выводу, что неоднозначность в отношениях между параллельной экономикой и экономическим ростом объясняется различиями в методах, используемых для оценки ненаблюдаемой экономики, которая работает независимо от официального сектора [42]. По его мнению, формальная и неформальная экономики в Испании являются независимыми.

В отношении влияния самозанятости на экономический рост позиции авторов менее разнообразны. Большинство исследователей отмечают положительное влияние самозанятости на экономическое развитие страны, однако результаты имеют ряд нюансов. Проведя анализ по выборке из 83 развивающихся стран за период 2002–2015 гг., Ш. Еррабати обосновал наличие нелинейной U-образной зависимости между самозанятостью и ростом экономики [43]. Схожие результаты были получены В. М. Гонсалес-Санчес и соавторами, которые провели эмпирический анализ данных 31 европейской страны в период с 2009 по 2019 г. и доказали положительное влияние самозанятости на экономический рост [44]. С. Этрин и Т. Мицкевич подошли к анализу ситуации с иной стороны и попытались выявить зависимость между наличием теневой экономики и началом занятия предпринимательской деятельностью, т. е. самозанятостью. Оказалось, что в условиях ненаблюдаемой экономики предприниматели более активно занимаются бизнесом, это происходит до тех пор, пока теневая экономика не имеет существенного влияния (до 25–30 % от ВВП) [45]. Д. Виллис установил, что критически важной величиной является не сам факт самозанятости, а доходы от нее. Именно они способствуют экономическому развитию в случае, если доходы самозанятого больше, чем его зарплата как наемного работника [46]. Изучая теневую самозанятость и неформальный рынок труда, Н. В. Лоайза приходит к выводу, что размер неформального сектора

⁷ Nikopour H., Shah Habibullah M., Schneider F. The Shadow Economy Kuznets's Curve Panel Data Analysis [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/23954704_The_shadow_economy_Kuznets's_curve_panel_data_analysis (дата обращения: 18.06.2021).

уменьшается с общим развитием страны, увеличивается с бременем регулирования и уменьшается с усилением правоприменения [47].

Обзор литературы показал, что результаты исследований, в которых оценивается влияние самозанятости в ненаблюдаемой экономике на экономический рост, существенно отличаются и далеки от согласия. Различия наблюдаются и в характере воздействия, и в значимости эффекта. Полагаем, что метаанализ позволит решить проблему неоднородности полученных результатов.

Материалы и методы. Метаанализ – это метод количественного литературного обзора, в котором используются конкретные статистические методы для объединения результатов различных исследований, посвященных одной и той же теме. Он позволяет проверять научные гипотезы на основе объединения эмпирических результатов, полученных исследователями по одной проблеме на разных объектах и (или) в разные временные периоды. Метаанализ был впервые предложен Г. Глассом⁸ как метод систематического количественного обобщения данных эмпирических исследований. В настоящее время он широко используется в нескольких областях, включая науки о здоровье, психологию, образование, маркетинг и социальные науки. По сравнению с традиционными обзорами литературы, метаанализ обладает существенным преимуществом: результаты суммируются более объективно, что снижает риск неверного толкования и необъективных выводов⁹.

Дискуссионным вопросом в метаанализе является предвзятость публикаций, так как исследования отбираются на основе поиска литературы. Часто исследования легче опубликовать, если они имеют статистически значимые результаты, в то время как неблагоприятные результаты (в нашем случае – исследования, которые не доказали ни положительного, ни отрицательного влияния теневой самозанятости на экономический рост) теряются среди более статусных исследований. Ученые разработали несколько инструментов для оценки предвзятости публикаций [48]: воронкообразный график, тесты метазначимости, метод обрезки и заполнения и др.

Первым этапом в проведении метаанализа является выбор исследований, которые предполагается проанализировать. Для нас значимы статьи, в которых оценивается влияние самозанятости в ненаблюдаемой экономике на экономический рост. Таким образом, нас интересуют исследования, соответствующие данной тематике, которые могут быть выражены различными формулировками. В результате были отобраны 292 англоязычные статьи, изданные с 2000 г., со следующими ключевыми словами: экономический рост, экономическое развитие, ненаблюдаемая экономика, теневая экономика, неформальная экономика, фриланс, самозанятые.

⁸ Glass G. V. Primary, Secondary, and Meta-Analysis of Research // Educational Researcher. 1976. Vol. 5, no. 10. Pp. 3–8. doi: <https://doi.org/10.2307/1174772>

⁹ Jarrell S. B, Stanley T. D. A Meta-Analysis of the Union-Nonunion Wage Gap // ILR Review. 1990. Vol. 44, issue 1. Pp. 54–67. doi: <https://doi.org/10.1177%2F001979399004400104>

На втором этапе мы оценивали исследования на основе полнотекстовой информации с использованием критериев валидности, надежности и применимости. По результатам анализа было выявлено, что некоторые работы дублировали друг друга, в иных отсутствовали эмпирические данные. Для выполнения метаанализа были отобраны статьи, в которых присутствовала бы линейная оценка влияния ненаблюдаемой экономики на экономический рост, так как количество исследований, отражающих нелинейные отношения, оказалось незначительным. Таким образом, метаанализ проводился на основе данных 13 статей и 123 значений эффекта частичной корреляции r .

Результаты исследования. По аналогии с исследованиями Л. Де Доминисес [49] и О. Афонсо [50] в ходе нашего анализа использовался коэффициент частичной корреляции, который делает размеры эффекта независимыми от показателей, используемых в первичных исследованиях [51]. На основе отобранных публикаций было рассчитано средневзвешенное значение коэффициента корреляции с фиксированным эффектом, чтобы получить описательное резюме фактических данных, представленных в каждом исследовании. Сводные данные по указанным исследованиям приведены в таблице 1.

На основе анализа данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о невозможности однозначной интерпретации результатов исследований. Кроме того, отсутствует явная зависимость средневзвешенного значения корреляции от количества исследований, от исследуемых стран и методов оценки ненаблюдаемой экономики.

В целом средние взвешенные значения корреляции не позволяют сделать вывод о наличии однозначного воздействия теневой самозанятости на экономический рост, так как лежащие в основе оценки могут быть загрязнены предвзятостью отбора.

Проверка предвзятости отбора проводилась на основе наиболее популярного графического метода для его обнаружения, а именно воронкообразного графика. Он показывает взаимосвязь между оценкой точности (обратная величина стандартной ошибки) по вертикальной оси и значением частных коэффициентов корреляции на горизонтальной оси.

Частные коэффициенты корреляции r_i и стандартная ошибка se_{ri} рассчитывались по следующим формулам:

$$r_i = t_i / \sqrt{t_i^2 + df_i}, \quad (1)$$

$$se_{ri} = \sqrt{(1 - r_i^2) / df_i}, \quad (2)$$

где t_i – t -критерий Стьюдента, связанный с оценками размера эффекта влияния ненаблюдаемой экономики на экономический рост; df_i – степень свободы в соответствующем первичном наблюдении.

Т а б л и ц а 1. Характеристики анализируемых исследований
T a b l e 1. Characteristics of the studies analyzed

Автор исследования / Author of the study	Количество оценок / Number of assessments	Средневзвешенное значение коэффициентов r / Weighted mean of the coefficients	Исследуемые страны / Countries under study	Метод оценки ненаблюдаемой экономики / Method of assessing a non-observed economy
1	2	3	4	5
Дж. Ихриг и К. С. Мо / J. Ihrig and K. S. Moe [10]	2	-0,32	Развитые страны / Developed countries	Оценка на основе Между- народного статистического ежегодника труда / Asses- sment based on the Inter- national Yearbook of Labor Statistics
Д. Е. Джайлс / D. E. Gi- les [32]	5	-0,14	Развитые страны / Developed countries	MIMIC
Ф. Шнайдер и Р. Клинг- майер / F. Schneider and R. Klingmair [52]	3	0,07	Развитые и разви- вающиеся страны / Developed and deve- loping countries	Денежный метод, MIMIC / Monetary method, MIMIC
А. Аланьон и М. Гомес- Антонио / A. Alañon and M. Gómez-Antonio [35]	1	0,54	Развитые страны / Developed countries	MIMIC
Р. Ла Порта и А. Шле- йфер / R. La Porta and A. Shleifer [39]	16	-0,04	Развивающиеся страны / Developing countries	Оценка на основе изучения источников / Assessment based on the study of sources
П. Пикхардт и Х. Сарда Понс / M. Pickhardt and J. Sardà Pons [53]	1	0,10	Развитые страны / Developed countries	Денежный метод, MIMIC / Monetary method, MIMIC

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5
Ф. Шнайдер и А. Бюн / F. Schneider and A. Buehn [9]	1	-0,23	Развитые страны / Developed countries	MIMIC
Ф. Шнайдер и др. / F. Schneider et al. [54]	7	0,32	Развитые и развивающиеся страны / Developed and developing countries	MIMIC
А. Бюн / A. Buehn [55]	15	0,06	Развитые страны / Developed countries	MIMIC
А. Бюн и Ф. Шнайдер / A. Buehn and F. Schneider [56]	6	0,34	Развитые и развивающиеся страны / Developed and developing countries	MIMIC
Ф. Шнайдер и Б. Хаметнер / F. Schneider and B. Hametner [33]	2	-0,37	Развивающиеся страны / Developing countries	Денежный метод / Money method
Д. Асфуроглу и С. Эльгин / D. Asfuroglu and C. Elgin [57]	28	0,03	Развитые и развивающиеся страны / Developed and developing countries	Оценка на основе изучения источников / Assessment based on the study of sources
Дж. Болонья / J. Bologna [58]	36	-0,10	Развитые страны / Developed countries	Данные статистических ежегодников / Data from statistical yearbooks

На рисунке показан воронкообразный график для 123 наблюдений нашего набора метаданных.

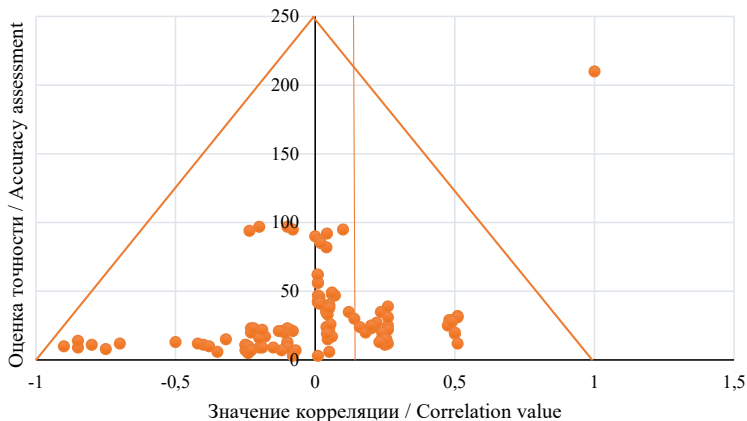

Рисунок. Воронкообразный график 123 наблюдений
Figure. Funnel plot of 123 observations

Так как точки на графике располагаются симметрично и внутри сегмента, образованного расходящимися линиями (отражают 95-процентные доверительные интервалы значений стандартных ошибок), можно сделать вывод об отсутствии предвзятости публикаций; оценку среднего значения можно считать достоверной. Средневзвешенная оценка (0,1278) влияния теневой самозанятости на экономический рост отражена вертикальной линией на графике.

На следующем этапе метаанализа необходимо было оценить гетерогенность анализируемых данных. Такая оценка позволяет понять, какая часть изменчивости факторов вызвана различиями генеральных совокупностей, из которых извлечены данные, а также рассчитать общую величину изменчивости, наблюдаемую между явлениями.

Наличие гетероскедастичности делает неинформативными расчетные значения, получаемые с помощью метода наименьших квадратов. В этом случае целесообразнее применение взвешенного метода наименьших квадратов. Метод состоит в том, что каждое наблюдение взвешивается обратно пропорционально предполагаемому стандартному отклонению в системе наблюдений.

Зависимость между самозанятостью в ненаблюдаемой экономике и экономическим ростом может быть выражена следующей линейной моделью:

$$y_i = \alpha x_i + \beta + \varepsilon_i, \quad (3)$$

где α, β – параметры модели; y_i – значения изменения темпов экономического роста; x_i – значение показателя теневой самозанятости; ε_i – случайная ошибка.

Устраним гетероскедантичность данных, разделив каждое наблюдение на соответствующее ему значение стандартного отклонения, при этом дисперсия примет вид:

$$D\left(\frac{\varepsilon_i}{\sigma_i}\right) = \frac{1}{\sigma_i^2} \sigma^2(\varepsilon_i) = \frac{\sigma_i^2}{\sigma_i^2} = 1, \quad (4)$$

где σ_i – стандартное отклонение ошибки ε_i в i -м наблюдении.

При отсутствии данных о значениях стандартной ошибки отклонения можно предположить, что существует некоторая величина (K), пропорциональная σ_i в каждом наблюдении [59]. При возрастании ε с ростом значения x зависимость можно выразить:

$$D(\varepsilon_i) = \sigma_i^2 = K \cdot x_i^2. \quad (5)$$

Для обеспечения единообразия данных и уменьшения неоднородности дисперсии, разделим уравнение (3) на x_i :

$$y_i^* = \alpha \cdot x_i^* + \beta^* + \varepsilon_i^*, \quad (6)$$

где $y_i^* = y_i/x_i$ и далее по аналогии.

В этом случае дисперсия будет иметь вид:

$$D(\varepsilon_i^*) = \frac{1}{x_i^2} D(\varepsilon_i) = K. \quad (7)$$

Данная методика обеспечит больший вес наблюдениям с наименьшими дисперсиями¹⁰.

В рамках одного исследования, привлекаемого для метаанализа, отдельные наблюдения имеют схожие процедуры оценки, формируются из одной базы данных, т. е. могут быть коррелированными¹¹. Для решения проблемы статистической зависимости используем иерархические регрессионные модели. Они позволяют не только скорректировать корреляцию внутри одного исследования, но и рассчитать коэффициенты регрессии с учетом неоднородности между исследованиями. Например, в данном исследовании можно выделить группы наблюдений в зависимости от: объектов исследования, количества наблюдений в рамках одного исследования, количества анализируемых стран, методов оценки ненаблюдаемой экономики.

¹⁰ Кадочникова Е. И. Эконометрика. Казань, 2014. 126 с. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21767/72_198_A5kl-000671.pdf (дата обращения: 13.03.2021).

¹¹ Hunter J. E., Schmidt F. L. Dichotomization of Continuous Variables: The Implications for Meta-Analysis // Journal of Applied Psychology. 1990. Vol. 75, issue 3. Pp. 334–349. doi: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.75.3.334>

Простая иерархическая модель с одним предиктором на индивидуальном уровне и одним предиктором на групповом уровне выражается следующим образом [60; 61]:

$$\text{уровень 1:} \quad y_{ij} = \alpha_j x_{ij} + \beta_j + \varepsilon_{ij}, \quad (9)$$

$$\text{уровень 2:} \quad \beta_j = y_{00} + y_{01} Z_j + \eta_{0j}, \quad (10)$$

$$\alpha_j = y_{11} + y_{11} Z_j + \eta_{1j}, \eta_{0j} \sim N(0, y_{00}), \varepsilon_{ij} \sim N(0, \sigma^2), \quad (11)$$

где субиндекс i относится к наблюдению, а j – к группе, соответственно, y_{ij} – значение зависимой переменной для наблюдения i из группы j .

Уравнение первого уровня (9) схоже с простой линейной моделью, однако субиндекс j показывает, что для каждой единицы второго уровня (исследований, сгруппированных по кластерам) анализируется своя модель первого уровня.

Уравнение второго уровня (10) показывает, что интересенты и наклоны предикторов первого уровня являются функцией предикторов второго уровня и их вариаций: β_j – это интересент индивидуального уровня в группе наблюдений j , y_{00} – среднее значение влияния теневой экономики на экономический рост с учетом предикторов второго уровня, например метода оценки масштабов ненаблюдаемой экономики Z_j ; y_{01} – влияние теневой экономики на экономический рост в зависимости от конкретного метода оценки; η_{0j} – ошибка для группы наблюдений j .

Во втором уравнении второго уровня (11) моделируется эффект влияния конкретного фактора группы наблюдений на эффект индивидуального уровня x_{ij} , где β_{1j} – эффект индивидуального предиктора в группе наблюдений j , y_{00} – среднее значение индивидуального эффекта в группе наблюдений с учетом фактора Z_j , y_{10} – эффект влияния теневой экономики на экономический рост с учетом фактора группы наблюдений.

Расчеты проводились с помощью специального программного обеспечения, их результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Оценка регрессии ненаблюдаемой экономики и экономического роста
Table 2. Assessment of the regression of the non-observed economy and economic growth

Коэффициенты / Coefficients	Расчетные значения / Calculated values
1	2
β	0,054 (0,138)*
α	-0,316 (1,066)*
RE вариации / RE Variations	
Вар (переменной) / VAR Variable	0,132 [0.024; 0.756]
Вар (постоянной) / VAR Constant	0,000 [0.000; 0.000]
Вар (остатки) / VAR Residuals	11,582 [2,468; 55,039]

1	2
Количество наблюдений / Number of observations	123
Количество исследований / Number of studies	13
Логарифмическая вероятность / Log probability	-374,271*

Примечание / Note. Стандартные ошибки для оценки коэффициентов указаны в скобках. Уровни значимости: * – P-значение < 0,01 / Standard errors for coefficients estimating are in parentheses. Significance levels: * – P-value < 0.01.

Анализ данных таблицы 2 свидетельствует о том, что в эмпирических исследованиях выявлено положительное влияние ненаблюдаемой экономики и самозанятости в ненаблюдаемой экономике на экономический рост. Свободный коэффициент в уравнении положительный, но очень незначительный (0,054), т. е. статистически не отличается от нуля, следовательно, среднее влияние ненаблюдаемой экономики на экономический рост статистически незначительно. Однако это не обязательно означает, что самозанятость в ненаблюдаемой экономике вообще не влияет на экономический рост. Учитывая вышеупомянутую неоднородность в результатах исследований, возможно, что параллельная экономика оказывает положительное влияние на рост в одних конкретных обстоятельствах и отрицательное – в других.

Обсуждение и заключение. Фактически у теневой самозанятости есть две альтернативы: прекращение деятельности и переход в формальный сектор экономики. С позиции экономического роста второй вариант предпочтительнее. В свете полученных результатов можно отметить, что, решая проблему выбора между жестким регулированием экономической деятельности самозанятых и проведением мягкой политики стимулирования выхода «из тени», власти должны ориентироваться на имеющуюся в стране ситуацию. Она должна включать изучение следующих вопросов.

Во-первых, на какой стадии экономического цикла находится экономика страны. В фазах «кризиса» и «спада» более целесообразной будет «мягкая» политика, ориентированная на предоставление льгот. В этом случае эффективно работающие самозанятые будут охотнее регистрировать доходы и легализовывать свою деятельность. А группа граждан, для которых самозанятость является способом обеспечения стабильности в условиях кризиса, останется незатронутой регулированием, что благоприятно отразится на экономическом росте.

Во-вторых, определить, какую долю в ВВП составляет ненаблюдаемая экономика. Ученые устанавливают пороговые значения, при которых ненаблюдаемая экономика и теневая самозанятость препятствуют экономическому развитию, в различных исследованиях они отличаются, но чаще всего их определяют на уровне 25–35 % ВВП. Следовательно, превышение пороговых значений требует жесткой политики по легализации самозанятых, которая

в ряде случаев будет приводить к отказу от самозанятости, но в целом будет способствовать экономическому развитию.

В-третьих, какая группа самозанятых является наиболее многочисленной в структуре рабочей силы. Самозанятые серьезно различаются по своей структуре [62]. С одной стороны, это настоящие предприниматели, владельцы малого бизнеса и автономные ремесленники или представители свободных профессий, с другой – зависимые работники в таких секторах, как строительство и бытовые услуги, которые практически не имеют самостоятельности в своей трудовой жизни или условиях найма. Первая группа самозанятых, вероятно, более образована и самостоятельна в принятии решений. Они в состоянии оценить бонусы от легализации деятельности и негативные последствия в виде роста расходов и правовых ограничений. Воздействовать на данную группу граждан эффективно через продуманную налоговую политику и систему льгот. Вторая группа самозанятых представлена работниками, которые более зависимы от ситуации на рынке, и легализация их деятельности приведет к росту цены на их услуги, следовательно, снижению конкурентоспособности. Для данной группы в большей степени будут действовать такие методы, как наложение штрафных санкций. Они позволят уравновесить всех участников рынка, каждый из которых принимает решение либо о работе в легальном секторе с уплатой всех налогов и взносов, либо о нелегальной деятельности и риске уплаты штрафных санкций.

В настоящее время в России проводится «мягкая политика» регулирования деятельности самозанятых как условие обеспечения экономического роста. Она включает упрощенную регистрацию, электронный документооборот, невысокую налоговую ставку и т. д. Данная политика продемонстрировала положительные результаты: начиная с 2020 г. в качестве самозанятых в России зарегистрировались более 2,4 млн граждан¹², их совокупный доход составил более 430 млрд руб., что позволило получить более 20 млрд руб. налоговых поступлений. Инициаторы данной политики полагают, что внедрение «налога на профессиональный доход» способствует легализации деятельности тех граждан, которые до недавнего времени существовали в рамках ненаблюдаемой экономики, и положительно влияет на экономическое развитие страны.

Критики такой политики объясняют рост числа самозанятых не только выходом «из тени» граждан, которые оказывают услуги в рамках профессиональной деятельности, но и сменой налогового режима небольшими предприятиями. Они полагают, что имеющиеся несовершенства законодательства приведут к сокращению объема обязательных социальных отчислений, будут способствовать установлению оплаты труда ниже минимальных значений и, как следствие, негативно скажутся на экономическом росте.

¹² Польшина В. 2,4 млн человек зарегистрировались в качестве самозанятых [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/economics/46547646/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypink (дата обращения: 11.06.2021).

Представляется, что в этой дискуссии правы обе стороны, однако более актуальным является вопрос о будущих изменениях в регулировании деятельности самозанятых с учетом обеспечения экономического развития.

Во многих странах осуществляется политика, направленная на регулирование деятельности самозанятых. В США существует специальный налог на самозанятость (Self-employment tax), включающий уплату страховых взносов; ставки налога прогрессивные и зависят от величины дохода [63]. Похожий прогрессивный налог действует в странах Европейского союза: он является подоходным налогом, но учитывает доход и от самозанятости. В странах Таможенного союза (Беларусь и Казахстан) в последние годы введен специальный налог на самозанятых, который заменяет не только налоговые платежи, но и взносы на медицинское и социальное страхование.

Международный опыт свидетельствует о необходимости регулирования деятельности самозанятых не только введением специального налога, но и контролем в сфере трудового законодательства. В 2010 г. в Европейском союзе принят закон относительно регулирования самозанятого труда, согласно которому в европейской сфере признается существование «финансово зависимого самозанятого работника» и предлагается установление общих прав для всех работников на европейском уровне, независимо от того, являются ли они наемными или самозанятыми. Таким образом, фактически создана правовая база для уравнивания в правах самозанятых и наемных работников. В России в настоящее время самозанятые не обладают многими льготами, которые имеют наемные работники (например оплачиваемый отпуск и больничный); с другой стороны, они и не имеют многих возможностей, которые предоставлены бизнесу (возможность выполнять государственные контракты, получение льготных кредитов для бизнеса и пр.). Этим объясняется нежелание самозанятых работать в правовом поле, так как с легализацией деятельности они увеличивают свои расходы, но не получают значительного преимущества.

Для ряда стран проблема теневой самозанятости неактуальна, а государственный интерес сосредоточен на обеспечении граждан необходимыми социальными гарантиями. Например, в США, Нидерландах, Великобритании создаются специализированные организации и профсоюзы для самозанятых [64]. За определенные взносы они обеспечивают гражданам страхование от рисков, болезни и инвалидности и т. д. В Индии при регулировании самозанятости особое внимание уделяется гарантиям социального обеспечения работников, так как чаще всего они не охвачены медицинским страхованием и пенсионным обеспечением¹³. Для этих стран более актуальным является создание системы стимулов по вступлению самозанятых в данные организации. В России, где гражданин обеспечен медицинским обслуживанием

¹³ Liffy T. The Emerging Face of Employment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thehindu.com/education/careers/the-emerging-face-of-employment/article30623884.ece> (дата обращения: 13.04.2021).

и минимальной пенсией, существование аналогичных организаций затруднено. Соответственно, данные стимулы не могут быть рассмотрены в разрезе легализации самозанятости. Дискуссионным остается вопрос о необходимости уплаты социальных взносов самозанятым, который имеет иной официальный источник дохода.

В Испании в целях обеспечения защиты самозанятых законодательно регламентировано создание ими профессиональных ассоциаций, которые могут коллективно защищать и контролировать профессиональные интересы самозанятых работников и участвовать в разрешениях коллективных споров с участием самозанятых [65]. Полагаем, что в России данная проблема также является актуальной, так как самозанятый работник в редких случаях обеспечивает себя надежным контрактом, который гарантирует ему оплату и страхует от наступления разнообразных рисков. Чаще всего самозанятые получают заказы через различные платформы, которые не несут ответственности за их выполнение. Необходимо продумать механизм обеспечения честности контрактов с учетом простоты их регулирования. Это можно сделать с помощью сервиса в рамках приложения «Мой налог», который используется для уплаты налогов.

Необходимо сформировать понимание, что влияние самозанятых на экономический рост во многом зависит от развития человеческого капитала [66]. По аналогии с политикой по поддержке предпринимательства должна выстраиваться политика поддержки самозанятых. В условиях глобальной конкуренции среди самозанятых государство заинтересовано в получении ими максимального дохода. Это увеличивает налогооблагаемую базу, налоги и потребление внутри страны, стимулируя экономический рост, особенно с учетом получения дохода от иностранных заказчиков. Однако самозанятые в меньшей степени готовы участвовать в профессиональном обучении, чем наемные работники¹⁴. Устранение этого дефицита и создание структур и стимулов для самозанятых работников всех типов для приобретения и совершенствования необходимых им навыков являются очевидными политическими приоритетами в мире быстрых технологических, рыночных и организационных изменений, в котором обучение на протяжении всей жизни – неперемное условие для профессионального и личностного развития.

Мы предполагаем, что в вопросе подхода к регулированию теневой самозанятости в России в ближайшие годы будет преобладать политика поощрения и предоставления льгот. Однако со временем она должна смениться более жестким регулированием с применением штрафных санкций и запрета на осуществление деятельности в случае нарушения законодательства. Одновременно с этим в регулировании самозанятости должно происходить смещение акцентов с легализации их деятельности на обеспечение достойного

¹⁴ Hatfield I. Self-Employment in Europe [Электронный ресурс]. London : IPPR, 2015. 39 p. URL: https://www.ippr.org/files/publications/pdf/self-employment-Europe_Jan2015.pdf (дата обращения: 13.03.2021).

труда самозанятых, предоставление им социальных гарантий и создание условий для развития человеческого капитала.

В ходе проведенного исследования было проанализировано влияние теневой самозанятости на экономический рост, в том числе с применением метода метаанализа. В процессе работы не найден однозначный ответ на вопрос о том, какое влияние оказывает ненаблюдаемая экономика и теневая самозанятость на экономический рост. Критический анализ литературы показал, что характер влияния зависит от множества не коррелирующих между собой факторов, среди них – характер самозанятости, уровень развития страны, фаза экономического цикла, уровень безработицы, взаимодействие формального и неформального секторов экономики и т. д. Была предпринята попытка рассчитать характер влияния на основе эконометрических моделей, построенных на результатах эмпирических исследований различных авторов. Рассчитанная таким образом зависимость экономического роста от ненаблюдаемой экономики имела положительное значение, но ее коэффициент был столь незначителен, что может быть интерпретирован как статистическая погрешность. Видимо, к настоящему времени не накоплен достаточный объем эмпирических наблюдений для осуществления подобных оценок.

Выполненный анализ позволил определить направления государственной политики по регулированию деятельности теневых самозанятых для обеспечения экономического роста, а именно создание условий и стимулов для ее легализации. Указанная политика может осуществляться с помощью системы поощрений и наказаний. Исследованный международный опыт и особенности развития самозанятости в России обосновали направления государственного регулирования самозанятости в нашей стране. Проводимая в России политика легализации самозанятых на основе внедрения низких налоговых ставок, применения электронного документооборота и предоставления льгот должна дополняться жестким регулированием. Возможно, она будет способствовать сокращению общего числа самозанятых, но позволит обеспечить социальными гарантиями тех, кто работает легально.

Дальнейшие исследования в данной сфере должны быть направлены на оценку условий труда самозанятых, выявление зависимых самозанятых, расчет доли самозанятых, обеспеченных социальным страхованием, в том числе пенсионными гарантиями. Полученные результаты могут быть использованы при формировании государственной политики регулирования деятельности самозанятых, в том числе в ненаблюдаемой экономике.

REFERENCES

1. Medina L., Schneider F.G. Shedding Light on the Shadow Economy: A Global Database and the Interaction with the Official One. CESifo Working Paper No. 7981. 2019. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3502028> (accessed 02.04.2021). (In Eng.)

2. Schneider F., Buehn A. Shadow Economy: Estimation Methods, Problems, Results and Open Questions. *Open Economics*. 2018; 1(1):1-29. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1515/openec-2017-0001>
3. Friedman G. Workers without Employers: Shadow Corporations and the Rise of the Gig Economy. *Review of Keynesian Economics*. 2014; 2(2):171-188. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4337/roke.2014.02.03>
4. Green D.D. Fueling the Gig Economy: A Case Study Evaluation of Upwork. com. *Management and Economics Research Journal*. 2018; 4. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.18639/MERJ.2018.04.523634>
5. Gerxhani K. The Informal Sector in Developed and Less Developed Countries: A Literature Survey. *Public choice*. 2004; 120:267-300. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1023/B:PUCH.0000044287.88147.5e>
6. Alm J., Embaye A. Using Dynamic Panel Methods to Estimate Shadow Economies around the World, 1984–2006. *Public Finance Review*. 2013; 41(5):510-543. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1091142113482353>
7. Nureev R.M., Akhmadeev D.R. Informal Unemployment in Russia: New Tendency of Development in XXI Century. *Aktualnye voprosy khozyajstvennoj praktiki* = Journal of Economic Regulation. 2019; 10(3):6-22. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.3.006-022>
8. Lizina O.M., Badokina T.E. Assessment of the Shadow Component in the Structure of the National Economy. *Moskovskij ehkonomicheskij zhurnal* = Moscow Journal. 2020; 9:155-165. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10620>
9. Buehn A., Schneider F. Shadow Economies in Highly Developed OECD Countries: What Are the Driving Forces? *Economics Working Papers*. 2013. Available at: https://ideas.repec.org/p/jku/econwp/2013_17.html (accessed 09.03.2021). (In Eng.)
10. Ihrig J., Moe K.S. Lurking in the Shadows: The Informal Sector and Government Policy. *Journal of Development Economics*. 2004; 73(2):541-557. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2003.04.004>
11. Dell'Anno R. The Shadow Economy in Portugal: An Analysis with the MIMIC Approach. *Journal of Applied Economics*. 2007; 10(2):253-277. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/15140326.2007.12040490>
12. Anderson J.E. State Tax Rankings: What Do They and Don't They Tell Us? *National Tax Journal*. 2012; 65(4):985-1010. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.17310/ntj.2012.4.13>
13. Buehn A., Schneider F. Corruption and the Shadow Economy: Like Oil and Vinegar, Like Water and Fire? *International Tax and Public Finance*. 2012; 19:172-194. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s10797-011-9175-y>
14. Bovi M., Dell'Anno R. The Changing Nature of the OECD Shadow Economy. *Journal of Evolutionary Economics*. 2010; 20:19-48. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s00191-009-0138-8>
15. Li P. The Underground Economy of Urban Villages. *Urban Village Renovation*. Singapore: Springer; 2020. p. 125-136. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.1007/978-981-15-8971-3_13
16. Vousinas G.L. Shadow Economy and Tax Evasion. The Achilles Heel of Greek Economy. Determinants, Effects and Policy Proposals. *Journal of Money Laundering Control*. 2017; 20(4):386-404. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/JMLC-11-2016-0047>

17. Choi J.P., Thum M. Corruption and the Shadow Economy. *International Economic Review*. 2005; 46(3):817-836. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2354.2005.00347.x>

18. Baklouti N., Boujelbene Y. A Simultaneous Equation Model of Economic Growth and Shadow Economy: Is there a Difference between the Developed and Developing Countries? *Economic Change and Restructuring*. 2020; 53(1):151-170. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s10644-018-9235-8>

19. Dreher A., Kotsogiannis C., McCorriston S. How Do Institutions Affect Corruption and the Shadow Economy? *International Tax and Public Finance*. 2009; 16. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s10797-008-9089-5>

20. Schneider F., Raczkowski K., Mróz B. Shadow Economy and Tax Evasion in the EU. *Journal of Money Laundering Control*. 2015; 18(1):34-51. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/JMLC-09-2014-0027>

21. Oleynikova E. Exploring Necessity of Smart Management for Millenials in Digital Space. *Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues*. 2020; 4:749. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2686-8199-2020-7-749-755>

22. Meager N. Foreword: JMO Special Issue on Self-Employment/Freelancing. *Journal of Management & Organization*. 2016; 22(6):756-763. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1017/jmo.2016.42>

23. Stone D.L., Deadrick D.L., Lukaszewski K.M., Johnson R. The Influence of Technology on the Future of Human Resource Management. *Human Resource Management Review*. 2015; 25(2):216-231. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2015.01.002>

24. Borghi P., Mori A., Semenza R. Self-Employed Professionals in the European Labour Market. A Comparison between Italy, Germany and the UK. *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2018; 24(4):405-419. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1024258918761564>

25. Maniatis A. Tax Evasion. *E-Journal of Science & Technology*. 2018; 13(3). Available at: http://ejst.uniwa.gr/issues/issue_56/Maniatis_56.pdf (accessed 18.06.2021). (In Eng.)

26. Elgin C., Oztunali O. Institutions, Informal Economy, and Economic Development. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2014; 50(4):145-162. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2753/REE1540-496X500409>

27. Sarte P.D.G. Informality and Rent-Seeking Bureaucracies in a Model of Long-Run Growth. *Journal of Monetary Economics*. 2000; 46(1):173-197. (In Eng.) doi: [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(00\)00020-9](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(00)00020-9)

28. Loayza N.V. Informality in the Process of Development and Growth. *The World Economy*. 2016; 39(12):1856-1916. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/twec.12480>

29. Amaral P.S., Quintin E. A Competitive Model of the Informal Sector. *Journal of Monetary Economics*. 2006; 53(7):1541-1553. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2005.07.016>

30. Ihrig J., Moe K.S. The Influence of Government Policies on Informal Labor: Implications for Long-Run Growth. *De Economist*. 2000; 148:331-343. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1023/A:1004038119150>

31. Feld L.P., Schneider F. Survey on the Shadow Economy and Undeclared Earnings in OECD Countries. *German Economic Review*. 2010; 11(2):109-149. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0475.2009.00466.x>

32. Giles D.E.A., Lindsay M.T., Werkneh G. The Canadian Underground and Measured Economies: Granger Causality Results. *Applied Economics*. 2002; 34(18):2347-2352. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00036840210148021>
33. Schneider F., Hametner B. The Shadow Economy in Colombia: Size and Effects on Economic Growth. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. 2014; 20(2):293-325. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1515/peps-2013-0059>
34. Schneider F., Enste D.H. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences. *Journal of Economic Literature*. 2000; 38(1):77-114. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1257/jel.38.1.77>
35. Alañón A., Gómez-Antonio M. Estimating the Size of the Shadow Economy in Spain: A Structural Model with Latent Variables. *Applied Economics*. 2005; 37(9):1011-1025. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00036840500081788>
36. Mapp T., Moore W. The Informal Economy and Economic Volatility. *Macroeconomics and Finance in Emerging Market Economies*. 2015; 8(1-2):185-200. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/17520843.2014.969291>
37. Kiselkina O., Salyahov E., Fakhrutdinov R., Kamasheva A. Assessment of Influence of the Labor Shadow Sector on the Economic Growth of the Russian Economy with the Using Methods of Statistical Modeling. *Procedia Economics and Finance*. 2015; 23:180-184. (In Eng.) doi: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00525-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00525-0)
38. Zaman G., Goschin Z. Shadow Economy and Economic Growth in Romania. Cons and Pros. *Procedia Economics and Finance*. 2015; 22:80-87. (In Eng.) doi: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00229-4](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00229-4)
39. La Porta R., Shleifer A. The Unofficial Economy and Economic Development. Brookings Papers on Economic Activity, Economic Studies Program, the Brookings Institution. 2008; 39(2):275-363. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3386/w14520>
40. Kim B.Y., Kang Y. The Informal Economy and the Growth of Small Enterprises in Russia. *Economics of Transition and Institutional Change*. 2009; 17(2):351-376. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0351.2009.00348.x>
41. Goel R.K., Saunoris J.W., Schneider F. Growth in the Shadows: Effect of the Shadow Economy on US Economic Growth over More than a Century. *Contemporary Economic Policy*. 2019. 37(1):50-67. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/coep.12288>
42. Duarte P. The Relationship between GDP and the Size of the Informal Economy: Empirical Evidence for Spain. *Empirical Economics*. 2017; 52:1409-1421. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s00181-016-1109-1>
43. Yerrabati S. Self-Employment and Economic Growth in Developing Countries: Is More Self-Employment Better? *Journal of Economic Studies*. 2021. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/JES-08-2020-0419>
44. González-Sánchez V.M., Martínez R.A., de los Ríos-Sastre S. An Empirical Study for European Countries: Factors Affecting Economic Growth and Self-Employment by Gender. *Sustainability*. 2020; 12(22). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/su12229450>
45. Estrin S., Mickiewicz T. Shadow Economy and Entrepreneurial Entry. *Review of Development Economics*. 2012; 16(4):559-578. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/rode.12004>
46. Willis D.B., Hughes D.W., Boys K.A., Swindall D.C. Economic Growth through Entrepreneurship: Determinants of Self-Employed Income across Regional Economies. *Papers in Regional Science*. 2020; 99(1):73-95. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/pirs.12482>

47. Loayza N.V., Rigolini J. Informal Employment: Safety Net or Growth Engine? *World Development*. 2011; 39(9):1503-1515. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.02.003>

48. Ugur M. Corruption's Direct Effects on Per-Capita Income Growth: A Meta-Analysis. *Journal of Economic Surveys*. 2014; 28(3):472-490. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/joes.12035>

49. De Dominicis L., Florax R.J.G.M., De Groot H.L.F. A Meta-Analysis on the Relationship between Income Inequality and Economic Growth. *Scottish Journal of Political Economy*. 2008; 55(5):654-682. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9485.2008.00470.x>

50. Afonso O., Neves P.C., Pinto T. The Non-Observed Economy and Economic Growth: A Meta-Analysis. *Economic Systems*. 2020; 44(1). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2020.100746>

51. Doucouliagos H., Laroche P. Unions and Profits: A Meta-Regression Analysis. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*. 2009; 48(1):146-184. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-232X.2008.00549.x>

52. Schneider F., Klinglmaier R. Shadow Economies Around the World: What Do We Know? Working Paper No. 1167. 2004. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=518526 (accessed 12.05.2021). (In Eng.)

53. Pickhardt M., Sarda Pons J. Size and Scope of the Underground Economy in Germany. *Applied Economics*. 2006; 38(14):1707-1713. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00036840500426868>

54. Schneider F., Buehn A., Montenegro C.E. New Estimates for the Shadow Economies All over the World. *International Economic Journal*. 2010; 24(4):443-461. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/10168737.2010.525974>

55. Buehn A. The Shadow Economy in German Regions: An Empirical Assessment. *German Economic Review*. 2012; 13(3):275-290. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0475.2011.00557.x>

56. Buehn A., Schneider F. Corruption and the Shadow Economy: Like Oil and Vinegar, Like Water and Fire? *International Tax and Public Finance*. 2012; 19:172-194. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s10797-011-9175-y>

57. Asfuroglu D., Elgin C. Growth Effects of Inflation under the Presence of Informality. *Bulletin of Economic Research*. 2016; 68(4):311-328. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/boer.12057>

58. Bologna J. Contagious Corruption, Informal Employment, and Income: Evidence from Brazilian Municipalities. *The Annals of Regional Science*. 2017; 58:67-118. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s00168-016-0786-1>

59. Lapin A.P., Druzhkov A.M. Usage of Weighted Least Squares Method Conversion Functions for Vortex Sonic Flowmeters Research. *Vestnik YUUrGU. Seriya "Kompyuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika"* = Bulletin of the South Ural State University Series "Computer Technologies, Automatic Control, Radio Electronics". 2013; 13(2):109-113. Available at: <https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/4653/13.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 10.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

60. Volchenko O.V., Shirokanova A.A. Applying Multilevel Regression Modeling to Cross-National Data (On the Example of Generalized Trust). *Sotsiologiya: metodologiya*,

metody, matematicheskoe modelirovanie = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling. 2016; (43):7-62. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/5264> (accessed 08.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

61. Ugura M., Trushinb E., Solomona E., Guidia F. R&D and Productivity in OECD Firms and Industries: A Hierarchical Meta-Regression Analysis. *Research Policy*. 2016; 45(10):2069-2086. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2016.08.001>

62. Korobkova N.A., Patturi Y.V. Self-Employed Taxation: Russian Realities and Prospects. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019; 18(1):203-210. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.05.24>

63. Bruce D. Effects of the United States Tax System on Transitions into Self-Employment. *Labour Economics*. 2000; 7(5):545-574. (In Eng.) doi: [https://doi.org/10.1016/S0927-5371\(00\)00013-0](https://doi.org/10.1016/S0927-5371(00)00013-0)

64. Jansen G. Solo Self-Employment and Membership of Interest Organizations in the Netherlands: Economic, Social, and Political Determinants. *Economic and Industrial Democracy*. 2020; 41(3):512-539. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0143831X17723712>

65. Agut Garcia C., Núñez González C. The Regulation of Economically Dependent Self-Employed Work in Spain: A Critical Analysis and a Comparison with Italy. *E-Journal of International and Comparative Labour Studies*. 2012; 1(1-2). Available at: <http://repositori.uji.es/xmlui/handle/10234/191063> (accessed 13.03.2021). (In Eng.)

66. Todolí-Signes A. The ‘Gig Economy’: Employee, Self-Employed or the Need for a Special Employment Regulation? *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2017; 23(2):193-205. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1024258917701381>

Поступила 24.08.2021; одобрена после рецензирования 27.09.2021; принята к публикации 05.10.2021.

Submitted 24.08.2021; approved after reviewing 27.09.2021; accepted for publication 05.10.2021.

Об авторах:

Резник Галина Александровна, заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (440028, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Германа Титова, д. 28), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com

Коробкова Наталья Александровна, доцент кафедры маркетинга и экономической теории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (440028, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Германа Титова, д. 28), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2682-1504>, korobkova-natalia@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Г. А. Резник – постановка проблемы исследования; научное руководство; формулирование основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов; критический анализ и доработка текста.

Н. А. Коробкова – подготовка текста статьи, литературного обзора по исследуемой проблеме, графических результатов исследования; формулирование выводов; разработка рекомендаций.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Galina A. Reznik, Head of the Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction (28 Titova St., Penza 440028, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com

Natalia A. Korobkova, Associate Professor, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction (28 Titova St., Penza 440028, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2682-1504>, korobkova-natalia@mail.ru

Contribution of the authors:

G. A. Reznik – statement of the research problem; academic supervision; formulation of the basic concept of the study; evaluation of the results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

N. A. Korobkova – preparation of the text of the article, literature review on the issue under study, graphical representation of the research results; drawing conclusions; putting forward recommendations.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 331:005.331

DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Использование человеческого капитала в контексте устойчивого развития региона

Т. В. Ускова

Л. В. Бабич*

*Вологодский научный центр Российской академии наук
(г. Вологда, Российская Федерация),
* lvbabich@vssc.ac.ru*

Аннотация

Введение. Стратегической целью России как на национальном, так и на региональном уровнях является устойчивое развитие. Его ключевым фактором на современном этапе выступают инновации, которые определяются наличием достаточного объема человеческого капитала как совокупности знаний, умений и навыков, способностью человека генерировать идеи, создавать новшества, доводить их до внедрения в производство. Однако при наличии довольно большого запаса человеческого капитала российская экономика испытывает трудности перехода на инновационную модель. Цель статьи – на основе проведенного исследования оценить использование человеческого капитала, проанализировать причины сложившегося противоречия.

Материалы и методы. Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных ученых-экономистов, обобщение и критический анализ которых позволил показать опосредованное влияние человеческого капитала на устойчивое развитие. На основе данных Росстата, его территориальных органов и Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации с применением индексного метода рассчитана эффективность использования человеческого капитала российскими регионами, проведено ее сопоставление с уровнем социально-экономического развития.

© Ускова Т. В., Бабич Л. В., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования. Уровень инновационной активности российских регионов остается низким. Инновации так и не стали движущей силой на пути к устойчивому развитию. Одной из причин этого является низкая эффективность использования человеческого капитала. Расчеты этого показателя, выполненные по адаптированной методике, позволяют сделать вывод о том, что российскими регионами используется чуть более половины накопленного капитала. Следовательно, резервы для повышения инновационной активности имеются. Косвенно об этом свидетельствует сопоставление уровня социально-экономического развития региона и индекса эффективности использования человеческого капитала.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что повышение эффективности использования человеческого капитала будет способствовать росту инновационности экономики регионов и тем самым создаст условия перехода на модель устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивое развитие региона, человеческий капитал, эффективность использования человеческого капитала

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ускова Т. В., Бабич Л. В. Использование человеческого капитала в контексте устойчивого развития региона // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 4. С. 820–839. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>

Original article

Effective Use of Human Capital in the Context of Sustainable Development of the Region

T. V. Uskova, L. V. Babich*

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

(Vologda, Russian Federation),

*lvbabich@vssc.ac.ru

Abstract

Introduction. Sustainable development is Russia's strategic goal at the national and regional levels. Currently, its key factor is innovation, which, in turn, is determined by the availability of sufficient amount of human capital, it being a set of knowledge, skills and abilities, including the ability of a person to generate ideas, create innovations, and bring them to production. Although Russia has a fairly large amount of human capital, its economy is experiencing difficulties in shifting to the innovation-driven model. Based on the conducted research, the article evaluates effectiveness of the use of human capital and analyzes the causes of the existing contradiction.

Materials and Methods. The theoretical foundations of the study include the works of Russian and foreign academic economists, generalization and critical analysis of which made it possible to show the indirect impact of human capital on sustainable development. Based on data from the Russian Federal State Statistics Service, its territorial offices and the Analytical Center under the Government of the Russian Federation, the efficiency of the use of human capital by Russian regions was calculated employing the index method and it was compared with the level of the socio-economic development.

Results. The level of innovation activity in Russia's regions remains low. Innovation has not become a driving force for sustainable development. One of the reasons for this is low effectiveness of the use of human capital. Calculations of this indicator, carried out accord-

ing to the adopted methodology, make it possible to conclude that Russia's regions use slightly more than half of the accumulated human capital. Consequently, there are reserves for boosting innovation activity. Indirectly, this is evidenced by the comparison of the level of socio-economic development of the region and the index of effectiveness of the use of human capital.

Discussion and Conclusion. The conducted research makes it possible to conclude that increasing effectiveness of the use of human capital will contribute to the growth of innovation in the economy of the regions and thereby facilitate the transition to the model of sustainable development.

Keywords: sustainable development, sustainable development of the region, human capital, effectiveness of the use of human capital

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Uskova T.V., Babich L.V. Effective Use of Human Capital in the Context of Sustainable Development of the Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):820-839. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>

Введение. В конце XX – начале XXI в. мировое сообщество официально призвало рассматривать будущее современной цивилизации через призму устойчивого развития, что зафиксировано в ряде итоговых документов конференций ООН¹. Россия также поддержала эту идею. Однако активное движение страны на траекторию устойчивого развития началось в 2015 г. с принятия наряду с другими государствами Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.², где закреплены цели устойчивого развития ООН, которые определяют перспективы развития человечества в 2016–2030 гг. Встраивание имеющей глобальный характер Повестки – 2030 в российский национальный контекст обусловлено и системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития, в числе которых: всестороннее усиление глобальной конкуренции, исчерпание в значительной степени возможностей экспортно-сырьевого развития, основанного на добыче энергоносителей, новая волна технологических изменений, резко усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии³.

Преодоление обозначенных вызовов и достижение целей устойчивого развития возможно при условии объединения потенциала науки, технологий

¹ Our Common Future: Report of the World Commission on the Environment and Development of the United Nations General Assembly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>; Парижское соглашение об изменении климата – итоговой документ 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКООНИК) [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 22.02.2021).

² Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unssc.org/sites/unssc.org/files/2030_agenda_for_sustainable_development_-_primer_russian.pdf (дата обращения: 22.02.2021).

³ Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития : моногр. / отв. ред. Р. С. Гринберг, П. В. Савченко ; рук. авт. кол. П. В. Савченко. М. : ИНФРА-М, 2016. 416 с.

и инноваций. Поскольку на современном этапе главным фактором устойчивого развития выступают инновации, то именно они способны обеспечить рост производительности труда, высвободить ресурсы для сокращения нищеты, уменьшить или даже обратить вспять деградацию окружающей среды⁴.

Генератором новых идей, создателем технологий и инноваций выступает человек, обладающий талантом, необходимыми знаниями, компетенциями. Совокупность знаний, умений и навыков, способность на их основе создавать новшества представляют собой не что иное, как человеческий капитал. Следовательно, накопление и эффективное использование человеческого капитала – необходимое условие повышения инновационности экономики и, как следствие, перехода на траекторию устойчивого развития.

В Российской Федерации сложилась противоречивая ситуация: обладая большим объемом накопленного человеческого капитала, регионы демонстрируют низкий уровень инновационного развития. Более того, имеет место весьма существенная дифференциация регионов по уровню инновационного развития, что во многом означает и разную степень их готовности к переходу на модель устойчивого развития.

Данные обстоятельства обусловили проведение исследования, целью которого является оценка эффективности использования человеческого капитала, определение причин сложившегося противоречия и обоснование мер, способствующих повышению инновационности экономики и переходу России и ее регионов на модель устойчивого развития.

Обзор литературы. Теоретической основой настоящего исследования послужили постулаты, обоснованные в рамках ноосферной парадигмы устойчивого развития как управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества, в частности труды Б. Г. Большакова и Д. Б. Берга⁵, А. И. Субетто [1], Н. М. Барановой, Л. В. Сорокина [2]. Базовым условием устойчивого развития на фоне ограниченных ресурсов и глобальной конкуренции выступает экономика инноваций, предполагающая «непрерывный процесс формирования и утилизации идей ...отсутствие которых означает прекращение интенсивного роста возможностей общества, т. е. остановку его развития. А целостный исторический процесс сохранения развития и есть устойчивое развитие общества»⁶. Такой подход позволяет рассматривать устойчивое развитие как инновационный процесс, т. е. процесс изменений, направленный на решение обостряющихся в современных условиях социально-экономических противоречий

⁴ Technology and Innovation Report 2018: Harnessing Frontier Technologies for Sustainable Development [Электронный ресурс]. UNCTAD 2018. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tir2018_en.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

⁵ Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / под ред. В. В. Попкова. М. : Экономика, 2007. 255 с.

⁶ Там же. С. 46–47.

с помощью новых технологий, бизнес-моделей, революционных продуктов, максимально приближающих достижение целей устойчивого развития, что обосновано в теоретических разработках ученых-экономистов⁷ [3] и обсуждается практиками на дискуссионных площадках⁸. Иными словами, теоретически обосновано, что инновационная деятельность повышает эффективность экономики, которая обеспечивает улучшение жизненного уровня населения и предотвращает деградацию среды обитания⁹, т. е. является инструментом реализации триединой концепции устойчивого развития.

Главным ресурсом и источником создания новых технологий является человеческий капитал [4], что и детерминирует его как важнейший фактор реализации концепции устойчивого развития [5–10]. Понятие «человеческий капитал»¹⁰ прочно вошло в экономическую теорию в начале 60-х гг. XX в. и связано с именами нобелевских лауреатов Т. Шульца, Г. Беккера и основателя современной экономики труда Д. Минцера. Их теория систематизировала теоретические подходы предшественников и обосновала необходимость капиталовложений в человеческий фактор с позиций микроэкономического анализа¹¹. В современной экономической теории понятие «человеческий капитал» является строго научным, «полностью подпадает под стандартное определение капитала, выработанное экономической наукой». В обобщенном виде «под человеческий капиталом принято понимать запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут использоваться им либо в производственных, либо в потребительских целях. Он – человеческий, потому что воплощен в личности человека, он – капитал, потому что является источником или будущих доходов, или будущих удовлетворений, или того и другого вместе»¹².

Началом рассмотрения человеческого капитала в качестве фактора ускорения научно-технического процесса послужила группа теорий эндогенного роста. Так, в модели Р. Нельсона и Е. Фелпса¹³ распространение инноваций

⁷ Устойчивое развитие предприятия, региона, общества: инновационные подходы к обеспечению : моногр. / под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора О. В. Прокопенко. Ruda Śląska : Drukarnia i Studio Graficzne Omnidium, 2014. 480 с.

⁸ Технологии и инновации для устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://fcongress.timepad.ru/event/1656412/> (дата обращения: 22.02.2021).

⁹ Устойчивое развитие России в меняющемся мире: угрозы и перспективы : моногр. / О. Л. Маслова [и др.]. М. : РУСАИНС, 2017. С. 83.

¹⁰ Первые исследования о повышении роли человека в производительном труде начались задолго до концептуального оформления классической теории человеческого капитала. К ним можно отнести труды У. Петти, А. Смита, К. Маркса, А. Маршалла, Н. Сениора, И. Фишера и др.

¹¹ Владимирова Н. П., Козлов А. И. Становление теории человеческого капитала в рыночной экономике. М. : Кнорус, 2015. С. 78.

¹² Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 9.

¹³ Nelson R. R., Phelps E. S. Investment in Humans, Technological Diffusion and Economic Growth // Cowles Foundation Discussion Paper. 1965. No. 189. Pp. 69–75.

обусловлено повышением уровня накопленного человеческого капитала, однако это относится лишь к странам, догоняющим технологических лидеров. Эта идея получила развитие в теории производственной функции П. Ромера [11, р. 71–102], который теоретически обосновал необходимость вложений в совокупный человеческий капитал как ресурс технологических изменений для повышения темпов роста экономики.

На современном этапе развития экономической науки в работах многих российских и зарубежных ученых человеческий капитал рассматривается как главный фактор инновационного развития, доказана необходимость наращивания его объемов¹⁴ [12–14]. Однако важными представляются теоретические разработки, в которых акцентируется внимание на оценке эффективности использования человеческого капитала. Чаще всего в научной литературе авторы фокусируются на измерении отдачи на инвестиции в человеческий капитал. Этот вопрос подробно рассмотрен в монографии под редакцией Р. М. Мельникова¹⁵.

В последнее время появляются работы по оценке эффективности использования человеческого капитала на региональном уровне. Так, например, в статье И. Н. Карелина показано, что эффективность использования человеческого капитала не является гомогенной и зависит от экономико-географических особенностей рассматриваемых территорий (учитывается пространственный аспект) [15].

В контексте устойчивого развития возникает потребность в оценке эффективности использования человеческого капитала с учетом результата его функционирования, т. е. создания новых технологий, актуального теоретического знания, способствующего переходу на новую цивилизационную модель развития.

Материалы и методы. Информационную базу исследования составили данные официальной статистики по вопросам инновационного развития регионов Российской Федерации, а также аналитические и информационно-справочные материалы Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации¹⁶.

В целях оценки эффективности использования человеческого капитала в регионах Российской Федерации в условиях перехода на модель устойчивого развития был применен индексный метод на основе расчета индекса эффективности использования человеческого капитала. Обработка данных проводилась в программе MS Excel. В нашем исследовании под эффективностью

¹⁴ Нуреев Р. М. Человеческий капитал и проблемы его развития в современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/333.pdf> (дата обращения: 14.04.2021).

¹⁵ Эффективность инвестиций в человеческий капитал в современных условиях / отв. ред. Р. М. Мельников. М. : Проспект, 2019. 352 с.

¹⁶ Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/publications?page=4> (дата обращения: 01.09.2021).

понимается «изобретательская эффективность» [16], т. е. способность региона применять имеющиеся ресурсы в виде человеческого капитала для создания и внедрения новых технологий.

Отрицательная динамика индекса эффективности использования человеческого капитала, рассчитанного по приведенной методике, свидетельствует о недостаточном уровне научного потенциала в регионе для накопления и приращения научного знания, что в свою очередь означает прекращение интенсивного роста возможностей общества. Данные положения позволяют интерпретировать методику как адекватную для оценки эффективности использования человеческого капитала в условиях перехода на модель устойчивого развития.

Итак, индекс эффективности использования человеческого капитала, первоначально предложенный для расчета в целом по стране в работе Д. А. Каражаковой¹⁷, имеет следующую формулу (1):

$$ИЭЧК = \frac{РЧК}{ЗЧК}, \quad (1)$$

где *ИЭЧК* – индекс эффективности использования человеческого капитала; *РЧК* – сводный индекс – результат функционирования человеческого капитала; *ЗЧК* – запасы человеческого капитала.

На первом этапе на основе статистических данных через формулу (2) среднеарифметических показателей рассчитывался сводный индекс – результат функционирования человеческого капитала:

$$РЧК = \frac{ИП + ИНП}{2}, \quad (2)$$

где *РЧК* – сводный индекс результата функционирования человеческого капитала; *ИП* – индекс интеллектуализации производства (соотношение выдаваемых патентных заявок к поступившим патентным заявкам¹⁸); *ИНП* – индекс интеграции науки и производства (доля инновационно-активных производственных предприятий и организаций, оказывающих различные услуги).

Оба индекса (*ИП*, *ИНП*) были рассчитаны по формуле линейного масштабирования (3):

$$ИП(ИНП) = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (3)$$

¹⁷ Каражакова Д. А. Человеческий капитал и его роль в формировании инновационной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2007. С. 15–16.

¹⁸ В случае, если в текущем году выдано патентов больше, чем подано заявок, отношение принимаем за 100 %.

где x – фактическое значение показателя; $x_{\min}$ – минимальное значение показателя; $x_{\max}$ – максимальное значение показателя.

На втором этапе проведена оценка накопленного запаса человеческого капитала регионов Российской Федерации (ЗЧК) по методике ООН, он аналогичен индексу человеческого развития (ранее индексу развития человеческого потенциала)¹⁹.

На третьем этапе был рассчитан индекс эффективности использования человеческого капитала, значение которого может находиться в интервале от 0 до 1.

На заключительном, четвертом, этапе была построена матрица «Уровень эффективности использования человеческого капитала региона – уровень социально-экономического развития региона». Для этого проведена группировка регионов по пяти уровням эффективности использования человеческого капитала: 1) высокий (15 % регионов с наибольшими значениями); 2) выше среднего (20 % регионов); 3) средний (30 % регионов); 4) ниже среднего (20 % регионов); 5) низкий уровень (15 % регионов с наименьшими значениями). Для оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации использован инструментарий, обоснованный в работе Е. Губановой и Н. Ворошилова [17].

Результаты исследования. Достижение целей устойчивого развития (ЦУР) и целей, заявленных в национальных проектах, во многом зависит от использования потенциала науки, технологий и инноваций – драйверов устойчивого развития цивилизации. Однако в современной России этот потенциал, и в частности человеческий капитал как создатель инноваций и технологий, используется не в полной мере. Учитывая, что формальный уровень образования населения современной России довольно высок, более 50 % жителей в возрасте 25–64 лет имеют третичное образование. По данному показателю в 2017 г. страна занимала 3 место, уступая лишь Ирландии и Канаде среди стран ОЭСР и стран-партнеров²⁰, и могла бы выйти на лидирующие позиции по экономическому и научно-технологическому развитию. Однако, по оценке современного состояния российской экономики (39 место в рейтинге ОЭСР по ВВП (ППС) на душу населения по итогам 2019 г.)²¹, можно лишь

¹⁹ «Характеризуя модели оценки человеческого капитала на макроуровне, следует упомянуть широко известную модель, используемую Программой развития ООН и Всемирным банком развития. Она предполагает индексный метод как инструмент сопоставления уровней развития человеческих ресурсов человеческого потенциала разных стран – индекс человеческого развития (ИЧР). ИЧР более выступает средством наблюдения за социальным прогрессом отдельных стран и человечества в целом, но косвенно отражает и уровень сформированного человеческого капитала» (Владимирова Н. П., Козлов А. И. Становление теории человеческого капитала в рыночной экономике. М.: Кнорус, 2015. С. 199–200).

²⁰ Агранович М. Л., Ермачкова Ю. В., Селиверстова И. В. Российское образование в контексте международных индикаторов. Аналитический доклад. М.: Центр статистики и мониторинга образования ФИРО РАНХиГС, 2019. С. 12.

²¹ ВВП на душу населения по ППС в России, по странам мира [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/vvp-na-dushu-naseleniya/> (дата обращения: 03.03.2021).

сделать вывод, что преимущество в виде накопленного человеческого капитала используется в России не в полной мере. «Существенная часть человеческого капитала остается без реального применения и в этом смысле является скорее вычетом из благосостояния общества»²² и не способствует сохранению экономического роста, устойчивому развитию и сокращению бедности в долгосрочном периоде. Кроме того, на современной научно-технологической карте Россия также не занимает лидирующих позиций и отстает как по показателям инновационного выпуска, так и соответствующих ресурсов от среднего значения по первой пятерке стран-лидеров²³, в то время как научно обосновано, что переход российской экономики на траекторию устойчивого экономического роста возможен только в рамках научно-технологической модели развития²⁴ как страны в целом, так и ее регионов.

Однако результаты современных исследований свидетельствуют и о высокой дифференциации регионов России по уровню инновационного развития, что во многом означает и разную степень их готовности к переходу на модель устойчивого развития. Так, например, в рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации, составленном учеными Высшей школы экономики²⁵, по итогам 2017 г. только 8 регионов входили в первую группу, величина российского регионального инновационного индекса (РРИИ) в которых отличается от результата лидера рейтинга – г. Москвы, не более чем на 20 %. Вместе с тем, по данным этого же исследования, можно увидеть, что некоторые регионы занимают высокие позиции по показателям, характеризующим уровень развития человеческого капитала – главного фактора инновационного развития, при этом демонстрируя низкую результативность инновационной деятельности.

Об этом же свидетельствуют результаты проведенных нами расчетов. На протяжении всего исследуемого периода (с 2010 по 2018 г.) во всех субъектах Федерации наблюдается рост индекса человеческого развития (рисунок). Так, за эти годы в Центральном федеральном и Южном федеральном округах этот показатель увеличился на 7 %, в Северо-Кавказском федеральном округе – на 5 %, в остальных округах – на 6 %²⁶, что свидетельствует о равномерном увеличении объема накопленного человеческого капитала в целом по Российской Федерации.

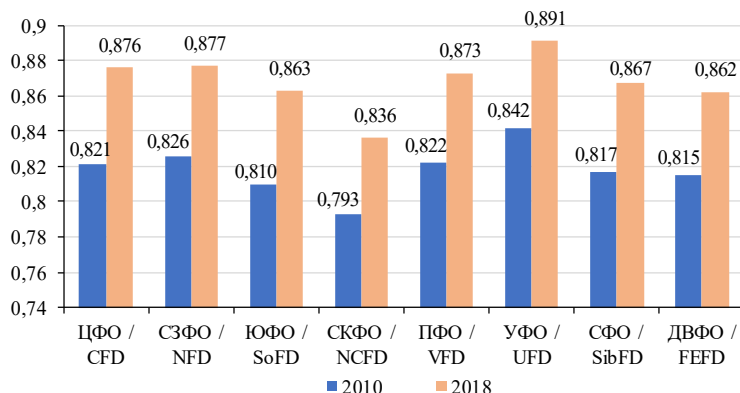
²² Капельюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе. С. 92–93.

²³ Глобальный инновационный индекс – 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/396184358.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

²⁴ Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления. С. 5.

²⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др. ; под ред. Л. М. Гохберга ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.

²⁶ В 2010 г. расчет ИЧР по Тюменской области осуществлялся без Ханты-Мансийской и Ямало-Ненецкой автономных областей, в 2018 г. – вместе с данными автономными областями.

Р и с у н о к. Тенденции изменения индекса человеческого развития в среднем по федеральным округам Российской Федерации за 2010–2018 гг.²⁷

Figure. Trends in the Human Development Index, on average for the federal districts of the Russian Federation for 2010–2018

Результаты расчета индекса эффективности использования человеческого капитала для субъектов Российской Федерации за период с 2010 по 2018 г. (произведенные по последним имеющимся данным индекса человеческого развития в разрезе субъектов Российской Федерации) свидетельствуют о том, что в российских регионах используется чуть больше половины накопленного запаса человеческого капитала от максимально возможного, следовательно, резервы для повышения инновационной активности как императива устойчивого развития регионов имеются. Индекс эффективности использования человеческого капитала в большинстве субъектов Российской Федерации находится лишь выше медианы равной 0,500 (табл. 1).

Количество регионов, увеличивающих значение ИЭЧК, имеет положительную тенденцию (табл. 1), однако, рассмотрев динамику значений ИЭЧК по каждому региону (табл. 2), констатируем, что одни субъекты в 2018 г. увеличили значение данного индекса по сравнению с 2010 г., другие, наоборот, снизили (53 и 29 субъектов Федерации), т. е. прямой зависимости роста объема человеческого капитала и эффективности его использования не наблюдается.

²⁷ Применяется обозначение федеральных округов России: ЦФО – Центральный (CFD – Central Federal District), СЗФО – Северо-Западный (NFD – Northwestern Federal District), ЮФО – Южный (SoFD – Southern Federal District), СКФО – Северо-Кавказский (NCFD – North Caucasian Federal District), ПФО – Приволжский (VFD – Volga Federal District), УФО – Уральский (UFD – Ural Federal District), СФО – Сибирский (SibFD – Siberian Federal District), ДВФО – Дальневосточный (FEFD – Far Eastern Federal District).

Таблица 1. Количество регионов Российской Федерации, расположившихся относительно медианного значения индекса эффективности человеческого капитала (ИЭЧК) за период 2010–2018 гг.²⁸

Table 1. Number of regions of the Russian Federation arranged relative to the median value of the index of effectiveness of human capital (IENC) for the period 2010–2018

Значение ИЭЧК / IENC value	2010*	2015	2017 (1)**	2017 (2)	2018
0,501–1,0	50	59	57	61	70
0–0,500	30	23	25	21	12

* Без г. Севастополя и Республики Крым / Without the city of Sevastopol and the Republic of Crimea.

** Расчет по 2017 г. проведен в двух вариантах: в первом (2017 (1)) индекс интеграции науки и производства рассчитан исходя их данных по критериям 3-й редакции Руководства Осло «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям», во втором (2017 (2)) – по 4-й редакции (за 2010, 2015 гг. – по 3-й, за 2018 г. – по 4-й редакции) / The calculation for 2017 was carried out in two versions: in the first one (2017 (1)), the index of integration of science and production was calculated based on the criteria outlined in the Oslo Manual “Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data, 3rd Edition”, in the second one (2017 (2)) – according to the 4th edition of this Manual (for 2010, 2015 – according to the 3rd edition, for 2018 – according to the 4th edition).

В регионах, где имеется значительное отклонение (более 0,100) либо в большую, либо в меньшую сторону, ИЭЧК рассмотрен в разрезе составляющих его индексов (табл. 2 и 3): индекса интеграции науки и производства (ИНП), индекса интеллектуализации производства (ИП), сводного индекса результата функционирования человеческого капитала (РЧК) и индекса человеческого развития (ИЧР) как накопленного запаса человеческого капитала.

Данные таблицы 2 позволяют сделать вывод о том, что рост ИЭЧК в 2018 г. по сравнению с 2010 г. в данных регионах в целом обусловлен ростом результата функционирования человеческого капитала. При этом следует отметить значительный рост одной из составляющих – индекса интеллектуализации производства, который свидетельствует о повышении патентной активности в регионах. Однако в ряде субъектов, в частности в Республике Дагестан, Чеченской Республике, Магаданской области, Еврейской автономной области, при этом наблюдается падение индекса интеграции науки и производства, т. е. доля инновационно активных предприятий сокращается. С одной стороны, это не может в полной мере свидетельствовать о востребованности зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности, а с другой – может быть обусловлено изменениями в законодательстве и повышением стимулирования инновационной деятельности. Так, с 2008 г. широкое распространение получила грантовая поддержка инновационно активных предприятий, где среди КРП – количество полученных патентов на изобретения; в 2009 г. вышел закон о МИПах при вузах, где также одним из показателей эффективности деятельности является количество зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности, а с принятием национального проекта «Наука» упростилась и процедура их регистрации.

²⁸ Данные всех таблиц в статье рассчитаны авторами.

Т а б л и ц а 2. Регионы, показавшие наибольший рост индекса эффективности человеческого капитала (ИЭЧК) за 2010–2018 гг.

T a b l e 2. Regions showing the highest growth in the index of effectiveness of human capital (IENC) for 2010–2018

Регион / Region	Индекс интеграции науки и производства / Index of integration of science and industry		Индекс интеллектуализации производства / Index of intellectualization of production		Индекс результата функционирования человеческого капитала / Index of the result of functioning of human capital		Индекс человеческого развития / Human Development Index		ИЭЧК / IENC	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018
Новгородская область / Novgorod Region	0,087	0,176	0,378	1,000	0,233	0,588	0,808	0,865	0,288	0,680
Псковская область / Pskov Region	0,096	0,134	0,451	0,820	0,273	0,477	0,781	0,832	0,350	0,573
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	0,067	0,022	0,182	1,000	0,124	0,511	0,802	0,847	0,155	0,603
Чеченская Республика / Chechen Republic	0,008	0,002	0,235	1,000	0,122	0,501	0,765	0,811	0,159	0,618
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	0,074	0,086	0,600	0,907	0,337	0,447	0,844	0,913	0,399	0,544
Магаданская область / Magadan Region	0,343	0,103	0,273	1,000	0,308	0,552	0,839	0,902	0,367	0,611
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	0,105	0,072	0,500	1,000	0,303	0,536	0,786	0,824	0,385	0,650

Т а б л и ц а 3. Регионы, показавшие наибольшее падение индекса эффективности человеческого капитала (ИЭЧК) за 2010–2018 гг.

Table 3. Regions showing the largest drop in the index of effectiveness of human capital (IENC) for 2018–2010

Регион / Region	Индекс интеграции науки и производства / Index of integration of science and industry		Индекс интеллектуализации производства / Index of intellectualization of production		Индекс результата функционирования человеческого капитала / Index of the result of functioning of human capital		Индекс человеческого развития / Human Development Index		ИЭЧК / IENC	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018 г. / к 2010 г. / 2018 to 2010
Камчатский край / Kamchatka Territory	0,096	0,155	0,786	0,444	0,441	0,300	0,812	0,861	0,543	0,348 -0,195
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	0,100	0,111	0,985	0,737	0,542	0,424	0,854	0,901	0,635	0,471 -0,164
Республика Тыва / Republic of Tuva	0,130	0,020	1,000	0	0,565	0,010	0,750	0,808	0,753	0,012 -0,741
Оренбургская область / Orenburg Region	0,144	0,054	0,886	0,635	0,515	0,345	0,842	0,886	0,611	0,389 -0,222
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	0	0,056	1,000	0,474	0,500	0,256	0,782	0,857	0,639	0,309 -0,330

Среди регионов, показавших наибольшее снижение ИЭЧК в 2018 г. по сравнению с 2010 г., значатся пять субъектов Российской Федерации – Камчатский и Красноярский края, Республика Тыва, Оренбургская область, Республика Калмыкия. Падение индекса также связано с результатом функционирования человеческого капитала, а именно с его отрицательной динамикой. При этом все регионы демонстрируют снижение индекса интеллектуализации производства, т. е. патентной активности, а Республика Тыва и Оренбургская область – снижение доли инновационно активных предприятий. Учитывая, что снижение индекса эффективности использования человеческого капитала происходит на фоне увеличения его запаса (в среднем по группе на 7 % в 2018 г. относительно 2010 г.) возникает вопрос либо о качестве этого ресурса инновационного развития, либо о качестве управления этим ресурсом.

Таким образом, проведенные расчеты показывают, что в российских регионах имеются достаточные ресурсы в виде человеческого капитала, но при этом новых технологий патентуется мало, уровень инновационной активности предприятий остается невысоким, т. е. результат функционирования человеческого капитала, несмотря на повышение его объема, практически не меняется на протяжении всего исследуемого периода. Это свидетельствует о невысокой эффективности использования человеческого капитала и указывает на недостаточное количество идей, обеспечивающих рост возможностей для непрерывного (устойчивого) развития общества²⁹.

Сопоставление уровня социально-экономического развития региона и индекса эффективности использования человеческого капитала косвенно подтверждает сделанные нами выводы на основе расчета ИЭЧК.

Во-первых, для регионов с высоким и выше среднего уровнем социально-экономического развития характерен средний, ниже среднего и низкий уровень эффективности использования человеческого капитала. На наш взгляд, это обусловлено наличием больших запасов сырьевых ресурсов данных регионов (Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Магаданская, Архангельская области, Ненецкий автономный округ) либо концентрацией финансовых ресурсов в столичных регионах (г. Москва, Московская и Ленинградская области). Исключением здесь является г. Санкт-Петербург, где при высоком уровне социально-экономического развития наблюдается и высокий уровень использования человеческого капитала.

Во-вторых, обращают на себя внимание регионы с низким и ниже среднего уровнем развития, но при этом высоким и выше среднего уровнем использования человеческого капитала (Алтайский край, Курганская область, Еврейская автономная область и др.). Дальнейшее развитие этих субъектов Федерации потребует наращивания человеческого капитала.

²⁹ Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / под ред. В. В. Попкова.

В-третьих, выделим регионы с низким и ниже среднего уровнем социально-экономического развития и таким же уровнем использования человеческого капитала (Вологодская, Ивановская, Оренбургская области и др.). Потенциал их развития видится как раз за счет повышения эффективности использования имеющегося запаса человеческого капитала.

В-четвертых, довольно большая группа регионов со средним уровнем социально-экономического развития имеет средний и ниже среднего индекс эффективности использования человеческого капитала (Пермский край, Калужская, Челябинская, Новосибирская области и др.). При этом часть регионов этой группы имеет развитую промышленность и крупную сеть научно-образовательных учреждений. Повышение эффективности использования человеческого капитала в регионах данной группы, на наш взгляд, возможно за счет тесной кооперации науки, бизнеса и государства.

Следует заметить, что в исследовании расчеты проведены в допандемийный период ввиду отсутствия статистических данных за 2019–2020 гг. Однако можно предположить, что при наличии статистики и проведении расчетов за два последних года ситуация осталась бы прежней, так как рост экономики за 2019–2020 гг. не демонстрирует значительной динамики. Это, по нашему мнению, позволяет считать предлагаемые выводы и предложения актуальными и на текущий момент.

Обсуждение и заключение. Очевидно, что мировое сообщество находится на пути перехода к новой безопасной цивилизационной парадигме развития XXI в. [18, с. 103]. Движение России по траектории устойчивого развития также является стратегической целью. При этом все чаще на дискуссионных площадках этот путь связывают с инновационными преобразованиями, придавая высший приоритет развитию науки и образования как основе перехода человечества в «эпоху ноосферы» [1, с. 149]. Обусловлено это осознанием в значительной степени исчерпания возможности экстенсивного роста, основанного на экспорте углеводородов и необходимости создания производств с высокой добавленной стоимостью, а также переходом на новые современные модели экономического развития («зеленая» экономика, экономика «замкнутого цикла»), в том числе и на региональном уровне.

Однако проведенное исследование показывает, что устойчивое развитие российских регионов, достижение обозначенных в Повестке – 2030 целей, переход к «зеленой» экономике могут быть затруднены вследствие неэффективного использования накопленного запаса человеческого капитала. С одной стороны, субъекты Российской Федерации за последние 10 лет демонстрируют положительную динамику Индекса человеческого развития, в основном за счет образовательной компоненты, с другой – довольно низким остается результат функционирования человеческого капитала (низкая

инновационная активность предприятий³⁰, сравнительно небольшое число новых объектов интеллектуальной собственности).

Почему это происходит? Здесь встает вопрос как о качестве накопленного человеческого капитала, так и о проводимой государственной и корпоративной политике, создающей условия для его эффективной реализации. Вторым моментом особенно важен, поскольку ключевыми создателями добавленной стоимости являются те обладатели человеческого капитала, которые имеют возможность эффективно применять его в своей трудовой деятельности³¹.

В этих обстоятельствах важной задачей видится разработка региональными органами государственной власти механизмов продуктивного использования человеческого капитала. При этом в одних случаях, где имеются резервы накопленного объема человеческого капитала, региональная политика должна быть направлена на повышение результата функционирования человеческого капитала, т. е. стимулирование изобретательской активности населения; в других, где резервы человеческого капитала практически исчерпаны, стратегически важным направлением социально-экономической политики регионов должно стать развитие человеческого капитала и повышение его качества.

Реальным механизмом эффективного использования человеческого капитала могут стать создаваемые в настоящее время в России научно-образовательные центры мирового уровня³². Однако далеко не все регионы могут участвовать в проекте по созданию таких центров, следовательно, необходима разработка собственных, учитывающих специфику развития того или иного региона.

Научная значимость исследования заключается в обосновании необходимости разработки механизмов эффективного использования человеческого капитала и новых подходов к его формированию на региональном уровне, способного к абсорбции и созданию прорывных технологий, способствующих переходу на модель устойчивого развития.

Однако осмысление представленного в статье материала и имеющийся научный задел ставят перед нами новые исследовательские задачи. Дальнейшие этапы исследования будут посвящены разработке методического инструментария оценки устойчивого развития региона с учетом фактора человеческого капитала. Это позволит скорректировать региональную политику и на основе новейших теоретико-методологических подходов к устойчивому развитию сформулировать предложения по включению в стратегическое видение регионов вопросов устойчивого развития.

³⁰ С 2017 по 2019 г. удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, увеличился примерно на 4 % (с 20,8 до 21,6 %), а осуществляющих экологические инновации упал наполовину – с 1,1 до 0,6 %, при том что их доля итак невелика

³¹ Как увеличить человеческий капитал и его вклад в социальное и экономическое развитие. Тез. докл. / под ред. Я. И. Кузьминова, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 64 с.

³² Что такое НОЦ? [Электронный ресурс]. URL: <https://ноц.рф/about> (дата обращения: 10.03.2021).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Субетто А. И. Ноосферная парадигма целеполагания устойчивого развития человечества и России // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 143–150. URL: https://www.terrahumana.ru/arhiv/15_04/15_04_26.pdf (дата обращения: 08.09.2021).
2. Баранова Н. М., Сорокин Л. В. Роль научных исследований и разработок в устойчивом развитии экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 11. С. 2035–2048. doi: <https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2035>
3. Романова А. С. Человеческий капитал в системе устойчивого развития // Труды БГТУ. Сер. 5: Экономика и управление. 2015. № 7. С. 310–315. URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/15375> (дата обращения: 08.09.2021).
4. Diebolt C., Hippe R. The Long-Run Impact of Human Capital on Innovation and Economic Development in the Regions of Europe // Applied Economics. 2019. Vol. 51, issue 5. Pp. 542–563. doi: <https://doi.org/10.1080/00036846.2018.1495820>
5. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Векторы достижения устойчивого будущего // Философские науки. 2017. № 7. С. 139–149. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/387> (дата обращения: 08.09.2021).
6. Lange G. M., Wodon Q., Carey K. The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. Washington, DC : World Bank, 2018. 255 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29001/9781464810466.pdf?sequence=4&is-Allowed=y> (дата обращения: 08.09.2021).
7. Марыганова Е. А., Дмитриевская Н. А. Человеческий капитал как фактор устойчивого развития // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 6. С. 73–78. doi: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2013-6-73-78>
8. Мячин Ю. Образование как ключевой фактор устойчивого развития // Высшее образование в России. 2007. № 1. С. 51–55. URL: <http://vovr.ru/upload/1-07.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).
9. Кирко В. И., Кононова Е. С. Образование как ключевой фактор инновационного и устойчивого развития // Современное образование. 2019. № 1. С. 12–24. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2019.1.28894>
10. Баранова Н. М., Сорокин Л. В. Влияние человеческого капитала на устойчивое развитие экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16, № 12. С. 2224–2237. doi: <https://doi.org/10.24891/ea.16.12.2224>
11. Romer P.M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, no. 5. Part 2. Pp. 71–102. URL: <https://www.jstor.org/stable/2937632> (дата обращения: 08.09.2021).
12. Determinants of Regional Innovation in Russia: Are People or Capital More Important? / S. Zemtsov [et al.] // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10, no 2. Pp. 29–42. doi: <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.2.29.42>
13. Корчагин Ю. А. Человеческий капитал – основной фактор развития инновационной экономики // Bulletin de l'Academie Internationale CONCORDE. 2014. No. 1. Pp. 49–90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21019828> (дата обращения: 08.09.2021).
14. Schmalzbauer B. The Contribution of Science in Implementing the Sustainable Development Goals. Stuttgart : German Committee Future Earth, 2016. 52 p. URL: https://www.dkn-future-earth.org/imperia/md/content/dkn/2016_report_contribution_science_v8_light_final_fin.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

15. Карелин И. Н. Эффективность использования человеческого капитала в регионах Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. 2021. № 1. С. 168–180. doi: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2021-1-168-180>

16. Земцов С. П., Бабурин В. Л. Как оценить эффективность региональных инновационных систем в России? // Инновации. 2017. № 2 (220). С. 60–66. URL: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2017/innovacii-n2-2017/kak-ocenit-effektivnost-regionalnyh-innovacionnyh-sistem-v-rossii> (дата обращения: 08.09.2021).

17. Gubanova E., Voroshilov N. Assessment and Mechanism of Regulating Inter-Regional Socio-Economic Differentiation (Case Study of the Russian Federation) // Regional Science Inquiry. 2019. No. 3. Pp. 55–68. URL: <https://ideas.repec.org/a/hrs/journal/vxiy-2019i3p55-68.html> (дата обращения: 08.09.2021).

18. Урсул Д. А. Переход к устойчивому развитию: Россия и БРИКС // Партнерство цивилизаций. 2015. № 1–2. С. 107–140. URL: <http://misk.inesnet.ru/izdaniya/zhurnal-partnerstvo-civilizacij/partnerstvo-civilizacij-1-2-2015/> (дата обращения: 08.09.2021).

Поступила 11.08.2021; одобрена после рецензирования 28.09.2021; принята к публикации 07.10.2021.

Об авторах:

Ускова Тамара Витальевна, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах Вологодского научного центра Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1136>, Scopus ID: 24802490700, tvu@vscc.ac.ru

Бабич Любовь Васильевна, заместитель директора по научной работе Вологодского научного центра Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1661-4245>, lvbabich@vscc.ac.ru

Заявленный вклад авторов:

Т. В. Ускова – научное руководство; структурное построение статьи; проведение критического анализа материалов; обобщение результатов исследования.

Л. В. Бабич – обоснование актуальности исследуемой проблемы; литературный обзор по исследуемой проблематике; сбор и обработка аналитической информации; расчет индекса эффективности использования человеческого капитала регионов Северо-Западного федерального округа; разработка сопоставительной таблицы уровня социально-экономического развития региона и уровня эффективности использования человеческого капитала; обобщение результатов исследования.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Subetto A.I. Noosphere Paradigm of a Goal-Setting of a Sustainable Development of Mankind and Russia. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* = Society. Environment. Development.

2015; (4):143-150. Available at: https://www.terramumana.ru/arhiv/15_04/15_04_26.pdf (accessed 08.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Baranova N.M., Sorokin L.V. The Role of Research and Development in Sustainable Economic Development. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2017; 13(11):2035-2048. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2035>

3. Romanova A.S. Human Capital in the System of Sustainable Development. *Trudy BGTU. Ser. 5: Ehkonomika i upravlenie* = Proceedings of BSTU. Issue 5. Economics and Management. 2015; (7):310-315. Available at: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/15375> (accessed 08.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Diebolt C., Hippe R. The Long-Run Impact of Human Capital on Innovation and Economic Development in the Regions of Europe. *Applied Economics*. 2019; 51(5):542-563. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00036846.2018.1495820>

5. Ursul A.D., Ursul T.A. Vectors of Achieving Sustainable Future. *Filosofskie nauki* = Russian Journal of Philosophical Sciences. 2017; (7):139-149. Available at: <https://www.phisci.info/jour/article/view/387> (accessed 08.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

6. Lange G.M., Wodon Q., Carey K. The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. Washington, DC: World Bank; 2018. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29001/9781464810466.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)

7. Maryganova E.A. Dmitrievskaya N.A. Human Capital as a Factor of Sustainable Development. *Ehkonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO* = Economics, Statistics and Informatics. *Vestnik UMO*. 2013; (6):73-78. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2013-6-73-78>

8. Myachin Yu.V. Education as a Key Factor in Sustainable Development. *Vyshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2007; (1):51-55. Available at: <http://vovr.ru/upload/1-07.pdf> (accessed 08.09.2021). (In Russ.)

9. Kirko V.I., Kononova E.S. Education is the Key Factor of Innovation and Sustainable Development. *Sovremennoe obrazovanie* = Modern Education. 2019; (1):12-24. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2019.1.28894>

10. Baranova N.M., Sorokin L.V. An Impact of Human Capital on the Sustainable Economic Development. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = Economic Analysis: Theory and Practice. 2017; 16(12):2224-2237. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24891/ea.16.12.2224>

11. Romer P.M. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 1990; 98(5-2):71-102. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2937632> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)

12. Zemstov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of Regional Innovation in Russia: Are People or Capital More Important? *Foresight and STI Governance*. 2016; 10(2):29-42. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.2.29.42>

13. Korchagin Yu.A. Human Capital is the Main Factor of Development Innovative. *Bulletin de l'Academie Internationale CONCORDE*. 2014; (1):49-90. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21019828> (accessed 08.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Schmalzbauer B. The Contribution of Science in Implementing the Sustainable Development Goals. Stuttgart: German Committee Future Earth; 2016. Available at: <https://>

www.dkn-future-earth.org/imperia/md/content/dkn/2016_report_contribution_science_v8_light_final_fin.pdf (accessed 08.09.2021). (In Eng.)

15. Karelin I.N. Efficiency of Human Capital Use in Regions of the Russian Federation. *Vestnik NGUEHU* = Vestnik NSUEM. 2021; (1):168-180. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2021-1-168-180>

16. Zemtsov S.P., Baburin V.L. How to Assess an Efficiency of Regional Innovation Systems in Russia? *Innovatsii* = Innovations. 2017; (2):60-66. Available at: <https://maginov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2017/innovacii-n2-2017/kak-ocenit-effektivnost-regionalnyh-innovacionnyh-sistem-v-rossii> (accessed 08.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Gubanova E., Voroshilov N. Assessment and Mechanism of Regulating Inter-Regional Socio-Economic Differentiation (Case Study of the Russian Federation). *Regional Science Inquiry*. 2019; (3):55-68. Available at: <https://ideas.repec.org/a/hrs/journal/vxiy-2019i3p55-68.html> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)

18. Ursul D.A. Transition to Sustainable Development: Russia and BRICS. *Partnyorstvo tsivilisatsij* = Partnership of Civilizations. 2015; (1-2):107-140. Available at: <http://misk.inesnet.ru/izdaniya/zhurnal-partnerstvo-civilizacij/partnerstvo-civilizacij-1-2-2015/> (accessed 08.09.2021). (In Russ.)

Submitted 11.08.2021; approved after reviewing 28.09.2021; accepted for publication 07.10.2021.

About the authors:

Tamara V. Uskova, Deputy Director for Research, Head of the Department of Issues of Socio-Economic Development and Administration in Territorial Systems, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorkogo St., Vologda 160014, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1136>, Scopus ID: 24802490700, tvu@vscc.ac.ru

Lyubov V. Babich, Deputy Director for Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorkogo St., Vologda 160014, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1661-4245>, lvbabich@vscc.ac.ru

Contribution of the authors:

T. V. Uskova – academic supervision; structural construction of the article; critical analysis of the materials; generalization of the research results.

L. V. Babich – substantiation of the relevance of the issue under study; literature review on the issue under study; collection and processing of analytical information; calculation of the effectiveness of the use of human capital in the regions of the Northwestern Federal District; comparative assessment of the level of socio-economic development in the regions and the level of effectiveness of the use of human capital; generalization of the research results.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Региональный инвестиционный рынок в сфере обращения с отходами: динамика, структура, методика оценки

И. А. Иванова^{*}С. Г. Бусалова¹Э. Р. Горчакова²

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск, Российская Федерация),
^{*} ivia16@mail.ru

² Университет ИТМО (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Аннотация

Введение. Развитие экологического предпринимательства и привлечение инвестиций в сферу обращения с отходами являются актуальными для повышения устойчивости экономических систем на фоне катастрофического экологического загрязнения, изменения климата и истощения природных ресурсов. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить влияние образования отходов производства и потребления на развитие регионального инвестиционного рынка в сфере обращения с отходами.

Материалы и методы. Проведен системный анализ баз данных Федеральной службы государственной статистики, характеризующих развитие инвестиционного рынка в сфере обращения с отходами с использованием корреляционного, факторного, регрессионного (линейного и нелинейного) и дисперсионного методов анализа. На базе эконометрического динамического моделирования с применением инструментальных переменных выявлена зависимость объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, от объема и структуры образованных отходов производства и потребления.

Результаты исследования. С помощью статистических критериев был построен прогноз объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, и сделаны выводы о сильном характере влияния на него динамики образования отходов производства и потребления. На основе проведенного исследования разработаны предложения для повышения инвестиционной активности в сфере обращения с отходами.

© Иванова И. А., Бусалова С. Г., Горчакова Э. Р., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Сфера обращения с отходами обладает высоким потенциалом развития, позволяющим данному сегменту российской экономики при соответствующей грамотной инвестиционной политике решать не только экологические, но и значимые макроэкономические задачи. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и реализации мер, направленных на развитие системы управления сферой обращения с отходами, ключевыми экзогенными параметрами, определяющими величину макроэкономического эффекта которой, являются объемы инвестиций в производство оборудования по сбору и переработке отходов.

Ключевые слова: инвестиции, охрана окружающей среды, обращение с отходами, рециклинг, регрессия, прогнозирование, эконометрическое моделирование

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность сотрудникам редакции журнала «Регионология» и рецензентам за конструктивные замечания и ценные рекомендации.

Для цитирования: Иванова И. А., Бусалова С. Г., Горчакова Э. Р. Региональный инвестиционный рынок в сфере обращения с отходами: динамика, структура, методика оценки // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 840–865. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.840-865>

Original article

Regional Investment Market in the Sphere of Waste Management: Dynamics, Structure, Evaluation Methodology

I. A. Ivanova^a, S. G. Busalova^a, E. R. Gorchakova^b

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),
* ivia16@mail.ru

^b ITMO University (St. Petersburg, Russian Federation)

Abstract

Introduction. Developing environmental entrepreneurship and attracting investments in the sphere of waste management are relevant for increasing the sustainability of economic systems in the circumstances of catastrophic environmental pollution, climate change, and depletion of natural resources. Based on the conducted research, the article assesses the impact of industrial and consumer waste generation on the development of the regional investment market in the sphere of waste management.

Materials and Methods. A systemic analysis of the databases of the Federal State Statistics Service characterizing the development of the investment market in the sphere of waste management was performed using the correlation, factor, and regression (linear and non-linear) methods of analysis, as well as the analysis of variance. On the basis of econometric dynamic modeling using instrumental variables, the study has revealed the dependence of the volume of investment in fixed assets in the Russian Federation aimed at environmental protection and rational use of natural resources on the volume and structure of generated industrial and consumer waste.

Results. The volume of investment in fixed assets in the Russian Federation aimed at environmental protection and rational use of natural resources has been prognosticated taking into account the statistical criteria; conclusions have been drawn about strong influence

of the dynamics of industrial and consumer waste generation. Based on the conducted research, proposals for increasing investment activity in the sphere of waste management have been formulated.

Discussion and Conclusion. The sphere of waste management has a high development potential enabling this sector of the Russian economy, with appropriate competent investment policy, to solve not only environmental, but also significant macroeconomic problems. The results obtained can be used when elaborating and implementing measures aimed at the development of a waste management system, the key exogenous parameter of which, determining the magnitude of the macroeconomic effect, is the volume of investment in the production of waste collection and processing equipment.

Keywords: investment, environmental protection, waste management, recycling, regression, prognostication, econometric modeling

The authors declare that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The authors wish to express their appreciation to the editorial staff of the Russian Journal of Regional Studies (Regionology) and the reviewers for their constructive comments and valuable recommendations.

For citation: Ivanova I.A., Busalova S.G., Gorchakova E.R. Regional Investment Market in the Sphere of Waste Management: Dynamics, Structure, Evaluation Methodology. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):840-865. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.840-865>

Введение. Неконтролируемый процесс индустриализации, начиная с XIX в., и тенденция к формированию потребительского общества привели к огромному количеству отходов. Управление отходами и их безопасная утилизация стали одной из важнейших экологических проблем современности. Существует множество докладов различных организаций, подчеркивающих актуальность решения «мусорной» проблемы и необходимость незамедлительных действий для ликвидации последствий мусорного кризиса.

В докладе Всемирного банка отмечается, что к концу 2050 г. будет наблюдаться превышение роста образования отходов над ростом населения более чем в 2 раза, выбросы парниковых, или, как их еще называют, свалочных, газов увеличатся к 2050 г. на 60 % и составят 2,6 млрд т¹. В своих публикациях А. В. Шевчук в соавторстве с другими учеными пристальное внимание уделяет решению задачи переработки отходов, требующей незамедлительного урегулирования «мусорной» проблемы в ближайшие годы². Т. Хундертмарк

¹ What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050 [Электронный ресурс] / K. Silpa [et al.]. USA, Washington, 2018. 295 p. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/what-waste-global-database> (дата обращения: 17.03.2021).

² Управление отходами в современной России / А. В. Шевчук [и др.]. Москва : Совет по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли, 2021. 560 с.; «Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны : К 100-летию Совета по изучению производительных сил МЭР и РАН и к 250-летию Вольного экономического общества / С. Н. Бобылев [и др.] ; Министерство экономического развития Российской Федерации ; Российская академия наук ; Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Совет по изучению производительных сил». М. : Совет по изучению производительных сил, 2015. 248 с.

акцентирует внимание на важности решения «мусорной» проблемы в связи с нарастающим спросом на пластмассу, который вызовет рост глобальных объемов отходов пластмасс до 460 млн т в год к 2030 г.³ Данный прогноз выводит серьезную экологическую проблему на совершенно новый уровень и требует ее незамедлительного решения. К. Гунит приводит неутешительную статистику: каждый год в морскую экосистему выбрасывается около 8 млн т пластиковых отходов, в результате чего образовался «океан пластика», приводящий к катастрофическим последствиям для экологии [1].

На Всемирном экономическом форуме в 2020 г. обсуждалось, что на протяжении многих десятилетий современной промышленной революции существовала концепция традиционной промышленной мантры «take, make, use, waste», или «бери, делай, используй, выбрасывай»⁴. Данная концепция соответствует линейной системе экономики, побочным результатом которой является рост отходов и, следовательно, заметное ухудшение состояния окружающей среды. Теперь многие корпорации и страны, включая Китай, Японию и Великобританию, бросают вызов устойчивости ранее существовавшей модели; они планируют отказаться от линейной системы в пользу циклической экономики⁵. На смену приходит концепция «make, use, return or recycle», или «делай, используй, возвращай или рециркулируй», в качестве коллективной мантры, присоединившись к циркулярной экономике [2; 3].

На данный момент в России мы можем наблюдать одну из острейших проблем формирования циркулярной экономики – лавинообразный рост отходов производства [4]. Решить ее можно притоком инвестиций в область переработки отходов. К. В. Папенов и С. М. Никоноров делают акцент на взаимосвязи между моделью циклической экономики и национальными проектами; ученые называют модель «циклической экономики» экономикой будущего для России, так как она позволяет не только решить проблему отходов, но и сохранить невозобновляемые природные ресурсы [5].

Одной из важнейших проблем при переходе к экономике замкнутого цикла выступает недостаточность финансирования переработки отходов. К сожалению, нельзя сказать, что сейчас мы наблюдаем адекватные к текущим реалиям решения, способствующие правильной переработке отходов – проблема заключается в том, что управление переработкой отходов является дорогостоящей. Учитывая рост внедрения инноваций в сферу переработки

³ Hundertmark T. How Plastics Waste Recycling Could Transform the Chemical Industry [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/chemicals/our-insights/how-plastics-waste-recycling-could-transform-the-chemical-industry> (дата обращения: 17.03.2021).

⁴ Advanced Manufacturing in the Era of Greater Corporate Sustainability – Here's "Industry 4.0" From the World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: <https://ga-institute.com/Sustainability-Update/tag/take-make-dispose/> (дата обращения: 17.03.2021).

⁵ In the Circular Economy, it's Take, Make, Use, Reuse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/professional/blog/circular-economy-take-make-use-reuse-2> (дата обращения: 17.03.2021).

отходов, которые способствуют увеличению стоимости переработки отходов, для муниципалитетов данная статья расходов является критической и непосильной. В докладе Всемирного банка приводятся средние затраты на системы, включающие более продвинутые подходы к обработке и переработке отходов – от 50 до 100 долл./т и более⁶.

На современном этапе большое внимание уделяется развитию инвестиционной деятельности в области переработки отходов.

В исследовании были поставлены следующие гипотезы.

H1: Создание экономики замкнутого или полного цикла с повышением доли переработки отходов и снижения доли их захоронения – приоритетная государственная задача.

H2: Ключевая проблема в реализации мусорной реформы – недостаточное ее финансирование. Внедрение технологических решений по обращению с отходами невозможно без инвестирования в переработку мусора в России.

H3: Динамика объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, имеет линейный возрастающий характер.

H4: Доминирующее влияние на объем инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, оказывает образование отходов производства и потребления.

H5: Анализ зависимости объема инвестиций от образования отходов производства и потребления может быть осуществлено на основе динамического эконометрического моделирования с распределенными лагами.

Цель статьи – на основе проведенного исследования разработать механизм, стимулирующий рост финансирования в сфере обращения с отходами на основе анализа влияния образования отходов производства и потребления на развитие регионального инвестиционного рынка в сфере обращения с отходами.

Обзор литературы. Начиная с 1990-х гг. Европейским союзом разрабатываются стратегии, директивы, нормативно-правовые акты в области правил по переработке отходов. Так, в 2008 г. в Европейском союзе была принята Рамочная директива «The Waste Framework Directive», закрепляющая целевой показатель по переработке и повторному использованию отходов – 50 % от муниципальных отходов. В 2015 г. опубликован доклад «Closing the loop – An EU action plan for the circular economy», в котором принят новый целевой показатель – около 65 % муниципальных отходов должны быть переработаны и подготовлены к повторному использованию к 2035 г.⁷

⁶ What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/what-waste-global-database>

⁷ Closing the loop – An EU action plan for the Circular Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52015DC0614> (дата обращения: 17.03.2021).

В Российской Федерации в 2017 г. создан механизм экономического регулирования деятельности, связанной с отходами. При разработке государственной политики учитываются основные принципы и приоритетные направления в области обращения с отходами: охрана здоровья человека, поддержание или восстановление благоприятного состояния окружающей среды и сохранение биологического разнообразия; научно обоснованное сочетание экологических и экономических интересов общества в целях обеспечения устойчивого развития общества; комплексная переработка материально-сырьевых ресурсов в целях уменьшения количества отходов; использование методов экономического регулирования деятельности в области обращения с отходами в целях уменьшения количества отходов и вовлечения их в хозяйственный оборот и др. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»⁸ содержит общие положения, общие требования, экономическое регулирование, запреты и другие пункты, но не приводит целевые показатели по объему переработанного мусора отдельными объектами, муниципалитетами и др.

В 2018 г. в России на 5-летний срок был принят национальный проект «Экология», включающий 11 федеральных проектов, четыре из которых нацелены на решение «мусорной» проблемы в России. В 2019 г. по поручению Президента России была создана и открыта публично-правовая компания «Российский экологический оператор» (учредителем выступает Министерство природы)⁹ с целью создания экономики замкнутого или полного цикла с повышением доли переработки отходов и снижения доли их захоронения; введена новая система обращения с отходами¹⁰, решающая задачу снижения объемов захоронения мусора посредством создания необходимой инфраструктуры для обработки и утилизации твердых коммунальных (ТКО) и твердых бытовых отходов. В качестве одной из целей в федеральном проекте «Формирование комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами»¹¹ выступает эффективное обращение с отходами производства и потребления, в том числе ликвидация несанкционированных свалок в границах городов.

По нашему мнению, решению «мусорной» проблемы может способствовать приток инвестиций в область утилизации отходов. Инвестиции – неотъемлемая часть развития, которая поможет в борьбе с вывозом мусора на полигоны для захоронения. Внедрение технологических решений по обращению с отходами требует дополнительных средств, обеспечить которые государство

⁸ Об отходах производства и потребления : федер. закон Рос. Федерации от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. 07.04.2020).

⁹ Паспорт Национального проекта «Экология» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения: 17.03.2021).

¹⁰ Об отходах производства и потребления : федер. закон Рос. Федерации от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. 07.04.2020).

¹¹ Паспорт Национального проекта «Экология». URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/

собственными силами часто не имеет возможности. С. Скарпеллини с соавторами провели исследование основных барьеров для циркулярной экономики, таких как отсутствие финансирования и инвестиций в переработку продукции, отсутствие системного обмена отходами между компаниями и др. [6]. Р. Де Анджелис, М. Говард и Дж. Миёмчик представили ведущие принципы циркулярной экономики, основанные на следующих аргументах: переход от собственности на продукцию к лизингу в рамках цепочки поставок; актуальность структурной гибкости и стартапов в региональных или местных циклах; открытые и закрытые материальные циклы в технических и биологических циклах; более тесное сотрудничество в пределах и за пределами непосредственных границ отрасли; развитие государственных и частных закупок в сфере услуг как оптимизация циркулярных бизнес-моделей [7]. К. Гиня и М. Гаврилеску дали оценку и отчет о результатах различных сценариев обращения с отходами с точки зрения затрат и определения наиболее подходящей альтернативы [8].

Инвестиции в проекты по переработке отходов производства и потребления нацелены на повышение экономии энергии, денег и времени; чрезвычайная экологическая ситуация и ухудшение состояния окружающей среды должны быть учтены при разработке национальных и региональных стратегий развития [9]. Ученые предлагают стимулировать финансовые учреждения, которые инвестируют свои средства в экологические программы и проекты [10].

Разработка инвестиционных проектов в сфере возобновляемых источников энергии оказывает активное влияние на достижение целей устойчивого развития стран. Эффективные инвестиции в реализацию «зеленых» проектов придают мощный импульс, в том числе повышению энергетической безопасности стран [11]. М. Нанаяккара и С. Коломбаге подчеркивают необходимость поддержки роста рынка «зеленых» облигаций для повышения устойчивости развития региональных экономических систем с целью смягчения проблем, связанных с изменением климата [12]. В целях обеспечения устойчивого развития государств важно не упускать такую статью расходов, как переработка отходов. Стратегия устойчивого развития должна обеспечивать интеграцию экологической, экономической, социальной и институциональной составляющих¹². Н. Паюнен с соавторами представили комплексный подход к рециклингу, основанный на результатах исследовательских проектов, подтверждающих, что жизненный цикл и системное мышление, а также ноу-хау в области материалов на этапе проектирования являются важнейшими его элементами [13].

¹² Вдовин С. М. О подходах к разработке стратегии устойчивого развития региона // Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (29–30 ноября 2019 г., г. Саранск). Саранск : ИП Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2019. С. 3–5.

Исследование китайских ученых на основе анализа случайной выборки из 4 088 китайских компаний показало, что слабый ресурс фирмы имеет U-образную регрессионную связь с инвестициями в экологические проекты [14]. Полиномиальная модель подчеркивает значимость объема государственной поддержкой «зеленых» технологий и высокого технологического потенциала компании. При этом в работе Ю. Чен и Ц. Фень доказана необходимость оптимизации корпоративных «зеленых» инвестиций с помощью дифференцированного регулирования [15]. Ф. Ганда в своем исследовании подчеркивает важность глобальных корпоративных «зеленых» инвестиций в научные исследования и разработки: в результате опроса 14 южноафриканских горнодобывающих компаний определяются возрастающие темпы роста долгосрочных «зеленых» инвестиций, связанные с научными исследованиями и разработками [16]. Г. Л. Кларк полагает, что необходимо разумное распределение финансовых рисков и степени неопределенности между государством и частными инвесторами, при этом государственный сектор должен финансировать прежде всего «зеленую» инфраструктуру, а частные инвесторы – ее обслуживание [17]. Также исследователи выявляют основные мотивационные стимулы для инвесторов в «зеленые» коммерческие объекты, такие как личные и альтруистические экологические мотивы, а также корпоративная ответственность и финансовые выгоды [18]. При этом «зеленые» налоговые льготы существенно влияют на инвестиционную политику. Так, И. Аcomea-Фримпонг с соавторами определили факторы, оказывающие решающее влияние на политику банков в области «зеленого» финансирования: политика в области охраны окружающей среды и борьбы с изменением климата, процентные ставки, религия, социальная интеграция и социальная справедливость, а также регулирование банковской деятельности [19].

Проведенный нами анализ различных исследований позволил сделать вывод, что разработка механизма, стимулирующего рост финансирования в сфере обращения с отходами на основе оценки степени влияния образования отходов производства и потребления на развитие регионального инвестиционного рынка является актуальной и оригинальной.

Материалы и методы. В целях исследования проанализированы 4 аспекта, отражающие состояние и динамику объема инвестиций в переработку:

1) инвестиции и текущие затраты, направленные на охрану окружающей среды;

2) структура источников финансирования национальных проектов, связанных с ТКО;

3) структура финансирования инвестиционных проектов крупными компаниями, не заинтересованными в утилизации отходов;

4) объем инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов одной из крупнейших компаний, занимающейся добычей природных ресурсов.

В работе проведен системный анализ баз данных (пространственных – по 85 регионам России, и динамических рядов – по России) Федеральной службы государственной статистики, характеризующих развитие инвестиционно-го рынка в сфере обращения с отходами с использованием корреляционного, факторного, регрессионного (линейного и нелинейного) и дисперсионного методов анализа.

Многофакторный корреляционный анализ позволил определить, что доминирующее влияние на объем инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (Y_{it}), имеет такой фактор, как образование отходов производства и потребления (X_{it}) (так как парный коэффициент корреляции $r_{Y_{it}, X_{it}} = 0,9$).

Методом инструментальных переменных построена регрессионная модель с распределенным лагом Ш. Алмон (The Almon Polynomial Distributed Lag)¹³, имеющим полиномиальную структуру зависимости объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации (Y_{it}), направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, от объема и структуры образованных отходов производства и потребления (X_{it}):

$$Y_{it} = \delta + \beta_0 X_{it} + \beta_1 X_{it-1} + \beta_2 X_{it-2} + \dots + \beta_l X_{it-l} + \varepsilon_{it}. \quad (1)$$

Данная модель в отличие от других эконометрических моделей позволяет учесть влияние на результативную переменную факторов с некоторым запаздыванием (лагом).

Метод Алмона оценки параметров модели с распределенным лагом (1) начинается с определения структуры лага, включающего следующую процедуру:

- оценка максимальной величины лага l ;
- определение степени k полинома $\beta_j = c_0 + c_1 j + c_2 j^2 + \dots + c_k j^k$, описывающего структуру лага.

Экспериментальным путем (с помощью построения различных регрессионных моделей и измерения тесноты корреляционной связи между результативной и лаговыми факторными переменными) выявлено, что в данном исследовании целесообразно использовать для оценки коэффициентов регрессии β_j многочлен 3-й степени (2):

$$\beta_j = c_0 + c_1 j + c_2 j^2 + c_3 j^3. \quad (2)$$

¹³ Griffiths W. E., Hill R. C., Judge G. G. Learning and Practicing Econometrics. New York : Wiley, 1993. P. 411–444.

Подставив формулу (2) в формулу (1) и преобразовав ее, используя метод группировки, получим выражение вида (3):

$$\begin{aligned} Y_{it} = & \delta + c_0 (X_{it} + X_{it-1} + X_{it-2} + X_{it-3} + X_{it-4}) + \\ & + c_1 (X_{it-1} + 2X_{it-2} + 3X_{it-3} + 4X_{it-4}) + \\ & + c_2 (X_{it-1} + 4X_{it-2} + 9X_{it-3} + 16X_{it-4}) + \\ & + c_3 (X_{it-1} + 8X_{it-2} + 27X_{it-3} + 64X_{it-4}) + \varepsilon_{it} = \\ & = \delta + c_0 \cdot Z_0 + c_1 \cdot Z_1 + c_2 \cdot Z_2 + c_3 \cdot Z_3 + \varepsilon_{it}. \end{aligned} \quad (3)$$

Здесь слагаемые в скобках при c_i ($i = 1, 2, 3$) приняты в качестве новых переменных Z_0, Z_1, Z_2 , называемых инструментальными (4):

$$\begin{aligned} Z_0 &= X_{it} + X_{it-1} + X_{it-2} + X_{it-3} + X_{it-4}, \\ Z_1 &= X_{it-1} + 2X_{it-2} + 3X_{it-3} + 4X_{it-4}, \\ Z_2 &= X_{it-1} + 4X_{it-2} + 9X_{it-3} + 16X_{it-4}, \\ Z_3 &= X_{it-1} + 8X_{it-2} + 27X_{it-3} + 64X_{it-4}. \end{aligned} \quad (4)$$

Обобщенным методом наименьших квадратов оценили параметры c_0, c_1, c_2 и построили уравнение множественной регрессии (5):

$$Y_{it} = \delta + c_0 \cdot Z_0 + c_1 \cdot Z_1 + c_2 \cdot Z_2 + \varepsilon_{it}. \quad (5)$$

Обратными преобразованиями (2) построена регрессия с распределенным лагом (1).

С помощью методов анализа временных рядов (аналитического выравнивания) построен прогноз объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Результаты исследования. Изучим динамику объемов отходов производства и потребления в 2015–2019 гг.¹⁴ (рис. 1). Согласно данным Росстата, за рассматриваемый период произошел прирост образования отходов производства и потребления на 53 %. Наибольший прирост наблюдался в 2018 г. по сравнению с 2017 г. – 16,8 %. Его причиной может быть положительная динамика промышленного производства (в 2018 г. индекс промышленного производства имел свое максимальное значение за рассматриваемый период

¹⁴ Окружающая среда [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 17.03.2021).

и составил более 3 %). В 2019 г. динамика прироста образования отходов замедлилась (6,67 %), а также был зафиксирован минимальный темп прироста утилизации отходов в 2019 г. – 1,66 %. Это связано с началом мусорной реформы, благодаря которой утилизацией отходов стали заниматься не частные и муниципальные компании, а региональный оператор. Главной проблемой финансирования такого бизнеса стала недособираемость оплаты тарифов с населения и юридических лиц. В Республике Мордовия в феврале 2020 г. в среднем доля невыплат варьируется с 20 % в г. Саранске и до 50 % в сельской местности. Таким образом, в Мордовии объем кассового разрыва составляет несколько десятков миллионов рублей и «съедает» всю прибыль регионального оператора¹⁵.

Р и с. 1. Динамика объемов отходов производства и потребления в 2015–2019 гг.

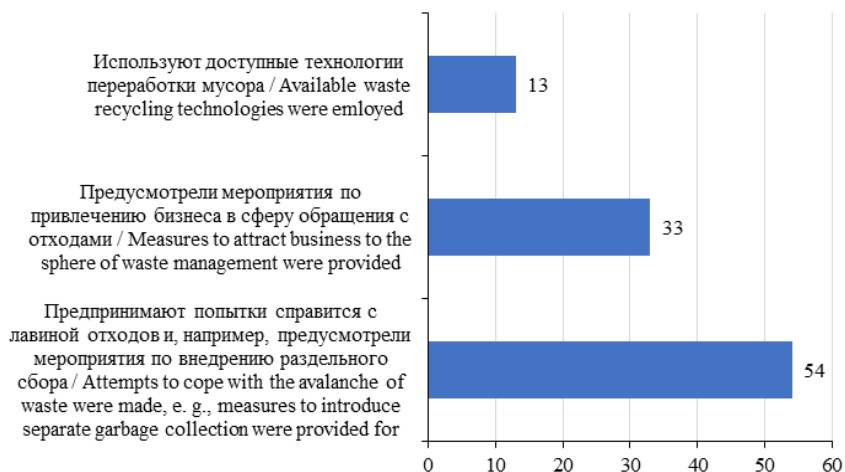
F i g. 1. Changes in the industrial and consumer waste volumes in 2015–2019

Анализ региональных программ (рис. 2) показал, что комплексная система переработки ТКО в регионах Российской Федерации пока не сформирована. Около 40 регионов предпринимают попытки в целях увеличения утилизации отходов, однако они ограничиваются раздельным сбором мусора. Счетная палата Российской Федерации отмечает, что главной проблемой является

¹⁵ Вывоз твердых коммунальных отходов. Официальный оператор по обращению с отходами Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.remondis-saransk.ru/oficialnaya-informaciya.html> (дата обращения: 17.03.2021).

нехватка денег, а именно отсутствие иных источников финансирования, кроме платежей населения¹⁶.

Р и с. 2. Анализ 67 региональных программ по утилизации в 2020 г.¹⁷, %

F i g. 2. Analysis of 67 regional recycling programs in 2020, %

Таким образом, анализ динамики отходов производства и потребления, соотношения образования, утилизации, обезвреживания и размещения отходов производства и потребления в Российской Федерации доказывает необходимость направления финансирования в переработку отходов. Ситуация, сложившаяся в регионах России, требует изменения подхода к способу обработки мусора – необходимо перейти от захоронения мусора на полигонах к технологиям ресурсосбережения, обработки, утилизации и обезвреживания отходов.

Исследование динамики инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование ресурсов (табл. 1), позволяет сделать вывод о неустойчивом его характере (годы роста сменяются снижением).

Согласно данным таблицы 1, доля инвестиций на охрану окружающей среды в общем объеме инвестиций занимает второстепенную величину – максимальное значение было зафиксировано в 2014 г. (1,15 % от общего объема), минимальное – в 2018 г. (0,9 % от общего объема).

¹⁶ Мусорный передел. Как реформируют рынок утилизации и переработки отходов [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5d66940a9a79475b4d71346e> (дата обращения: 17.03.2021).

¹⁷ Окружающая среда. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Т а б л и ц а 1. Динамика инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование ресурсов в фактически действовавших ценах, 2014–2019 гг., млрд руб.¹⁸

T a b l e 1. Dynamics of investment in fixed assets aimed at environmental protection and rational use of natural resources in then actual prices, 2014–2019, billion rubles

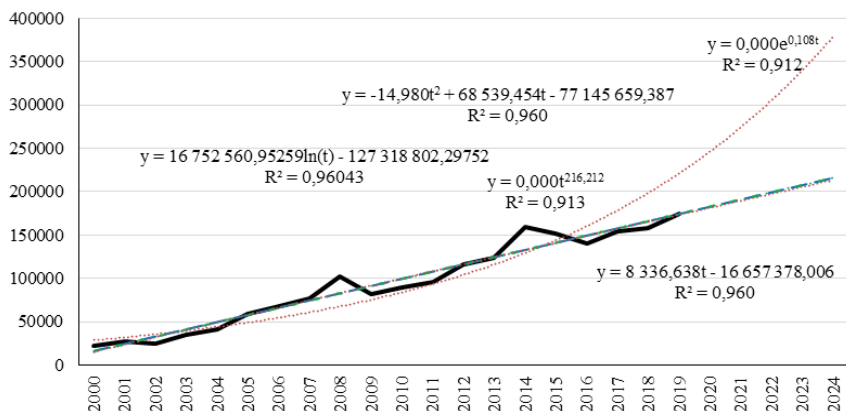
Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Инвестиции в основной капитал / Investment in fixed assets	13 902,6	13 897,2	14 748,9	16 027,3	17 595,4	19 320,0
Темпы прироста к предыдущему году, % / Growth rate compared to that in the previous year, %	–	-0,04	+6,13	+8,67	+9,78	+9,8
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование ресурсов / Investment in fixed assets aimed at environmental protection and rational use of natural resources	158,6	151,8	139,7	150,4	157,7	175,0
Темпы прироста к предыдущему году, % / Growth rate compared to that in the previous year, %	–	-4,29	-7,97	+7,66	+4,85	+10,97
Доля инвестиций на охрану окружающей среды от их общего объема, % / Share of investment aimed at environmental protection in the total volume, %	1,15	1,09	0,95	0,94	0,90	0,91
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды от вредного воздействия отходов производства и потребления / Investment in fixed assets aimed at protecting the environment from the adverse impact of industrial and consumer waste	7,68	17,95	8,40	10,90	15,20	7,70
Темпы прироста к предыдущему году, % / Growth rate compared to that in the previous year, %	–	133,72	-53,20	29,76	39,45	-49,34

¹⁸ Там же.

В 2019 г. на 10,97 % увеличились инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование ресурсов. Одной из причин роста является внедрение стандартов ответственного финансирования в деятельность компаний. Например, в 2019 г. ПАО «Норильский никель» увеличило объем инвестиций в охрану окружающей среды на 21,6 %. Основными реципиентами инвестиций, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование ресурсов, являются обрабатывающие производства и отрасль добычи полезных ископаемых [20]. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды от вредного воздействия отходов производства и потребления, после бурного роста в 2015 г. (темпы прироста 133,72 %) показали резкое снижение в 2016 г. – на 53,2 %. В отчете Счетной палаты Российской Федерации приведена точка зрения, объясняющая снижение инвестиций: Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации не обеспечивает инвесторам финансовой поддержки на создание мощностей инфраструктуры обращения с отходами¹⁹.

В исследовании построены регрессионные модели²⁰ с целью прогнозирования объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов на 2022–2024 гг. (рис. 3, табл. 2).

Р и с. 3. Динамика объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, и прогнозирование на 2022–2024 гг., млн руб.

F i g. 3. Changes in the volumes of investment in fixed assets in the Russian Federation aimed at environmental protection and rational use of natural resources, and a prognosis for 2022–2024, million rubles

¹⁹ Как бизнес в Оренбурге научился зарабатывать на раздельном сборе мусора [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5d663e599a79472d872f09ac> (дата обращения: 17.03.2021).

²⁰ Griffiths W. E., Hill R. C., Judge G. G. Learning and Practicing Econometrics. P. 411–444.

Т а б л и ц а 2. Трендовые модели (кривые роста) анализа и прогнозирования динамики объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

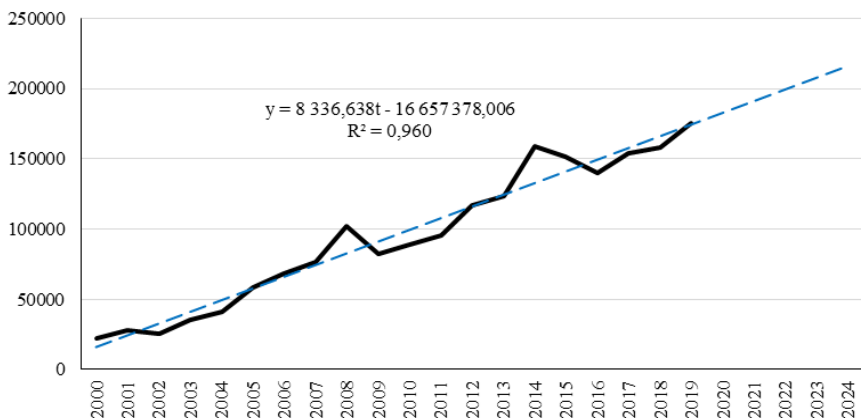
T a b l e 2. Trend models (growth curves) for analyzing and prognosticating changes in the volumes of fixed capital investment in the Russian Federation aimed at environmental protection and rational use of natural resources

Уравнение тренда (кривая роста) / Trend equation (growth curve)	Критерии качества модели / Criteria of the model quality		Прогноз, млн руб. / Prognosis, million rubles		
	Коэффициент детерминации / Coefficient of determination	Средняя ошибка аппроксимации, % / Average approximation error, %	2022 г.	2023 г.	2024 г.
$Y = 8336,63835t + 7562,04737 + \varepsilon$	0,96041	10,39	199 304,73	207 641,37	215 978,01
$Y = -14,97955t^2 + 8651,20892t +$ $+6408,62193 + \varepsilon$	0,96049	10,57	205 386,43	214 037,64	222 688,85
$Y = 25719,78432 \cdot e^{0,10756t} \cdot \varepsilon$	0,91195	16,66	305 255,75	339 920,03	378 520,71
$Y = 56151,83796 \ln t - 23764,38378 + \varepsilon$	0,82226	32,36	152 299,38	154 689,18	156 981,41
$Y = 14874,28795 \cdot t^{0,79225} \cdot \varepsilon$	0,93366	12,50	178 344,35	184 460,24	190 523,39

Анализ данных таблицы 2 позволяет сделать вывод о том, что общая тенденция объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в прогнозной перспективе наиболее точно может быть выражена линейной моделью тренда с наименьшей ошибкой аппроксимации (10,39 %) (рис. 4).

Р и с. 4. Прогнозирование объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, на 2022–2024 гг., млн руб.

Fig. 4. Prognostication of the volumes of investment in fixed assets in the Russian Federation aimed at environmental protection and rational use of natural resources for 2022–2024, million rubles

Методом Ш. Алмона построили линейную регрессию с инструментальными переменными (6):

$$Y_{it} = -25638,55 + 17,14Z_0 - 30,90Z_1 + 14,39Z_2 + \varepsilon_t, \quad F = 73,83. \quad (6)$$

(0,02)   (0,07)   (0,03)

Построенная модель (6) пригодна для исследования и прогнозирования, так как для нее скорректированный коэффициент детерминации R^2 равен 0,81, что соответствует тому, что доля вариации эндогенной переменной Y_{it} , обусловленная изменением экзогенных инструментальных переменных Z_0 , Z_1 , Z_2 , включенных в модель, составляет 81 %. Оценки параметров множественной регрессии (6) являются достоверными по критерию Стьюдента при уровне значимости $\alpha = 0,1$. Уравнение регрессии (6) надежно по критерию Фишера при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

С помощью соотношений (2) вычисляем параметры модели с распределенным лагом (1): $\beta_0 = 17,14$, $\beta_1 = 0,63$ и $\beta_2 = 12,88$.

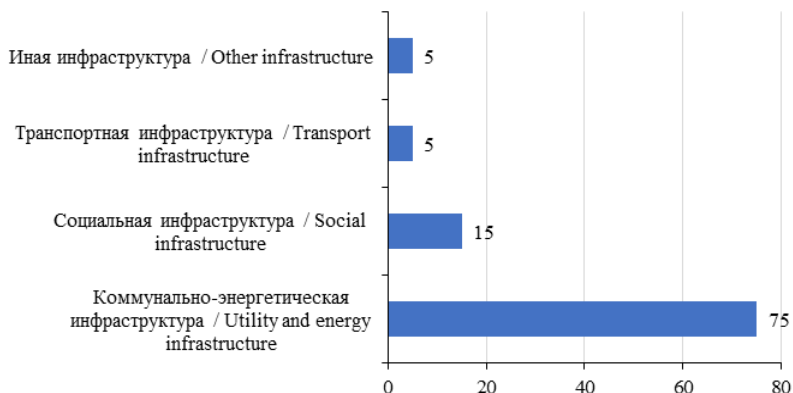
Таким образом, модель с распределенным лагом имеет вид:

$$Y_{it} = -25638,55 + 17,14 \cdot X_{it} + 0,63 \cdot X_{it-1} + 12,88 \cdot X_{it-2} + \varepsilon_{it}. \quad (7)$$

Анализ построенной модели (7) свидетельствует, что увеличение образования отходов производства и потребления на 1 млн т в текущем периоде приведет через год к увеличению объема инвестиций в основной капитал в Российской Федерации, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, на 17,80 млн руб., через 2 года – на 30,68 млн руб.

При изучении финансирования деятельности по переработке отходов обратимся к источникам финансирования «мусорной» реформы. В федеральном проекте «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» в качестве источников финансирования представлены: бюджетные инвестиции на федеральном и региональном уровнях; тарифы, уплачиваемые населением и юридическими лицами; экологический сбор, взимаемый с производителей и импортеров товаров в рамках существующей системы расширенной ответственности производителя; частные инвестиции, в том числе в различных формах совместного с государством участия в проектах. При этом более 80 % от необходимых средств для создания инфраструктуры должны обеспечить частные инвесторы. Однако сейчас государству не удастся привлечь достаточный объем средств от них. Скорее всего, это связано с тем, что государство не достаточно уделяет внимания механизму привлечения инвестиций в данную область. Инвестирование подобных проектов сопряжено с огромными рисками, сомнительной доходностью, что трудно покрыть гарантиями и соглашениями. Сейчас существует механизм государственно-частного партнерства (ГЧП), концессии. Хотя государственно-частное партнерство потенциально может снизить нагрузку на бюджет органов власти, но оно может привести к компромиссам в качестве услуг, если не будет должным образом структурировано и управляться. ГЧП поможет привлечь дополнительные средства, однако нужно совершенствовать нормативно-правовую базу, предоставлять различные льготы и преференции для инвесторов, что может создать для них привлекательные условия [20]. Таким образом, необходимо осуществлять поиск новых источников инвестиций.

Рассматривая рынок ГЧП в 2020 г. (рис. 5), важно сказать, что Российский фонд прямых инвестиций, Urbaser и еще несколько инвесторов выразили намерение вложить 2,9 млрд руб. в комплекс по сортировке и размещению отходов в Калининградской области. В 2020 г. в отрасли обращения с ТКО стартовали сразу 6 концессионных соглашений, из которых частные средства составляют 85,6 %.

Р и с. 5. Состав рынка частных инвестиции в инфраструктуру России в 2020 г., %
 Fig. 5. Composition of the market for private investment in Russian infrastructure in 2020, %

Несмотря на неэффективность государственного финансирования, интерес к субсидированию инфраструктуры обращения с отходами наблюдается у государственных корпораций («Росатом», «Ростех» и др.), коммерческих банков (ПАО «Сбербанк») и у других полугосударственных крупных корпораций («Газпром» и др.). Например, в 2020 г. «ВЭБ.РФ», «Росатом», «Ростех» заключили соглашение по финансированию строительства мусороперерабатывающих заводов. Общая стоимость проекта – 600 млрд руб. К финансированию планируется привлечь инвестиции коммерческих банков, финансовых институтов и частных инвесторов, в том числе в рамках ГЧП и «зеленых» облигаций²¹. В 2021 г. «Ростех» разработал 3 «актуализированные» финансовые модели строительства заводов, в которых описываются различные источники финансирования – с применением субсидий, «зеленых» облигаций, льготного кредитования, использования средств, направляемых в рамках реализации концепции расширенной ответственности производителя²².

В 2019 г. ПАО «Сбербанк» активно участвовал в формировании «зеленой» экономики страны. Эти проекты имели важное значение для развития банка. Среди финансируемых компанией инициатив самую высокую долю занимают проекты по охране окружающей среды и энергетике (около 27 % – в 2019 г., и около 15 % – в 2020 г.). Одним из приоритетов в данной области для банка становится кредитование проектов, связанных с утилизацией ТКО (в 2020 г. доля инвестиционных проектов в области ТКО составила

²¹ «Ростех» предложил альтернативный вариант финансирования мусорных заводов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/03/29/605c50f79a794729fde26282> (дата обращения: 17.03.2021).

²² Там же.

11 %) ²³. Доля кредитных средств банка в большинстве проектов ТКО превышает 70 % [20].

Обеспечение экологической безопасности и минимизация воздействия на окружающую среду – приоритетное направление обеспечения устойчивого развития компании «Газпром» [21] ²⁴. В 2016 г. темп прироста инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, составил 43 %, в 2017 г. – 57 %. Причина роста – реализация ряда масштабных инвестиционных программ, в том числе по модернизации основных природоохранных фондов в нефтепереработке. В 2017 г. 749,6 млн руб. было направлено на установки и полигоны по утилизации, обезвреживанию и захоронению отходов. В 2016 г. произошло резкое снижение платы за негативное воздействие на окружающую среду (на 53,93 %) из-за изменения в законодательстве, а также за счет снижения сверхнормативной платы ПАО «Газпром нефть», достигнутого за счет работы по контролю сроков накопления буровых отходов. В 2019 г. расходы компании на охрану окружающей среды снизились на 22,8 % по причине завершения ряда инвестиционных проектов ²⁵. В целом можно утверждать, что мы наблюдаем тенденцию снижения суммы платы за негативное воздействие на окружающую среду, обусловленную уменьшением попутного нефтяного газа.

Обсуждение и заключение. Исследование подтвердило, что сегодня одной из глобальных проблем, требующих незамедлительного решения, выступает «мусорная» проблема. Она заключается в недостаточности финансирования инфраструктуры для правильной переработки мусора. Решению «мусорной» проблемы может способствовать приток инвестиций в область утилизации отходов.

Актуальным вопросом является возможность привлечения частных инвестиций в сферу обращения с отходами, например, в создание объектов для обработки и утилизации ТКО с возможностью последующего обустройства на их базе экотехнопарков. Мы предлагаем следующие рекомендации, которые могут способствовать росту инвестиций в сферу обращения с отходами:

- активное использование «зеленых» облигаций;
- выход региональных операторов на фондовый рынок;
- активизацию проектного финансирования, а также новых механизмов венчурного финансирования инновационных проектов;
- внедрение инноваций на существующие мусоросжигательные заводы;
- введение системы преференций и льгот для компаний, реализующих инвестиционные проекты в сфере обращения с отходами, а также для региональных операторов.

²³ Годовая отчетность ПАО «Сбербанк» и его дочерних организаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/reports-and-publications> (дата обращения: 17.03.2021).

²⁴ Экологические отчеты ПАО «Газпром» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/nature/environmental-reports/> (дата обращения: 17.03.2021).

²⁵ Там же.

К сожалению, в России рынок «зеленых» облигаций практически не развит²⁶. Государство в целях стимулирования рынка «зеленых» облигаций должно оказывать поддержку инвесторам, например, посредством компенсирования части затрат по кредитам на внедрение инноваций по переработке мусора. Также в качестве способа стимулирования можно использовать возмещение части процентов выплачиваемого купонного дохода компаниям. Потенциальными эмитентами облигаций на ближайшее время могут быть федеральное правительство (так как в России наблюдаются проблемы в области обращения с опасными и коммунальными отходами), а также крупные корпорации (например «Газпром» и др.), занимающиеся финансированием собственных экологических инвестиционных проектов [20]. Потенциальными покупателями могут стать фонды, крупные банки, иностранные инвесторы. Скорее всего, даже в условиях пандемии COVID-19 мы сможем наблюдать рост спроса на «зеленые» облигации, потому что такие инвесторы чаще всего руководствуются соображениями ответственности, а не материальными стимулами. К сожалению, сейчас региональное операторство выглядит как низкорентабельный, низкомаржинальный бизнес с огромными кассовыми разрывами и длительным сроком окупаемости проектов. Таким образом, мусороперерабатывающим компаниям трудно привлекать средства инвесторов. Возможно, выход на фондовый рынок путем первичного размещения акций позволит привлечь в бизнес дополнительные средства.

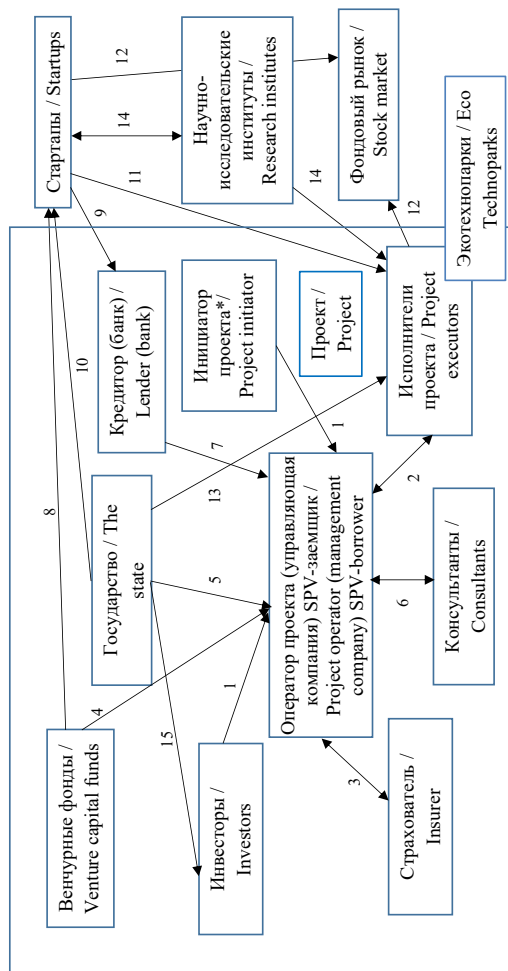
Если говорить о внедрении инноваций в сферу переработки мусора, то важно уделить внимание финансированию wastetech-стартапов венчурными компаниями. Сейчас «мусорный» рынок является одним из перспективных для внедрения новых бизнес-решений – инновации необходимо привносить в любой из этапов по переработке отходов. Компании, которые смогут реализовать такие решения, получат долгосрочное конкурентное преимущество в своей отрасли.

Таким образом, можно представить схему механизма, стимулирующего рост финансирования в сфере обращения с отходами (рис. 6).

Стоит отметить, что в современных условиях государства все чаще рассматривают векторы устойчивого развития, стратегические ориентиры в связи с пандемией COVID-19 [22]. Следовательно, возникает необходимость снижения объема затрат на строительство инфраструктуры на некоторое время. Таким образом, экономически целесообразно внедрять инновационные решения по переработке мусора на уже существующих платформах.

Практическая значимость исследования состоит в оценке влияния объема образования отходов производства и потребления на развитие регионального инвестиционного рынка с целью прогнозирования его объема и построения механизма, стимулирующего рост финансирования в сфере обращения с отходами. Полученные результаты могут быть положены в основу определения приоритетов региональной экономической политики.

²⁶ Итоговый дайджест рынка ГЧП в России [Электронный ресурс] / Росинфра. URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/357/document/d79e91bb651c6071f33a6d0d1b7bb8c3.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).

1 – Учреждение компании заемщика и вложение средств в капитал компании / Establishment of the borrower's company and investment in the company's capital; 2 – Заключение договоров, предоставление услуг, товаров / Conclusion of contracts, provision of goods and services; 3 – Страхование рисков / Risk insurance; 4 – Инвестирование средств, возможно с долевым участием / Investment, possibly with equity participation; 5 – Субсидирование / Subsidization; 6 – Договор / Contract; 7 – Проектное финансирование / Project financing; 8 – Финансирование стартапов / Funding startups; 9 – Заемное финансирование / Debt financing; 10 – Гранты / Grants; 11 – Внедрение инноваций / Introducing innovations; 12 – Выход на фондовый рынок (в том числе выпуск «зеленых» облигаций для крупных компаний) / Entering the stock market (including the issue of "green" bonds for large companies); 13 – Введение системы предпочтений и льгот для компаний, реализующих инвестиционные проекты в сфере обращения с отходами / Introduction of a system of preferences and benefits for companies implementing investment projects in the sphere of waste management; 14 – Взаимодействие / Cooperation; 15 – Создание условий для инвестирования / Creating conditions for investment.

* Инициатор может быть и исполнителем / Project initiator can also be the project executor.

Р и с. 6. Схема механизма, стимулирующего рост финансирования в сфере обращения с отходами
Fig. 6. Scheme of the mechanism to stimulate the growth of financing in the sphere of waste management

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Recent Trends in Green and Sustainable Chemistry & Waste Valorisation: Rethinking Plastics in a Circular Economy / K. Guneet [et al.] // *Journal of International Financial Markets Institutions & Money*. 2018. Vol. 9, issue 2. Pp. 30–39. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cogsc.2017.11.003>
2. Yohannes A., Brissaud D. Circular Economy Assessment Tool for End of Life Product Recovery Strategies // *Journal of Remanufacturing*. 2019. Vol. 9. Pp. 169–185. doi: <https://doi.org/10.1007/s13243-018-0064-8>
3. Varbanov P. S., Walmsley T. G. Circular Economy and Engineering Concepts for Technology and Policy Development // *Clean Technologies and Environmental Policy*. 2019. Vol. 21. Pp. 479–480. doi: <https://doi.org/10.1007/s10098-019-01683-3>
4. Бобылев С. Н., Соловьева С. В. Циркулярная экономика и ее индикаторы для России / С. Н. Бобылев, С. В. Соловьева // *Мир новой экономики*. 2020. Т. 14, № 2. С. 63–72. doi: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-63-72>
5. Папенов К. В., Никоноров С. М. Взаимосвязь между моделью циклической экономикой и национальными проектами // *Окружающая среда и энерговедение*. 2020. № 2. С. 49–66. doi: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3930484>
6. Definition and Measurement of the Circular Economy's Regional Impact / S. Scarpellini [et al.] // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2019. Vol. 62, issue 13. Pp. 2211–2237. doi: <https://doi.org/10.1080/09640568.2018.1537974>
7. De Angelis R., Howard M., Miemczyk J. Supply Chain Management and the Circular Economy: Towards the Circular Supply Chain // *Production Planning & Control*. 2018. Vol. 29, issue 6. Pp. 425–437. doi: <https://doi.org/10.1080/09537287.2018.1449244>
8. Ghinea C., Gavrilescu M. Costs Analysis of Municipal Solid Waste Management Scenarios: IASI – Romania Case Study // *Journal of Environmental Engineering and Landscape Management*. 2016. Vol. 24, issue 3. Pp. 185–199. doi: <https://doi.org/10.3846/16486897.2016.1173041>
9. Ugulu I. A Quantitative Investigation on Recycling Attitudes of Gifted/Talented Students // *Biotechnology & Biotechnological Equipment*. 2015. Vol. 29, issue sup1. Pp. 20–26. doi: <https://doi.org/10.1080/13102818.2015.1047168>
10. Sawyer M. Financialisation, Industrial Strategy and the Challenges of Climate Change and Environmental Degradation // *International Review of Applied Economics*. 2021. Vol. 35, issue 2-4. Pp. 338–354. doi: <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1836137>
11. Gu A., Zhou X. Emission Reduction Effects of the Green Energy Investment Projects of China in Belt and Road Initiative Countries // *Ecosystem Health and Sustainability*. 2020. Vol. 6, issue 1. doi: <https://doi.org/10.1080/20964129.2020.1747947>
12. Nanayakkara M., Colombage S. Do Investors in Green Bond Market Pay a Premium? Global Evidence // *Applied Economics*. 2019. Vol. 51, issue 40. Pp. 4425–4437. doi: <https://doi.org/10.1080/00036846.2019.1591611>
13. Recycling – the Importance of Understanding the Complexity of the Issue / N. Paunonen [et al.] // *International Journal of Sustainable Engineering*. 2016. Vol. 9, issue 2. Pp. 93–106. doi: <https://doi.org/10.1080/19397038.2015.1069416>
14. Does Resource Slack Promote or Constrain firm Environmental Management Investment? Moderating Roles of Technology Sources / F. Zhang [et al.] // *Total Quality Management & Business Excellence*. 2021. doi: <https://doi.org/10.1080/14783363.2021.1882843>

15. Chen Yu., Feng J. Do Corporate Green Investments Improve Environmental Performance? Evidence from the Perspective of Efficiency // *China Journal of Accounting Studies*. 2019. Vol. 7, issue 1. Pp. 62–92. doi: <https://doi.org/10.1080/21697213.2019.1625578>
16. Ganda F. Green Research and Development (R&D) Investment and its Impact on the Market Value of Firms: Evidence from South African Mining Firms // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2018. Vol. 61, issue 3. Pp. 515–534. doi: <https://doi.org/10.1080/09640568.2017.1319345>
17. Clark G. L. The Allocation of Risk and Uncertainty in Green Infrastructure Investment with Implications for Climate Change Policy // *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 2019. Vol. 9, issue 2. Pp. 116–137. doi: <https://doi.org/10.1080/20430795.2018.1558043>
18. Green Tax Incentives and Other Demand Factors Motivating Green Commercial Property Investment / I. J. Onuoha [et al.] // *Journal of Sustainable Real Estate*. 2017. Vol. 9, issue 1. Pp. 46–65. doi: <https://doi.org/10.1080/10835547.2017.12091900>
19. A Review of Studies on Green Finance of Banks, Research Gaps and Future Directions / I. Akomea-Frimpong [et al.] // *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 2021. doi: <https://doi.org/10.1080/20430795.2020.1870202>
20. Чугунов В. И., Бусалова С. Г., Горчакова Э. Р. Рынок «зеленого» финансирования в России: тенденции и перспективы // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 8-1. С. 113–123. doi: <https://doi.org/10.17513/vaael.1264>
21. Бахова Я. С. Социальная ответственность нефтегазодобывающих компаний как фактор обеспечения устойчивого развития регионов их присутствия // *Вестник Академии знаний*. 2019. № 4 (33). С. 42–48. URL: <http://academiyadt.ru/zhurnal-vestnik-akademii-znaniy-vaz-33-4-iyul-avgust-2019-2/> (дата обращения: 21.03.2021).
22. Салимова Т. А., Бирюкова Л. И. Трансформация стратегий устойчивого развития бизнеса в условиях пандемии COVID-19 // *Стандарты и качество*. 2021. № 3. С. 64–70. URL: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=197000> (дата обращения: 21.03.2021).

Поступила 11.06.2021; одобрена после рецензирования 27.07.2021; принята к публикации 09.08.2021.

Об авторах:

Иванова Ирина Анатольевна, доцент кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1113-0858>, ivia16@mail.ru

Бусалова Светлана Геннадьевна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5919-8400>, sbusalova@yandex.ru

Горчакова Эльмира Рафаэлевна, магистрант Университета ИТМО (197101, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1862-6015>, misselmi058@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

И. А. Иванова – постановка научной проблемы исследования; критический анализ и определение методологии исследования.

С. Г. Бусалова – формулирование результатов исследования и выводов; критический анализ и доработка текста.

Э. Р. Горчакова – сбор, систематизация и структурирование аналитической информации; разработка практических рекомендаций.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Guneet K., Uisan K., Lun Ong K., Sze Ki Lin C. Recent Trends in Green and Sustainable Chemistry & Waste Valorisation: Rethinking Plastics in a Circular Economy. *Journal of International Financial Markets Institutions & Money*. 2018; 9(2):30-39. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.cogsc.2017.11.003>
2. Yohannes A., Brissaud D. Circular Economy Assessment Tool for End of Life Product Recovery Strategies. *Journal of Remanufacturing*. 2019; 9:169-185. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s13243-018-0064-8>
3. Varbanov P.S., Walmsley T.G. Circular Economy and Engineering Concepts for Technology and Policy Development. *Clean Technologies and Environmental Policy*. 2019; 21:479-480. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s10098-019-01683-3>
4. Bobylev S.N., Solovyeva S.V. Circular Economy and Its Indicators for Russia. *Mir novoj ehkonomiki* = World of New Economy. 2020; 14(2):63-72. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-63-72>
5. Papenov K.V., Nikonorov S.M. The Relationship between the Cyclical Economy Model and National Projects. *Okruzhayushaya sreda i ehnergovedenie* = Journal of Environmental and Energy Study. 2020; (2):49-66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3930484>
6. Scarpellini S., Portillo-Tarragona P., Aranda-Usón A., Llana-Macarulla L. Definition and Measurement of the Circular Economy's Regional Impact. *Journal of Environmental Planning and Management*. 2019; 62(13):2211-2237. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/09640568.2018.1537974>
7. De Angelis R., Howard M., Miemczyk J. Supply Chain Management and the Circular Economy: Towards the Circular Supply Chain. *Production Planning & Control*. 2018; 29(6):425-437. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/09537287.2018.1449244>
8. Ghinea C., Gavrilescu M. Costs Analysis of Municipal Solid Waste Management Scenarios: IASI – Romania Case Study. *Journal of Environmental Engineering and Landscape Management*. 2016. 24(3):185-199. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3846/16486897.2016.1173041>
9. Ugulu I. A Quantitative Investigation on Recycling Attitudes of Gifted/Talented Students. *Biotechnology & Biotechnological Equipment*. 2015; 29(1):20-26. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/13102818.2015.1047168>
10. Sawyer M. Financialisation, Industrial Strategy and the Challenges of Climate Change and Environmental Degradation. *International Review of Applied Economics*. 2021; 35(2-4):338-354. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1836137>

11. Gu A., Zhou X. Emission Reduction Effects of the Green Energy Investment Projects of China in Belt and Road Initiative Countries. *Ecosystem Health and Sustainability*. 2020; 6(1). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/20964129.2020.1747947>
12. Nanayakkara M., Colombage S. Do Investors in Green Bond Market Pay a Premium? Global Evidence. *Applied Economics*. 2019; 51(40):4425-4437. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00036846.2019.1591611>
13. Pajunen N., Rintala L., Aromaa J., Heiskanen K. Recycling – the Importance of Understanding the Complexity of the Issue. *International Journal of Sustainable Engineering*. 2016; 9(2):93-106. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/19397038.2015.1069416>
14. Zhang F., Chen J., Zhu L., Liu L. Does Resource Slack Promote or Constrain firm Environmental Management Investment? Moderating Roles of Technology Sources. *Total Quality Management & Business Excellence*. 2021. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/14783363.2021.1882843>
15. Chen Yu., Feng J. Do Corporate Green Investments Improve Environmental Performance? Evidence from the Perspective of Efficiency. *China Journal of Accounting Studies*. 2019; 7(1):62-92. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/21697213.2019.1625578>
16. Ganda F. Green Research and Development (R&D) Investment and its Impact on the Market Value of Firms: Evidence from South African Mining Firms. *Journal of Environmental Planning and Management*. 2018; 61(3):515-534. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/09640568.2017.1319345>
17. Clark G.L. The Allocation of Risk and Uncertainty in Green Infrastructure Investment with Implications for Climate Change Policy. *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 2019; 9(2):116-137. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/20430795.2018.1558043>
18. Onuoha I.J., Kamarudin N., Aliagha G.U., Kalu I.U., Onyike J.A., Okeahialam S.A., Okoronkwo Ndu S.N., Chika S.-O., Alaka I.N. Green Tax Incentives and Other Demand Factors Motivating Green Commercial Property Investment. *Journal of Sustainable Real Estate*. 2017; 9(1):46-65. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/10835547.2017.12091900>
19. Akomea-Frimpong I., Adeabah D., Ofosu D., Junior Tenakwah E. A Review of Studies on Green Finance of Banks, Research Gaps and Future Directions. *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 2021. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/20430795.2020.1870202>
20. Chugunov V.I., Busalova S.G., Gorchakova E.R. The Market of “Green” Finance in Russia: Trends and Perspective. *Vestnik Altajskoj akademii ehkonomiki i prava* = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020; (8-1):113-123. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17513/vael.1264>
21. Bakhova Ya.S. Social Responsibility of Oil and Gas Companies as a Support Factor Sustainable Development of the Regions of Their Presence. *Vestnik Akademii znanij* = Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019; (4):42-48. Available at: <http://academiyadt.ru/zhurnal-vestnik-akademii-znanij-vaz-33-4-iyul-avgust-2019-2/> (accessed 21.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Salimova T.A., Biryukova L.I. Transforming the Strategies of Sustainable Business Development amid the COVID-19 Pandemic. *Standarty i kachestvo* = Standards and Quality. 2021; (3):64-70. Available at: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=197000> (accessed 21.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 11.06.2021; approved after reviewing 27.07.2021; accepted for publication 09.08.2021.

About the authors:

Irina A. Ivanova, Associate Professor, Department of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1113-0858>, ivia16@mail.ru

Svetlana G. Busalova, Associate Professor, Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5919-8400>, sbusalova@yandex.ru

Elmira R. Gorchakova, Postgraduate, ITMO University (49 Kronverksky Ave., St. Petersburg 197101, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1862-6015>, misselmi058@gmail.com

Contribution of the authors:

I. A. Ivanova – statement of the research problem; critical analysis and choice of research methodology.

S. G. Busalova – evaluation of the results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text.

E. R. Gorchakova – collection, systematization and structuring of analytical information; production of practical recommendations.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

География туристских потоков Республики Мордовия

М. А. Жулина

В. М. Кицис*

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева (г. Саранск, Российская Федерация),*

* vkitsis@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы обусловливается необходимостью изучения туристских потоков с точки зрения географии поездок туристов для анализа и сопоставления направлений потоков. Проблема заключается в том, что органы управления туризмом в регионе и туристские организации не всегда уделяют должное внимание географии турпотока, ее оптимизации с точки зрения интересов самого региона. В то же время выявленные тенденции могут быть использованы для совершенствования и повышения эффективности туристской индустрии региона, для принятия управленческих решений в сфере туризма. Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования охарактеризовать направления поездок туристов Мордовии, определить тенденции и предложить меры по решению возникающих проблем.

Материалы и методы. Проанализированы материалы о развитии туризма в Республике Мордовия, опубликованные Мордовиястатом за период с 2010 по 2019 г.; также использовались данные сервиса «Цифровой туризм» компании «Мегафон». Применялись методы математической статистики, с помощью которых рассчитывались относительные и абсолютные показатели географии туристского потока республики в динамике за десятилетний период. Для определения географии регионального туристского потока использовались методы анализа и обобщений, позволившие выделить особенности внутреннего и внешнего туристских потоков жителей Мордовии.

Результаты исследования. Проведен анализ динамики и размещения въездного и выездного туризма, рассмотрены объемы туристского потока, изучены особенности географии туристских потоков, показаны проблемы, препятствующие более эффектив-

© Жулина М. А., Кицис В. М., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ному развитию туризма в республике. Предложены мероприятия, направленные на повышение эффективности туристской деятельности в регионе.

Обсуждение и заключение. Исследование позволило выявить основные тенденции в географии туристских потоков жителей Мордовии, определить причины и особенности происходящих трансформаций. Результаты исследования могут способствовать разработке эффективной программы по развитию туризма в республике, принятию продуктивных управленческих решений в сфере туризма в регионе, оптимизации географии туристских потоков.

Ключевые слова: туристский поток, въездной туризм, выездной туризм, внутренний туризм, география, регион

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жулина М. А., Китсис В. М. География туристских потоков Республики Мордовия // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 866–885. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.866-885>

Original article

Geography of Tourist Flows in the Republic of Mordovia

M. A. Zhulina, V. M. Kitsis*

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),

* vkitsis@mail.ru

Abstract

Introduction. The topic is of relevance due to the need to study tourist flows in terms of the geography of tourist trips in order to analyze and compare the directions of the flows. The problem is that the authorities responsible for tourism management in the region and tourism organizations do not always pay due attention to the geography of the tourist flow and to its optimization in terms of the interests of the region itself. At the same time, the identified trends can be taken into consideration in order to improve and increase the efficiency of the tourism industry in the region and when making managerial decisions in the tourism sector. Based on the results of the study conducted, the article characterizes the travel destinations of Mordovian tourists, reveals trends, and proposes measures to solve the identified problems.

Materials and Methods. The materials on the development of tourism in the Republic of Mordovia published by the Territorial Body of the State Statistics Service in the Republic of Mordovia for the period from 2010 to 2019 were analyzed; data from the Digital Tourism service run by MegaFon mobile phone operator were also examined. The methods of mathematical statistics employed made it possible to calculate the changes in the relative and absolute indicators of the geography of the tourist flow in the republic over a ten-year period. To identify the geography of the regional tourist flow, the methods of analysis and generalization were used, which made it possible to identify the features of the internal and external tourist flows of people living in Mordovia.

Results. An analysis of the dynamics and placement of inbound and outbound tourism has been carried out; the volume of the tourist flow has been considered; the features of the geography of the tourist flows have been considered; the problems that hinder the more effective development of tourism in the republic have been revealed. The measures aimed at improving the efficiency of tourism activities in the region have been proposed.

Discussion and Conclusion. The study made it possible to identify the main trends in the geography of the tourist flows of residents of Mordovia, as well as the causes and features of the ongoing transformations. The results of the study can contribute to the elaboration of an effective program for the development of tourism in the republic, to the adoption of productive managerial decisions in the field of tourism in the region, and to optimization of the geography of the tourist flows.

Keywords: tourist flow, inbound tourism, outbound tourism, domestic tourism, geography, region

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Zhulina M.A., Kitsis V.M. Geography of Tourist Flows in the Republic of Mordovia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):866-885. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.866-885>

Введение. При анализе особенностей воздействия туристской деятельности на развитие территории (района, региона, страны и т. д.) учитывается большое количество показателей, среди которых важное место занимает величина туристского потока и его географическая структура. Данные динамики величины и географии туристского потока содействуют определению регионов и стран, являющихся основными поставщиками или потребителями туристов, а также лидеров по объему и темпам прироста въезда (выезда). Соотношение между количеством поездок за пределы региона, количеством поездок внутри региона и числом прибывших в регион в положительной или отрицательной мере влияет на туристский баланс. Чем больше прибывает туристов в регион, тем больше поступает в него средств, которые можно направить на решение разного рода задач, в том числе в сфере туризма. И наоборот, чем больше туристов выезжает из региона, тем больше средств они вывозят за его пределы. Жители региона, совершая поездки внутри своего региона, не оказывают влияние на его платежный баланс, так как в этом случае происходит перераспределение средств внутри региона между муниципальными образованиями.

Изучение географии туристских потоков актуально не только с позиции экономических интересов региона, но и с точки зрения определения условий и особенностей развития в регионе туристской инфраструктуры, наличия объектов туристского интереса, проведения зрелищно-развлекательных и иных мероприятий и пр. В связи с этим важной научно-практической проблемой является изучение объемов и географии туристских потоков в регионе. Геопространственный анализ туристских потоков необходимо рассматривать как положительный катализатор в развитии регионов и стран. На основе полученной информации региональными органами управления и туристскими организациями разрабатываются программы по увеличению въезда туристов из-за границы, из других субъектов страны, формируются новые туристские продукты, проводятся событийные мероприятия и т. д., что в конечном итоге способствует активизации туристской деятельности в регионе.

При исследовании туристских потоков важно решить две проблемы: изучить направления туристских поездок и оценить величину туристского потока. В последние годы в отечественной научной литературе появились работы, рассматривающие данные вопросы. Среди них выделим статью А. Ю. Александровой [1] и монографию Д. В. Максимова¹. В Мордовии подобного рода исследования практически не проводились, поэтому наша статья является первым шагом в изучении данной темы. Изучение географии туристских потоков – начальный этап в исследовании поездок жителей региона с туристскими целями. Вторым этапом должна стать оценка величины туристских потоков, поскольку не все туристы, приезжающие в регион или выезжающие из него, декларируют свои цели, а поэтому не учитываются официальной статистикой.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования проанализировать географию туристского потока Республики Мордовия и предложить рекомендации по ее совершенствованию. Объектом исследования выступает туристский поток, а предметом – туристский поток Республики Мордовия.

Обзор литературы. Работ, посвященных изучению туристских потоков, достаточно много как в отечественной, так и зарубежной литературе. Спектр направлений исследований широк, однако, по нашему мнению, можно выделить следующие из них:

- методы диагностики и оценки величины туристских потоков;
- моделирование процессов формирования и развития туристских потоков;
- факторы влияния и особенности формирования туристских потоков;
- особенности статистики и географии туристских потоков.

По проблеме применения методов диагностики и оценки величины туристских потоков в литературе нет единого мнения. Разнообразие подходов вызвано не только целями и задачами, которые выдвигаются исследователями, но и масштабами изучаемой территории. Выделим основные различия в подходах:

- масштаб изучаемой территории колеблется от страны [2–4] до региона² [5] и отдельных городов и зон отдыха³ [6];
- методов оценки турпотоков на международном уровне [7], на уровне страны⁴ [8], региона [9], территории города [10].

Изучение моделирования процессов формирования и развития туристских потоков также проводится на различных уровнях: международном [11],

¹ Максимов Д. В. Методы малозатратной оценки величины туристского потока : моногр. Краснодар : КубГУ, 2005. 193 с.

² Там же.

³ Huettermann M., Thimm T., Hannich F. Directing Tourist Flow – an Analysis of (Visitor) Flows and Implications for an Application [Электронный ресурс] // TTRA 2019 – European Chapter At: Bournemouth University, UK. 2019. URL: <https://clck.ru/YCzeG> (дата обращения: 07.03.2021).

⁴ Ковалевич О. А., Власюк Ю. А. Методы изучения и оценки туристских потоков // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства : материалы II междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2016. С. 267–269.

в рамках государства⁵ [12; 13] или экологической зоны регионального уровня [14].

Ряд работ отечественных и зарубежных исследователей посвящен изучению факторов влияния и особенностей формирования туристских потоков [15; 16]. Так, М. С. Оборин и А. А. Сарян в своих статьях рассматривают вопросы особенностей динамики туристских потоков в России и их сегментации. Особенности туристских потоков связаны с макроэкономическими и геополитическими факторами. Авторы отмечают, что внутренний туризм обладает достаточным потенциалом для решения проблем конкретных территорий и может служить фактором роста региональных социально-экономических показателей субъектов страны. На основе анализа динамики туристских потоков в 2016 г. в 36 субъектах Российской Федерации (размер потоков в 1 млн и более туристов) ими проведена группировка этих субъектов по размеру регионального туристского потока (без учета городов федерального значения). Кроме того, ученые предлагают рассматривать особенности сегментации туристского потока как направления совершенствования предложения услуг на региональном уровне [15; 17].

Особенности статистики и географии туристских потоков раскрываются на уровне страны [1; 4; 18] и на уровне региона⁶ [19–22]. И. М. Калабкина и В. М. Кицис посвятили свою статью изучению динамики и региональной структуре въездного и выездного российского туризма, выделив факторы, влияющие на географическую структуру и динамику туристских потоков⁷. А. В. Булавин и Г. М. Щукин дают анализ основных показателей развития туристской индустрии Республики Мордовия, на основе которого раскрывают основные тенденции в сфере республиканского туризма и факторы, влияющие на развитие отрасли [19]. С. Г. Нездойминов изучает проблему повышения конкурентоспособности туристского региона на базе характеристики динамики туристского потока в Одесском регионе. Автор раскрывает также актуальные проблемы управления развитием туризма и гостеприимства в регионе [20].

Сравнивая работы отечественных и зарубежных ученых по различным направлениям изучения туристских потоков, можно сделать вывод, что

⁵ Vuletich Sh., Becken S. The Tourism Flows Model. Summary Document. 2007. 35 p.

⁶ Кицис В. М. География выездного туризма Республики Мордовия // Роль и значение науки в вузе и ее влияние на образовательный процесс : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Саранск, 30 окт. 2015 г.) / [редкол.: Б.Ф. Кевбрин (отв. ред.) и др.]; Саран. кооп. ин-т РУК. Саранск : ЮрЭксПрактик, 2015. С. 214–217; Fulla Carrera C., Izquierdo Valverde M., Velasco Gimeno M. Calibration as a Tool to Enhance Coherence at Regional Level in Tourism Statistics [Электронный ресурс] // 15th Global Forum on Tourism Statistics. 2018. URL: http://www.15th-tourism-stats-forum.com/pdf/Papers/S1/1_1_Calibration_as_a_tool_to_en-hance_coherence_in_tourism_statistics_at_regional_level.pdf (дата обращения: 07.03.2021).

⁷ Калабкина И. М., Кицис В. М. Динамика и региональная структура въездного и выездного российского туризма // Туризм и региональное развитие : сб. ст. Смоленск : Смол. гуманитар. ун-т, 2014. С. 111–117.

масштаб исследуемой территории, колеблющийся от муниципального уровня до национального и международного, не зависит от страны проживания исследователя. Вместе с тем за рубежом проводится больше исследований, посвященных изучению туристских потоков на локальном и муниципальном уровнях. Методы оценки величины туристского потока, его моделирование зависят лишь от цели и задач, стоящих перед ученым.

Многие отечественные⁸ [1] и зарубежные исследователи⁹ обращают внимание на невозможность получения достоверных и необходимых по объему статистических данных по направлению и величине туристских потоков. Однако надо констатировать, что понимание сущности туристических потоков является одним из фундаментальных направлений исследований географии туризма и ключевым вопросом эффективного управления и развития туристской дестинации. Вместе с тем до сих пор в немногих исследованиях анализируется туристическое движение в национальном масштабе. Это связано с дефицитом пространственно точных данных, которые могут быть использованы для регистрации внутринациональных перемещений туристов. Поэтому необходимо, по нашему мнению, изучение географии туристских потоков. Результаты исследований могут использоваться для обоснования эффективности программ по развитию туризма в регионах, планированию мероприятий государственной и региональной политики, расчету социально-экономического эффекта от увеличения туристских потоков, а также осуществления работ по проектированию и развитию транспортной, социальной и коммунальной инфраструктуры.

Материалы и методы. Теоретической базой исследования географии туристских потоков Республики Мордовия послужили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные динамике, географии и методике изучения туристских потоков.

Информационной основой данного исследования стали источники вторичной информации, т. е. опубликованные материалы государственной статистики Республики Мордовия за период с 2010 по 2019 г. Эти данные широко использовались при выявлении особенностей географии как международных (въездных и выездных), так и внутренних туристских потоков.

Заметный вклад в фактологические сведения исследования внесли данные отелей Radisson и Mercure, полученные с помощью сервиса «Цифровой туризм». Компания «Мегафон» разработала продукт «Цифровой туризм», позволяющий оценить объем туристских потоков в городах и составить портрет туристов, которых можно привлекать в регионы для повышения их доходов от туристской отрасли. Это, по сути, инструмент анализа статистики посещений иностранными и российскими туристами регионов России. На основе

⁸ Максимов Д. В. Методы малозатратной оценки величины туристского потока.

⁹ Fulla Carrera C., Izquierdo Valverde M., Velasco Gimeno M. Calibration as a Tool to Enhance Coherence at Regional Level in Tourism Statistics.

обезличенных данных сервис определяет, откуда приехали гости, как долго находились в городе, где останавливались, какие места посетили. Интерфейс решения позволяет увидеть структуру туристского потока и основные места пребывания, понять, какие достопримечательности являются основными, а какие лишь дополняют маршрут. Полученные данные помогут региону сформировать туристские продукты, исходя из потребностей приезжающих в него туристов.

На основе анализа статистического материала авторы статьи показали особенности географии внутреннего (регионального и национального) и международного (въездного и выездного) туристского потока жителей Республики Мордовия. Проведенный анализ позволил осуществить обобщение полученного материала и сделать выводы о причинах и последствиях сложившейся географии туристского потока жителей региона, предложить некоторые пути решения назревших вопросов.

Результаты исследования. В географии туристских потоков Республики Мордовия в последние годы происходят заметные изменения, которые по своей направленности совпадают с географией туристских потоков страны. Если в период с 2010 по 2014 г. наблюдался высокий ежегодный устойчивый рост выездного туризма [14, с. 113], то после 2014 г. его темпы значительно снизились. Таким образом, основная тенденция за период с 2010 по 2019 г. заключается в том, что произошел переворот от международного выездного туризма к внутреннему.

Аналогичная ситуация происходит и в географии туристских потоков Республики Мордовия. Так, если в 2010 г. на долю выездного зарубежного туристского потока жителей республики приходилось 76,7 %, то в 2019 г. – 47,3 %, при этом число туристов, выехавших в другие страны за рассматриваемый период, выросло с 13 753 чел. до 16 029 чел., т. е. на 16,5 %. Если в 2010 г. по территории Республики Мордовия поездки совершили 1 402 ее жителя, а в другие регионы России – 2 771 чел.¹⁰, то в 2019 г. соответственно 10 740 чел. (за 10 лет поток увеличился в 7,7 раза) и 7 115 чел. (поток вырос в 2,6 раза)¹¹.

Таким образом, если ранее жители республики стремились выезжать в другие страны вместо поездок по родной стране и отдыха в своем регионе, то в настоящее время ситуация изменилась в другую сторону.

Рассмотрим географию зарубежного выездного туристского потока. С 2010 по 2019 г. основным туристским направлением¹² для жителей республики, совершающих поездки с туристскими целями, был Европейский макрорегион. Однако за десятилетие его значение, как и роль других туристских

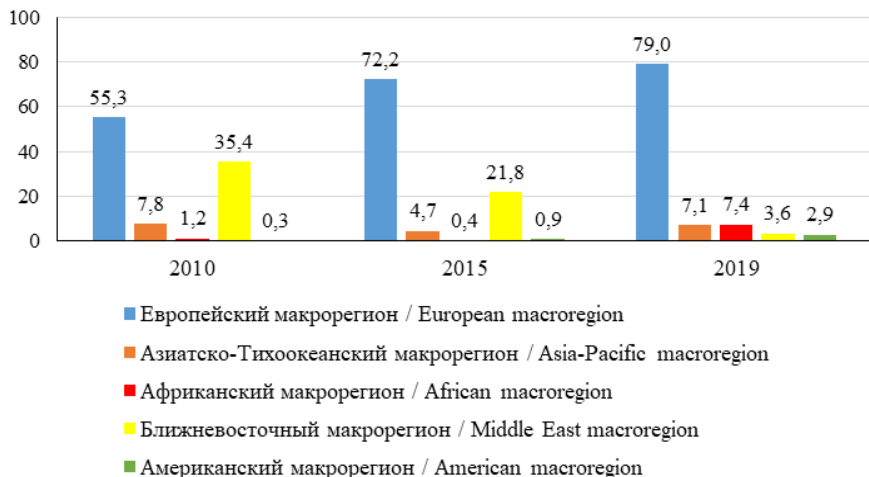
¹⁰ Деятельность туристских фирм в Республике Мордовия. 2010 : Стат. бюл. Саранск : Мордовиястат, 2011. С. 5, 10.

¹¹ Туризм в Республике Мордовия. 2019 : Стат. бюл. Саранск : Мордовиястат, 2020. С. 6, 8.

¹² Всемирная туристская организация – ЮНВТО – осуществляет сбор и публикацию статистических данных по 5 туристским макрорегионам.

макрорегионов, менялось (рис. 1). Как видим из рисунка 1, роль Европейского макрорегиона постоянно возрастала и в 2019 г. на него приходилось почти 4/5 всех жителей республики, совершавших поездки в зарубежные страны. За указанный период в 6,2 раза выросли поездки в страны Африканского макрорегиона, тогда как в страны Ближнего Востока – сократились почти в 10 раз. Роль Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона в течение этого периода меняется незначительно, тогда как доля Американского макрорегиона выросла почти в 10 раз.

Р и с. 1. Удельный вес туристских макрорегионов в количестве выездного туристского потока жителей Республики Мордовия, %

F i g. 1. Share of tourist macroregions in the outbound tourist flow of residents of the Republic of Mordovia, %

Причин, вызвавших данную географию республиканского зарубежного туристского потока, на наш взгляд, несколько:

- резкое падение курса отечественной валюты в 2014–2015 гг. привело к удорожанию поездок за границу, особенно на дальние расстояния;
- приостановление поездок российских граждан в Египет и Турцию после трагических событий в 2015 г.;
- рост террористических актов и угроз в ряде стран.

Указанные причины обусловили и географию поездок туристов из Мордовии по отдельным странам. До 2014 г. безусловным лидером среди государств, куда совершали поездки жители республики, оставался Египет, доля которого колебалась от 30,9 % общего объема выездного потока в 2010 г. до 30,1 % в 2014 г. На втором месте была Турция с показателями 24,6 % в 2010 г.

и 27,0 % в 2014 г. Эти страны доминировали в своих туристских макрорегионах. Так, на долю Египта приходилось 87,4 % поездок в страны Ближневосточного туристского макрорегиона в 2010 г. и 90,3 % – в 2014 г., а на долю Турции в 2010 г. пришлось 44,6 % выездов в Европейский туристский макрорегион и 47,0 % от общего объема турпотока – в 2014 г.

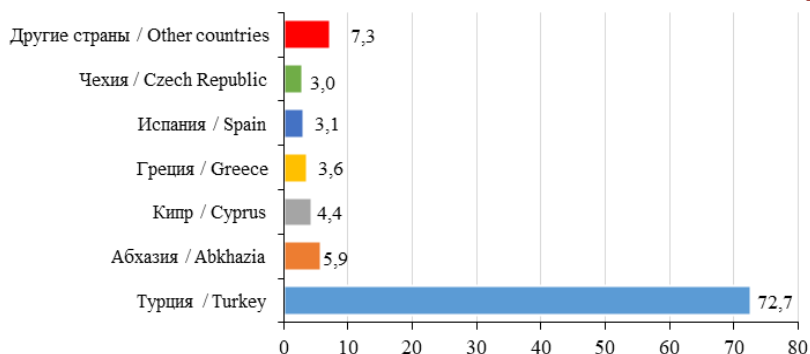
После трагических событий с российскими самолетами осенью 2015 г. в Египте и Турции авиасообщение с этими странами было приостановлено и российским туристам было не рекомендовано посещать их. В результате число жителей Мордовии, совершивших поездки в Египет, до сих пор не восстановилось (в 2019 г. эту страну посетили всего 40 чел.), а количество выехавших в Турцию в 2015–2016 гг. заметно упало (до 944 чел. в 2016 г., т. е. произошло снижение за 2 года почти в 6,3 раза). Разрешение конфликта между странами привело к тому, что в последующие годы Турция стала основным реципиентом туристов из Мордовии – на ее долю в 2019 г. пришлось 72,7 % всего выездного зарубежного туристского потока жителей республики.

Кризис, охвативший экономику России в 2014–2016 гг., привел к сокращению поездок отечественных туристов в зарубежные страны. Эта тенденция коснулась и жителей республики. Однако уже в 2016 г. число поездок за границу выросло по сравнению с 2015 г. на 19,5 %, хотя по отношению к показателю 2014 г. число выехавших туристов составило всего 46,3 %.

В период с 2016 по 2019 г. можно отметить устойчивый рост поездок жителей Мордовии в следующие европейские страны: Абхазию (+28,9 %), Беларусь (в 130 раз) и Турцию (в 9,8 раза). В то же время стремительно сокращается количество поездок в ранее популярные Болгарию (-97,4 %), Венгрию (-98,9), Грецию (-62,6), Испанию (-43,1), Кипр (-46,4 %). Мотивы падения спроса по этим направлениям имеют свою специфику, однако существует и общая причина для стран, входящих в Европейский союз, – санкции против России.

Из 35 стран Европейского туристского макрорегиона, куда в течение 2016–2019 гг. выезжали жители Мордовии, по размерам туристского потока можно выделить только 6 государств – Абхазию, Грецию, Испанию, Кипр, Турцию и Чехию. Суммарный удельный вес этих стран постоянно растет: в 2010 г. он составлял 67,1 %, в 2016 г. – 79,1 %, в 2019 г. – 92,7 %. Увеличение доли этих стран происходит за счет роста удельного веса Турции. Так, в 2016 г. на долю Греции приходилось 20,0 % общего потока республиканских туристов в этот макрорегион, на долю Кипра – 17,0 %, Турции – 15,5, Испании – 11,5, Абхазии – 9,5, Чехии – 5,6 %.

Распределение удельного веса между странами Европейского макрорегиона числа поездок жителей республики в 2019 г. показано на рисунке 2.

Р и с. 2. Удельный вес числа поездок туристов в отдельные страны Европейского макрорегиона в 2019 г., %

F i g. 2. Share of the number of tourist trips to individual countries of the European macroregion in 2019, %

Из 35 европейских стран, в которых в течение всего рассматриваемого периода побывали жители республики, в 2019 г. 4 страны вообще не посещались, хотя поездки в прошлые годы туда осуществлялись; еще в 17 странах число туристов не превышало 10 чел.

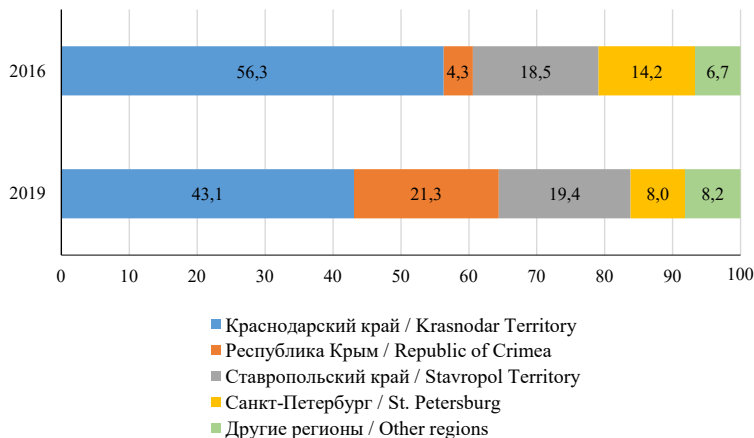
Аналогичная картина в географии турпотока жителей республики наблюдается и в других туристских макрорегионах. Так, лидером в Азиатско-Тихоокеанском макрорегионе является Таиланд, на долю которого в 2019 г. приходилось 73,1 % всех туристских поездок жителей Мордовии в этот регион; в Американском макрорегионе первую строчку занимает Доминиканская Республика с результатом 65,7 %; в Ближневосточном макрорегионе жители республики отдают предпочтение Объединенным Арабским Эмиратам, удельный вес которых в 2019 г. достиг 84,3 %; в Африканском макрорегионе практически единственным реципиентом является Тунис, в который совершено 99,7 % поездок жителей нашего региона в африканские страны.

В географии выездного внутреннего туризма за рассматриваемый период времени также произошли серьезные изменения. В 2010 г. 4 173 чел. (или 23,3 % об общего количества туристов Мордовии) совершили поездки по территории Российской Федерации, из них 2 771 чел. (66,4 % общего объема внутреннего турпотока) выехали за пределы республики. Среди регионов России самыми посещаемыми в 2010 г. стали Краснодарский край (42,7 %), г. Санкт-Петербург (11,3), Кабардино-Балкарская Республика (5,3) и Ульяновская область (3,2 %) ¹³. В 2015 г. среди регионов России лидерами по количеству принятых туристов из Мордовии были Краснодарский и Ставропольский края, а также Республика

¹³ Деятельность туристских фирм в Республике Мордовия. 2010 : Стат. бюл. Саранск : Мордовиястат, 2011. С. 5.

Крым, вошедшая в состав России в марте 2014 г. В 2019 г. за пределы республики с целью совершения поездок по России выехали 7 115 чел. Основными реципиентами туристов из Мордовии стали, как и в 2015 г., Краснодарский и Ставропольский края и Республика Крым, а также г. Санкт-Петербург, суммарная доля которых составила 91,8 %.

Распределение выездного внутреннего потока туристов по регионам России показано на рисунке 3. Как видим, за период 2016–2019 гг. Краснодарский край остается главным направлением для туристов из Мордовии, однако его удельный вес в общем объеме выездного внутреннего туристского потока заметно сократился (на 13,2 %). В то же время почти в 5 раз увеличилась доля Крыма, который вышел на второе место благодаря комплексу мероприятий, проводимых органами местной и федеральной власти, по развитию туризма в этом регионе, а также благоприятным условиям для отдыха, сопоставимым с Краснодарским краем. Несколько вырос за указанный период удельный вес Ставропольского края. Южные регионы страны притягивают туристов не столько комфортными условиями проживания и высоким качеством оказываемых услуг, сколько возможностью отдыха на море, оздоровления минеральными водами и бальнеологическими ресурсами этих районов.

Р и с. 3. Удельный вес регионов России в общем объеме туристского потока жителей Мордовии, %

F i g. 3. Share of Russia's regions in the total volume of the tourist flow of residents of Mordovia, %

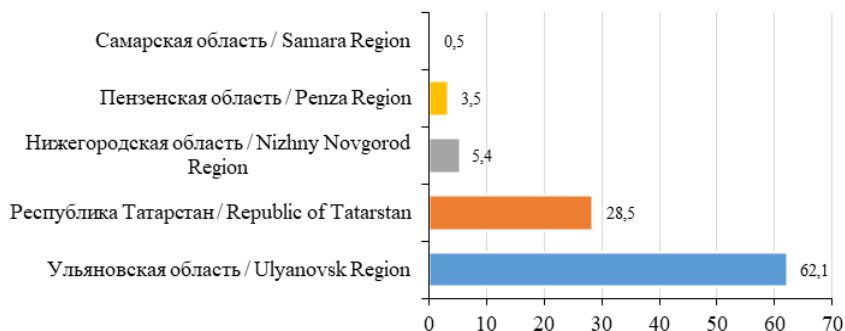
Роль Санкт-Петербурга за рассматриваемый период снизилась на 6,2 %. Следует отметить тот факт, что количество туристов, посетивших Москву в 2019 г., было в 9,8 раза меньше, чем посетивших северную столицу.

Обращает на себя внимание география поездок туристов из Мордовии по субъектам Приволжского федерального округа (ПФО). В течение четырех лет (с 2016 по 2019 г.) в Марий Эл, Удмуртию, Пермский край и Кировскую область из республики не выехало ни одного человека; в 2019 г. не было поездок в Башкортостан, Чувашию, Оренбургскую и Саратовскую области.

Всего в субъекты ПФО в 2019 г. из Мордовии выехали 424 чел. Согласно рисунку 4, в 2019 г. жители Мордовии с туристскими целями посещали только 5 субъектов ПФО из 14 (вместе с Республикой Мордовия). При этом основным субъектом по числу туристов является Ульяновская область. Она вместе с Республикой Татарстан принимает более 90 % туристского потока в регионы ПФО из Мордовии. В 2019 г. оставшиеся три субъекта ПФО (Нижегородскую, Пензенскую и Самарскую области), куда выезжали жители Мордовии с туристскими целями, в совокупности посетили всего 40 чел.

Р и с. 4. Распределение туристского потока жителей Мордовии по субъектам Приволжского федерального округа в 2019 г., %

F i g. 4. Distribution of the tourist flow of residents of Mordovia by the constituent entities of the Volga Federal District in 2019, %

Такая картина с поездками жителей республики в субъекты ПФО явно не отражает их туристский потенциал, на базе которого сформированы интересные и разнообразные туристские продукты, получившие широкую известность в России. В частности, не только для отечественных, но и для иностранных туристов интерес представляют такие объекты, как:

- природные заповедники «Башкирский», «Шульган-Таш», «Южно-Уральский» в Республике Башкортостан;
- музеи-заповедники «Казанский Кремль», «Остров-град Свияжск», г. Болгар в Республике Татарстан;

- ансамбль Нижегородского кремля, музейный квартал в г. Городце, Музейно-туристский комплекс «Золотая хохлома» в г. Семенове Нижегородской области;
- национальный парк «Самарская Лука», музей-экспозиция «Бункер Сталина», музейно-выставочный комплекс «Самара Космическая» в Самарской области;
- курорт «Соленые озера», горнолыжный комплекс «Кувандык 365» в Оренбургской области;
- Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» в Пензенской области и др.

В связи с этим напрашивается вывод о том, что жители Мордовии плохо информированы о турпродуктах субъектов ПФО (несмотря на то, что они достаточно востребованы жителями других регионов России), их реклама либо эпизодическая, либо совсем отсутствует.

Для любого региона желательно постоянно наращивать въездной туристский поток, способствующий не только поступлению средств на территорию региона, но и созданию новых рабочих мест, увеличению налоговых отчислений в бюджет региона и т. д.

Анализ динамики въездного туристского потока (табл. 1) свидетельствует об устойчивой тенденции роста числа туристов, посещающих Республику Мордовия. При этом основной прирост турпотока вызван увеличением прибытий в регион граждан России. За десятилетний период поток туристов из других субъектов Федерации увеличился на 89,5 %, тогда как приток иностранных туристов вырос только на 19,4 %. Это привело к изменению структуры туристского потока: если в 2010 г. на долю граждан России приходилось 96,1 % всего въездного в республику туристского потока, то в 2019 г. – 97,5 %. Максимальный поток иностранных туристов в Мордовию был зафиксирован в 2018 г., что связано с проведением матчей Чемпионата мира по футболу.

Таблица 1. Динамика въездного туристского потока в Республику Мордовия¹⁴

Table 1. Change in the inbound tourist flow to the Republic of Mordovia

Показатель / Indicator	Годы / Year				
	2010	2014	2015	2018	2019
Всего, тыс. чел. / Total, thousand people	80,5	97,5	93,0	136,6	150,4
в том числе / including:					
граждан России / Russian citizens	77,4	95,0	90,3	126,3	146,7
иностраннных граждан / foreign nationals	3,1	2,5	2,8	10,3	3,7

¹⁴ Экспертная оценка по данным отелей Radisson и Mercure (сервис «Цифровой туризм»).

Эту же причину можно отнести и к Республике Мордовия. В 2019 г. 54,4 % прибывших в республику из других регионов страны были представители двух соседних с Мордовией субъектов – Нижегородской и Пензенской областей. Отсюда следует, что туристские продукты республики не очень востребованы жителями России. Главная, на наш взгляд, причина сложившейся ситуации – отсутствие рекламы туристских продуктов за пределами Мордовии в других субъектах страны, низкий уровень их продвижения в различных средствах массовой информации.

В топ-5 стран, из которых в Мордовию въехало наибольшее число иностранных туристов в 2019 г., вошли Беларусь – 398 чел. (или 10,8 % общего объема прибытий иностранных граждан в республику), Нидерланды – 357 чел. (9,7), Украина – 213 чел. (5,8), Германия – 203 чел. (5,5) и Польша – 190 чел. (5,1 %). Кроме граждан из этих стран, республику в 2019 г. посетили также представители Китая, Азербайджана, Италии, Казахстана, Латвии, Венгрии, Сербии, Эстонии, Франции, Южной Кореи и др.¹⁵

Несмотря на то, что иностранные студенты в количестве 2,3 тыс. чел., обучающиеся в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева, не включены в статистическую отчетность, их все же следует учитывать в объеме въездного туристского потока. Так, из Индии в 2019 г. обучалось 482 студента, из Туркменистана – 471, из Ирака – 254, из Узбекистана – 236, из Таджикистана – 227, из Иордании – 156, из Египта – 112 чел.

Основными регионами – донорами российских туристов в Республику Мордовия в 2019 г. стали г. Москва и Московская область – 56,8 тыс. чел., что составляет 37,1 % общего внутреннего въездного потока. В числе других главных регионов-доноров можно выделить Пензенскую область (19,0 тыс. чел., или 12,4 %), Республику Татарстан (13,9 тыс. чел., или 9,1 %), Нижегородскую (11,3 тыс. чел., или 7,4 %) и Саратовскую (10,3 тыс. чел., или 6,7 %) области¹⁶.

Главными объектами туристского показа в Мордовии в 2019 г. были музей им. С. Д. Эрьзи (23,0 % от общего объема посещаемых республиканских объектов туристского показа), краеведческий музей им. И. Д. Воронина (11,5), Мордовский заповедник им. П. Г. Смидовича (8,5) и Санаксарский монастырь (7,7 %).

При анализе географии туристского потока следует обратить внимание на поездки внутри собственного региона. Путешествия по родному региону способствуют не только решению экономической функции сохранения средств внутри своего субъекта, но также расширению знаний населения о его истории, культуре, традициях, верованиях и пр. Изменения в структуре туристских поездок жителей Мордовии представлены в таблице 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Таблица 2. Динамика и структура поездок жителей Мордовии

Table 2. Dynamics and structure of trips of residents of Mordovia

Годы / Year	Число туристов Мордовии, осуществлявших поездки, чел. / Number of tourists from Mordovia who made trips, people			Удельный вес числа туристов Мордовии в общем объеме, % / Share of the number of tourists from Mordovia in the total volume, %	
	всего / total	по России / across Russia	по Мордовии / across Mordovia	всего туристского потока / total tourist flow	внутрироссийского туристского потока / domestic tourist flow in Russia
2010 ¹⁷	17 926	4 173	1 402	7,8	33,6
2015 ¹⁸	18 581	10 083	1 585	8,5	15,7
2019 ¹⁹	33 884	17 855	10 740	31,7	60,2

Как видим из таблицы 2, в последние годы резко выросло количество жителей республики, предпочитающих совершать поездки по собственному региону. В 2019 г. общий туристский поток в республике по отношению к 2010 г. увеличился в 1,9 раза, тогда как количество граждан, которые предпочли поездки по территории Мордовии, выросло почти в 7,7 раза. Удельный вес поездок по родной республике в общем объеме турпотока вырос в 4,1 раза в 2019 г. по сравнению с уровнем 2010 г. В 2019 г. 3/5 туристов из Мордовии не выезжали за ее пределы. Такой значительный сдвиг в сторону увеличения поездок по республике обусловлен, на наш взгляд, более низкой стоимостью отдыха в пределах Мордовии.

Обсуждение и заключение. На основании вышеизложенного можно выделить следующие особенности географии туристского потока Республики Мордовия:

- туристский поток республики развивается достаточно динамично и устойчиво, происходит постоянное увеличение числа обслуженных туристов;

- география выездного международного туристского потока жителей республики сужается, падает спрос на туристские поездки во многие страны, которые раньше были востребованы;

- более быстрый рост числа проданных турпакетов по территории России по сравнению с реализацией турпакетов в другие страны;

- увеличение доли жителей Мордовии, приобретающих туры по своей республике;

- достаточно узкая география приобретаемых населением республики туров по регионам России;

¹⁷ Деятельность туристских фирм в Республике Мордовия. С. 10.

¹⁸ Туризм в Республике Мордовия. 2015 : Стат. бюл. Саранск : Мордовиястат, 2016. С. 8.

¹⁹ Туризм в Республике Мордовия. 2019 : Стат. бюл. Саранск : Мордовиястат, 2020. С. 6, 8.

– низкий по своим масштабам туристский поток между Мордовией и другими субъектами Приволжского федерального округа.

В целях решения существующих проблем в географии туристских потоков жителей Республики Мордовия предлагается:

– разрабатывать новые туристские продукты, особенно в таких видах туризма, как этнический, гастрономический, экологический и сельский;

– осуществлять эффективную рекламно-маркетинговую деятельность, создавать онлайн-инструменты для экспорта туристских услуг за пределы республики, реализовывать комфортные и конкурентные по ценовой политике туристские маршруты;

– расширять связи с другими регионами России, увеличивать физическую привлекательность республики, туристский потенциал региона, инвестиции в различные активы в целях снижения рисков;

– формировать условия для доступа туристских предприятий к инновационным технологиям, оказывать им финансовую поддержку при проведении маркетинговых мероприятий, компенсировать расходы на услуги гидов-экскурсоводов и переводчиков, проведение обязательной сертификации туристских объектов, продвижение региональных туристских продуктов в других странах и пр.;

– заключать долгосрочные договоры между туристскими предприятиями республики и другими субъектами России, рассчитанные на въездной туризм и ориентированные на главные туристские продукты региона;

– в целях расширения экотуризма в полной мере использовать потенциал республиканского заповедника и национального парка;

– более эффективно использовать спортивную инфраструктуру республики, проводить соревнования по разным видам спорта, которые будут способствовать привлечению туристов не только из регионов России, но и из зарубежных стран.

Результаты исследования могут применяться для обоснования эффективности республиканской программы развития туризма, планирования комплекса мероприятий региональной туристской политики, принятия региональными и муниципальными органами власти управленческих решений в сфере туризма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова А. Ю. География туристских потоков в Российской Федерации: статистика, тренды, проблемы // Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 1. С. 95–108. URL: <https://www.ncfu.ru/export/uploads/Dokumenty-Nauka/SKFU2017.pdf> (дата обращения: 07.03.2021).

2. Географічні аспекти формування іноземних туристичних потоків України: стан і проблеми формування / А. В. Кузишин [и др.] // Вісник ОНУ. Сер.: Географічні та геологічні науки. 2021. Т. 26, вып. 1 (38). С. 117–134. doi: [https://doi.org/10.18524/2303-9914.2021.1\(38\).234684](https://doi.org/10.18524/2303-9914.2021.1(38).234684)

3. Mikashavidze V. Georgian Tourism Industry – Specifications of Development, Problems, Prospective // *Black Sea Scientific Journal of Academic Research*. 2018. Vol. 41, issue 3. Pp. 44–45. URL: https://www.sc-media.org/pdfs/41_03_2018.pdf (дата обращения: 07.03.2021).
4. Raun J., Shoval N., Tiru M. Gateways for Intra-National Tourism Flows: Measured Using Two Types of Tracking Technologies // *International Journal of Tourism Cities*. 2020. Vol. 6, issue 2. Pp. 261–278. doi: <https://doi.org/10.1108/IJTC-08-2019-0123>
5. Власюк Ю. А., Ковалевич О. А. Оценка эффективности туризма в регионе // *Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки*. 2017. Вып. 5. С. 65–69. URL: https://www.barsu.by/vestnik/Download/hist_5_2017_65.pdf (дата обращения: 07.03.2021).
6. Exploring the Spatial Characteristics of Inbound Tourist Flows in China Using Geo-tagged Photos / J. Qin [et al.] // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, issue 20. doi: <https://doi.org/10.3390/su11205822>
7. Pidgirna V., Filipchuk N. Development of the Tourist Services Market in Ukraine under Conditions of Transformation Changes // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2020. Vol. 30, no. 2. Pp. 794–800. doi: <https://doi.org/10.30892/gtg.302spl03-507>
8. Nowak J.-J., Petit S., Sahli M. Intra-Tourism Trade in Europe // *Tourism Economics*. 2012. Vol. 18, issue 6. Pp. 1287–1311. doi: <https://doi.org/10.5367/te.2012.0168>
9. Якунин П. Н. К вопросу об оптимизации туристских потоков в регионе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Экономика*. 2015. Т. 6, № 1. С. 47–57. URL: <https://lengu.ru/mag/vestnik-leningradskogo-gosudarstvennogo-universiteta-imeni-a-s-pushkina/arkhiv-vypuskov> (дата обращения: 07.03.2021).
10. Кислова Ю., Казунина А. Анализ объемов и структуры туристских потоков на территорию региона (на примере города Москвы): методология и проблемы оценки // *Логистика*. 2015. № 7. С. 12–23. URL: http://www.logistika-prim.ru/sites/default/files/s12-23_log_0715.pdf (дата обращения: 07.03.2021).
11. Zhang Y., Li X., Wu T. The Impacts of Cultural Values on Bilateral International Tourist Flows: A Panel Data Gravity Model // *Current Issues in Tourism*. 2019. Vol. 22, issue 8. Pp. 967–981. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2017.1345870>
12. Сарян А. А., Симонян А. Р. Основы сегментации региональных туристических потоков // *Теоретическая и прикладная экономика*. 2019. № 4. С. 1–10. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2019.4.31438>
13. Extracting Spatial Patterns of Intercity Tourist Movements from Online Travel Blogs / Y. Gao [et al.] // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, issue 13. doi: <https://doi.org/10.3390/su11133526>
14. Евстропьева О. В., Бибаева А. Ю., Санжеев Э. Д. Моделирование туристских потоков на региональном и локальном уровнях. Опыт реализации в ЦЭЗ БПТ // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2019. Т. 13, № 1. С. 85–97. doi: <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10110>
15. Оборин М. С., Сарян А. А. Развитие туристских потоков и особенности их сегментации // *Сервис в России и за рубежом*. 2020. Т. 14, № 1. С. 13–22. URL: <https://ru.calameo.com/read/0049717850c956167f73a> (дата обращения: 07.03.2021).
16. International Tourism Dynamics in a Globalized World: A Social Network Analysis Approach / M. G. Chung [et al.] // *Journal of Travel Research*. 2020. Vol. 59, issue 3. Pp. 387–403. doi: <https://doi.org/10.1177/0047287519844834>
17. Оборин М. С., Сарян А. А. Особенности динамики туристских потоков в России // *Сервис в России и за рубежом*. 2018. Т. 12, № 2 (80). С. 75–89. doi: <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2018-10206>

18. Гудков А. А. Статистика внешних и внутренних туристских потоков в России // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 1 (79). С. 114–122. URL: https://psi.perm.ru/images/docs/nauka/vestnik_psi/1_79_2018.pdf (дата обращения: 07.03.2021).

19. Булавин А. В., Щукин Г. М. Динамика показателей развития региональной туристической отрасли (на примере Республики Мордовия) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 3 (47). С. 205–215. URL: <http://niig-n.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-2018-%E2%84%96-3u.pdf> (дата обращения: 07.03.2021).

20. Нездойминов С. Г. Туристический поток – фактор конкурентоспособности региона // ARS ADMINISTRANDI. 2014. № 3. С. 78–83. URL: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=398> (дата обращения: 07.03.2021).

21. Пониматкина Л. А., Воробьева Е. Г. Туристский потенциал Республики Мордовия и разработка комбинированного тура // География и туризм. 2019. № 2. С. 61–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41802109> (дата обращения: 07.03.2021).

22. Семеркова Л. Н., Зинченко С. В., Бижанова Е. М. Актуальные проблемы неравномерного распределения туристских потоков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 1 (49). С. 168–178. doi: <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-17>

Поступила 24.03.2021; одобрена после рецензирования 12.05.2021; принята к публикации 25.05.2021.

Об авторах:

Жулина Марина Александровна, заместитель министра Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия, заведующий кафедрой туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5011-723X>, mzhulina@mail.ru

Кицис Вячеслав Михайлович, доцент кафедры туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М. А. Жулина – постановка научной проблемы; подготовка проекта текста статьи; научное руководство.

В. М. Кицис – определение теоретико-методологических основ исследования; поиск аналитических материалов; составление таблиц; создание рисунков; написание и доработка текста статьи.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aleksandrova A. Yu. Geography of Tourist Flows in the Russian Federation: Statistics, Trends, Challenges. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* = Science. Innovations. Technologies. 2017; (1):95–108. Available at: <https://www.ncfu.ru/export/uploads/Dokumenty-Nauka/SKFU2017.pdf> (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Kuzyshyn A.V., Chereshtnyuk T.O., Poplavska I.V., Dobrovolska S.Ya. Geographical Aspects of Foreign Tourist Flows Formation in Ukraine: State and Formation Problems. *Visnik ONU. Seriya: Geografichni ta geologichni nauki* = Odessa National University. Geography and Geology. 2021; 26(1):117-134. (In Ukrainian, abstract in Eng.) doi: [https://doi.org/10.18524/2303-9914.2021.1\(38\).234684](https://doi.org/10.18524/2303-9914.2021.1(38).234684)
3. Mikashvidze V. Georgian Tourism Industry – Specifications of Development, Problems, Prospective. *Black Sea Scientific Journal of Academic Research*. 2018; 41(3):44-45. Available at: https://www.sc-media.org/pdfs/41_03_2018.pdf (accessed 07.03.2021). (In Eng.)
4. Raun J., Shoval N., Tiru M. Gateways for Intra-National Tourism Flows: Measured Using Two Types of Tracking Technologies. *International Journal of Tourism Cities*. 2020; 6(2):261-278. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/IJTC-08-2019-0123>
5. Vlasjuk Yu.A., Kovalevich O.A. Assessment of Tourism Efficiency in the Region. *Vestnik BarGU. Seriya: Istoricheskie nauki i ar-kheologiya. Ehkonomicheskie nauki. Yuridicheskie nauki* = BarSU Herald. Series: Historical Sciences and Archeology. Economics. Law. 2017; (5):65-69. Available at: https://www.barsu.by/vestnik/Download/hist_5_2017_65.pdf (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Qin J., Tang M., Wang J., Song C., Zhang Y. Exploring the Spatial Characteristics of Inbound Tourist Flows in China Using Geotagged Photos. *Sustainability*. 2019; 11(20). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/su11205822>
7. Pidgirna V., Filipchuk N. Development of the Tourist Services Market in Ukraine under Conditions of Transformation Changes. *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2020; 30(2):794-800. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.30892/gtg.302spl03-507>
8. Nowak J.-J., Petit S., Sahli M. Intra-Tourism Trade in Europe. *Tourism Economics*. 2012; 18(6):1287-1311. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5367/te.2012.0168>
9. Yakunin P.N. On the Issue of Optimizing Tourist Flows in the Region. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Ehkonomika* = Pushkin Leningrad State University Journal. Economics. 2015; 6(1):47-57. Available at: <https://lengu.ru/mag/vestnik-leningradskogo-gosudarstvennogo-universiteta-imeni-a-s-pushkina/arkhiv-vypuskov> (accessed 07.03.2021). (In Russ.)
10. Kislova Ju., Kazunina A. Analysis of the Volume and Structure of Tourist Flows to the Region (The Case of Moscow): Methodology and Evaluation Issues. *Logistika* = Logistics. 2015; (7):12-23. Available at: http://www.logistika-prim.ru/sites/default/files/s12-23_log_0715.pdf (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Zhang Y., Li X., Wu T. The Impacts of Cultural Values on Bilateral International Tourist Flows: A Panel Data Gravity Model. *Current Issues in Tourism*. 2019; 22(8):967-981. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2017.1345870>
12. Saryan A.A., Simonyan A.R. Basics of the Segmentation of Regional Tourist Flows. *Teoreticheskaya i prikladnaya ehkonomika* = Theoretical and Applied Economics. 2019; (4):1-10. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2019.4.31438>
13. Gao Y., Ye C., Zhong X., Wu L., Liu Y. Extracting Spatial Patterns of Intercity Tourist Movements From Online Travel Blogs. *Sustainability*. 2019; 11(13). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/su11133526>
14. Evstropyeva O.V., Bardash A.V., Budaeva D.G. Methodological Approaches to the Tourism and Recreational Differentiation of Territories with Special Use Conditions. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2019; 13(1):85-97. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10110>
15. Oborin M.S., Saryan A.A. Development of Tourist Flows and Features of their Segmentation. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Services in Russia and Abroad. 2020; 14(1):13-22.

Available at: <https://ru.calameo.com/read/0049717850c956167f73a> (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Chung M.G., Herzberger A., Liu J., Frank K.A. International Tourism Dynamics in a Globalized World: A Social Network Analysis Approach. *Journal of Travel Research*. 2020; 59(3):387-403. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0047287519844834>

17. Oborin M.S., Saryan A.A. Dynamics of Tourist Flows in Russia. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Services in Russia and abroad. 2018; 12(2):75-89. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2018-10206>

18. Gudkov A.A. Statistics of Foreign and Domestic Tourist Flows in Russia. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta* = Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2018; (1):114-122. Available at: https://psi.perm.ru/images/docs/nauka/vestnik_psi/1_79_2018.pdf (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Bulavin A.V., Shchukin G.M. Dynamics of Indicators of the Regional Tourist Industry Development (on the Example of the Republic of Mordovia). *Vestnik NIi gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2018; (3):205-215. Available at: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-2018-%E2%84%96-3u.pdf> (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Nezdoyminov S.G. Tourist Flow as a Factor of the Region's Competitiveness. *ARS ADMINISTRANDI*. 2014; (3):78-83. Available at: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=398> (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Ponimatkina L.A., Vorobyova E.G. Tourist Capacity of the Republic of Mordovia and the Development of the Combined Tour. *Geografiya i turizm* = Geography and Tourism. 2019; (2):61-69. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41802109> (accessed 07.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Semerkova L.N., Zinchenko S.V., Bizhanova E.M. Actual Problems of Uneven Distribution of Tourist Streams. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2019; (1):168-178. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-17>

Submitted 24.03.2021; approved after reviewing 12.05.2021; accepted for publication 25.05.2021.

About the authors:

Marina A. Zhulina, Deputy Minister, Ministry of Economy, Trade and Entrepreneurship of the Republic of Mordovia; Head of the Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Geography), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5011-723X>, mzhulina@mail.ru

Vyacheslav M. Kitsis, Associate Professor, Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Geography), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Contribution of the authors:

M. A. Zhulina – statement of the scientific problem; preparation of a draft text of the article; academic supervision.

V. M. Kitsis – substantiation of the theoretical and methodological foundations of the study; search for analytical materials; compiling tables; creating figures; writing and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Габитус здоровьесбережения школьников: от семейной к национальной модели

Г. Н. Ершова

*Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация),
ershova104@mail.ru*

Аннотация

Введение. Семья формирует габитус здоровьесберегающего поведения ребенка: наличие либо отсутствие вредных привычек, вовлеченность в занятия спортом, пищевые предпочтения, отношение к профилактике заболеваний. Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить зависимость различных параметров здоровья детей школьного возраста от социобиологического

благополучия семьи, ее образа жизни, условий жизнеобеспечения, способствующих реализации семейных здоровьесберегающих практик.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили данные опроса родителей учащихся лицеев, гимназий, средних общеобразовательных школ, в том числе с углубленным изучением отдельных предметов (г. Казань, Арский и Чистопольский муниципальные районы Республики Татарстан), проведенного в 2019 г. Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. Генеральная совокупность родителей учащихся составила 433 706 чел., выборочная совокупность – 325 чел. Ценностный, социально-деятельностный и поколенческий подходы социологического дискурса по проблематике здоровья направлены на выявление социальных детерминант различных параметров здоровья подростков и их габитуса здоровьесбережения.

Результаты исследования. Выделены факторы, определяющие образ жизни современных школьников и оказывающие отрицательное влияние на формирование их здоровья в условиях значительных учебных нагрузок, интенсификации учебного процесса и высокого уровня занятости во внеучебное время: несоблюдение возрастных регламентов режима дня; низкая двигательная активность; неудовлетворительная организация и ухудшение качества питания в семье; габитус поведения родителей, неориентированный на здоровьесбережение.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование дает научное обоснование и подчеркивает необходимость мер, направленных на повышение физической активности, здорового питания школьников как младшего, так и старшего возраста в условиях демографического кризиса. Практическое применение выводов и положений данного исследования предполагает разработку предложений для повышения эффективности принимаемых управленческих решений министерств и ведомств Республики Татарстан.

© Ершова Г. Н., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: габитус здоровьесберегающего поведения, заболеваемость детей школьного возраста, факторы здоровья/нездоровья, рациональное питание, физическая активность, семейные здоровьесберегающие практики

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ершова Г. Н. Габитус здоровьесбережения школьников: от семейной к национальной модели // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 886–901. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.886-901>

Original article

Schoolchildren's Health Preservation Habitus: From the Family Model to the National One

G. N. Ershova

*Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russian Federation),
ershova104@mail.ru*

Abstract

Introduction. The family forms the habitus of the child's health-preserving behavior: the presence or absence of bad habits, involvement in sports, food preferences, and the attitude to disease prevention. The article, based on the conducted research, identifies the dependence of various parameters of the health of school-age children on the socio-biological well-being of the family, its lifestyle, life support conditions that contribute to the implementation of family health-preserving practices.

Materials and Methods. The research materials used were the data from a survey conducted in 2019 by the Center for Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences among parents of students of lyceums, grammar schools, and general education schools, including those with in-depth study of specific subjects (city of Kazan, Arsk and Chistopol municipal districts of the Republic of Tatarstan). The total population of parents of students was 433,706 people, the selection was 325 people. The value, social activity, and generation approaches within the sociological discourse on health issues are aimed at identifying the social determinants of various parameters of adolescent health and their health preservation habitus.

Results. The study has identified a number of factors that determine the lifestyle of modern schoolchildren and have a negative impact on their health in the context of significant academic loads, intensification of the educational process, and involvement in intense extra-curricular activities: non-compliance with age regulations of the daily routine; low motor activity; unsatisfactory organization and deterioration of the quality of nutrition in the family; habitus of parents' behavior, not focused on health preservation.

Discussion and Conclusion. The conducted research provides scientific substantiation of and emphasizes the need for measures aimed at increasing physical activity and healthy nutrition of both younger and older schoolchildren in the context of the demographic crisis. Practical application of the conclusions drawn in this study involves formulation of proposals for improving the effectiveness of managerial decisions taken by ministries and departments of the Republic of Tatarstan.

Keywords: habitus of health-preserving behavior, morbidity of school-age children, health / poor health factors, rational nutrition, physical activity, family health-preserving practices

The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Ershova G.N. Schoolchildren's Health Preservation Habitus: From the Family Model to the National One. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):886-901. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.886-901>

Введение. Эксперты Всемирной организации здравоохранения на основании лонгитюдных исследований специалистов свидетельствуют о высоких показателях избыточной массы тела и ожирения у детей школьного возраста при сохранении низких показателей их физической активности¹ [1–3]. Исследователи отмечают, что в настоящее время в динамике здоровья россиян наблюдается нисходящий тренд – проблемы здоровья передвигаются из более старших возрастных групп в группы детей и молодежи. Это противоречит естественным процессам жизнедеятельности человека, когда ухудшение здоровья настигает человека в зрелом и пожилом возрасте². Учеными выявлены тенденции роста заболеваемости по некоторым группам болезней в Российской Федерации с 2008 по 2015 г. [4]. Статистические данные по заболеваемости детей и подростков в Республике Татарстан подтверждают тенденции ухудшения здоровья детей в возрасте 0–14 лет: в 2018 г. зарегистрировано 1 254 063 случая заболеваний у детей, по сравнению с 2011 г. прирост составляет 12 %. В возрастной категории от 15 до 17 лет заболеваемость снизилась на 9,8 % (в 2011 г. зарегистрировано 185 539 случаев заболеваний, в 2018 г. – 167 215)³. Анализ данных по распределению численности детей и подростков в возрасте 0–17 лет по заболеваниям, включенным в утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 г. № 715 Перечень социально значимых заболеваний⁴, показал рост на 7,7 % числа заболеваний системы кровообращения в 2018 г. по сравнению с 2011 г. и на 8,0 % – заболеваний эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ⁵.

¹ Currie C. Social Determinants of Health and Well-Being Among Young People. Health Behavior in School-aged Children (HBSC) Study International Report from the 2009/2010 Survey / ed. by C. Currie [et al.]. Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2012; Spotlight on Adolescent Health and Well-Being: Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-Aged Children Survey in Europe and Canada / J. Inchley [et al.]. Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2020. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/child-and-adolescent-health/health-behaviour-in-school-aged-children-hbsc/publications/2020/spotlight-on-adolescent-health-and-well-being.-findings-from-the-20172018-health-behaviour-in-school-aged-children-hbsc-survey-in-europe-and-canada.-international-report.-volume-1.-key-findings> (дата обращения: 04.03.2021).

² Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования : моногр. / А. И. Антонов [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2018. 540 с.

³ Республика Татарстан. Стат. сб. 2015 [Электронный ресурс] / Татарстанстат. Казань, 2016. С. 144–147. URL: https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/Ежегодник_2015.pdf; Республика Татарстан. Стат. сб. 2018 [Электронный ресурс] / Татарстанстат. Казань, 2019. С. 129–132. URL: https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/Ежегодник_2018.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

⁴ Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Российской Федерации от 1 дек. 2004 г. № 715 (с изм. и доп. от 13 июля 2012 г., 31 янв. 2020 г.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12137881/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1100 (дата обращения: 16.02.2021).

⁵ Республика Татарстан. Статист. сб. 2015. С. 144–147; Республика Татарстан. Стат. сб. 2018. С. 129–132.

Для преодоления сложившейся ситуации в рамках Национального проекта «Здравоохранение» в долгосрочной перспективе акцент сделан на профилактику заболеваний системы кровообращения и нарушений обмена веществ среди детей и подростков и снижение смертности от этих заболеваний во взрослом возрасте⁶. Семья обеспечивает социальное благополучие общества, воспроизводство и развитие будущих поколений, создает фундаментальные основы для формирования габитуса здоровьесберегающего поведения личности: наличие либо отсутствие вредных привычек, вовлеченность в занятия спортом и физической культурой, пищевые предпочтения, отношение к профилактике заболеваний.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования изучить формирование здоровьесберегающего габитуса детей школьного возраста в контексте здоровьесберегающих практик семьи с позиций социологического подхода, предполагающего выявление социальных тенденций, проблем и факторов, влияющих на изменение здоровья современных школьников.

Обзор литературы. Начиная с У. Бронфенбреннера⁷, зарубежными и отечественными исследователями семья рассматривается как система, вложенная в ряд других интерактивных систем. Учеными применяется многослойная системная модель, учитывающая изменения в семейной системе и вне ее, реакции на эти изменения понимаются как проблемы адаптации, которые семейная система должна решить. Объектом исследования становились различные сценарии семейного поведения, в которых каждый член семьи выступает определенным «пазлом»⁸.

Исследователями изучались направления развития взаимоотношений детей и родителей в семье в постиндустриальном обществе, тенденции демократизации семейных связей, различные аспекты фамелизации: уровень инкорпорированности современных детей в семью, их ресурсную и эмоциональную зависимость от родителей⁹ [5; 6], рост экономических и эмоциональных инвестиций и обязательств современных родителей по отношению

⁶ Паспорт федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» Национального проекта «Здравоохранение» [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Российской Федерации : сайт. URL: https://static-2.rosminzdrav.ru/system/attachments/attachs/000/046/707/original/FP_Razvitie_detskogo_zdravooxraneniya.pdf?156534391 (дата обращения: 12.03.2021). В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.10.2010 № 1873-р «Об основах государственной политики в области здорового питания населения Российской Федерации на период до 2020 года» целями государственной политики в области здорового питания являются сохранение и укрепление здоровья населения, профилактика заболеваний, обусловленных неполноценным и несбалансированным питанием.

⁷ Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. Cambridge : Harvard University Press, 1979.

⁸ Byng-Hall J. Family Scripts: A Useful Bridge between Theory and Practice // Journal of Family Therapy. 1985. Vol. 7, no. 3. Pp. 301–306. doi: <https://doi.org/10.1046/j..1985.00688.x>

⁹ Beck U. Democratization of the Family // Childhood: A Global Journal of Child Research. 1997. Vol. 4, no. 2. Pp. 151–168; Alanen L., Bardy M. Childhood as Social Phenomenon: National Report for Finland. Eurosocio Report. Vienna : European Centre for Social Welfare, 1991.

к детям¹⁰, возможность конструирования ответственности родителей за качество жизни детей, обеспечение права всех членов семьи на доступ к ресурсам [7]. Согласимся с В. А. Погодиной, А. И. Бабенко, Е. А. Татауровой, которые в подробном обзоре методологических подходов зарубежных и отечественных социально-философских, социально-экономических и медико-социально-гигиенических исследований макро- и микроуровней здоровья общества резюмировали, что вопросы изучения здоровьесбережения семьи не получили должного освещения в 2008–2014 гг. [8].

В ряде работ отечественных ученых обобщены итоги мониторинга эффективности государственного управления в сфере российского здравоохранения в целом¹¹ и в Республике Татарстан¹² в частности [9]. Н. А. Волобуевой проанализирована корреляция между внутрисемейными отношениями и психофизическим развитием детей школьного возраста¹³. Исследователи отмечают роль пропаганды здорового образа жизни и внедрения здоровьесберегающих технологий [10–12].

Зарубежный опыт организации здорового питания школьников изучен В. Р. Кучмой [13], Ж. Ю. Гореловой [14], А. В. Арисовым [15] и рядом иностранных ученых [16–18]. Проблемы организации здорового питания и занятий физической культурой актуализировались отечественными исследователями в контексте обеспечения питания в образовательных учреждениях, выявлялись социально-экономические факторы [19–22]; риски, влияющие на здоровье детей и подростков, оценивались в медико-социальных исследованиях¹⁴ [23], в том числе в региональном аспекте¹⁵ [24; 25].

Исследования детского здоровьесберегающего поведения, проводимые Европейским бюро Всемирной организации здравоохранения с 2009 г. на основе социологических опросов подростков, касались только некоторых аспектов

¹⁰ Zelitzer V. Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children. New York, 1985.

¹¹ Шабунова А. А., Морев М. В., Кондакова Н. А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга : моногр. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. 262 с.; Российское здравоохранение: проблемы управления и эффективность : моногр. / А. А. Шабунова [и др.]; под общ. ред. А. А. Шабуновой. Вологда : ВолНЦ РАН, 2017. 244 с.

¹² Демографический доклад – 2019. Реализация Национального проекта «Демография» в Республике Татарстан: ресурсы, вызовы, перспективы : моногр. / под ред. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2020. 410 с.; Демографический доклад – 2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения : моногр. / под ред. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2020. 578 с.

¹³ Volobueva N. A. The Correlation between a Childs Psycho-Physiological Well-Being and Relationships Inside the Family // Safe Communities are an Essential Need for a Modern-Day Society. Book of Abstracts / ed. by D. Zaric, M. Radovanovic, M. Fodor; chief editor: M. Milankov; National Center for Injury Prevention and Safety Promotion. 2017. Pp. 147–148.

¹⁴ Гурова М. М. Питание и интеллект детей и подростков // Современные проблемы подростковой медицины и репродуктивного здоровья молодежи. Кротинские чтения. Сб. тр. 2-й Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. А. С. Симаходского, В. П. Новиковой, М. Ф. Ипполитовой. 2018. С. 117–140.

¹⁵ Оценка фактического рациона питания детей, проживающих в Республике Башкортостан / М. Р. Яхина [и др.] // Здоровье и окружающая среда. Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. 2018. С. 193–197.

организации питания детей (например наличия/отсутствия завтрака и уровня потребления школьниками сладких и газированных продуктов) в странах Европы, в том числе в России, в контексте борьбы с ожирением и диабетом [1]) и не затрагивали оценку семейного режима дня, рефлексии проблем здоровьесбережения родителями. На общероссийском и региональном уровнях практически не изучались проблемы организации питания в домашних условиях, режима дня школьников и подростков посредством анализа результатов опроса их родителей, что требует специального исследования гипотезы о преобладающей роли родителей в формировании здоровьесберегающего габитуса детей и подростков относительно правильного питания и здорового образа жизни.

Материалы и методы. Эмпирическая база исследования представлена результатами пилотажного социологического исследования «Социальные детерминанты здоровья школьников в Республике Татарстан», проведенного в 2019 г. Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в форме опроса среди родителей учащихся лицеев, гимназий, средних общеобразовательных школ, в том числе с углубленным изучением отдельных предметов (г. Казань, Арский и Чистопольский муниципальные районы Республики Татарстан). Социологическое исследование здоровья школьников¹⁶ предоставляет возможности применения его результатов в деятельности органов государственной власти и управления для повышения эффективности образовательной и оздоровительной политики.

В ходе полевой части эмпирического исследования был проведен опрос среди родителей учащихся средних общеобразовательных учреждений. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. В целях повышения репрезентативности (достоверности) эмпирических данных была построена стратифицированная выборка с выделением однородных групп изучаемых признаков по каждому району республики. Генеральная совокупность родителей учащихся составила 433 706 чел., выборочная совокупность – 325 чел. Общий объем данной стратифицированной бесповторной выборки позволил обеспечить погрешность 0,014.

Теоретико-методологическая база исследования основана на трех подходах социологического дискурса по проблематике здоровья: ценностном, социально-деятельностном и поколенческом. Согласно ценностному подходу, здоровье – это определяемая обществом социальная норма, образец поведения. Повышение фактической ценности здоровья в сознании последующих поколений связано с наличием социального запроса на здоровье и условиями для его укрепления, создаваемыми социальными институтами (Л. С. Шилова, Л. М. Митина и др.). Социально-деятельностный подход рассматривает здоровье как основу социальной активности личности, выполнения ее

¹⁶ Социологическое исследование проводилось в рамках исполнения «Плана мероприятий Республики Татарстан до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства, разработанного в целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»».

социальных функций, которая определяется ценностно-мотивационными установками, жизненной ориентацией, достаточным телесным и умственным потенциалом (Е. Н. Кудрявцева, Э. А. Фомин, Н. М. Федорова и др.). Согласно поколенческому подходу, семья выступает в качестве важнейшего института воспроизводства общества, определяющего первичную социализацию личности в процессе взаимодействия поколений. На возрастные отличия поколений оказывают влияние ценностные, нормативные, статусные, ролевые различия (Т. Шанин, Ю. А. Левада, В. В. Семенова, М. В. Вдовина и др.). Таким образом, сочетание трех вышеуказанных подходов будет способствовать повышению эффективности исследования формирования здоровьесберегающего габитуса подростков с учетом социальных детерминант различных параметров здоровья школьников.

Определение корреляций разных показателей здоровья школьников позволяет выявить различия в режиме и структуре питания, уровне физической активности, характере семейных отношений, способах организации досуга.

Результаты исследования. В рамках проведенного исследования были проанализированы ответы родителей относительно характера, структуры и режима питания детей школьного возраста.

Рацион и режим питания. Результаты исследования показали, что, по мнению 62 % родителей, калорийность рациона их детей удовлетворительная, только 8 % заявили о его недостаточной энергетической ценности, треть опрошенных (30 %) затруднились оценить калорийность рациона своих детей. Ввиду недостаточной осведомленности населения о требованиях к калорийности рациона питания детей необходимо актуализировать эту информацию¹⁷.

Проведение корреляции эмпирических данных позволило определить, что половина опрошенных родителей (53 %), оценивающих рацион питания своих детей как полноценный, считают его энергетическую ценность приемлемой, в данной группе предпочтение отдают хлебобулочным изделиям (12 %), газированным напиткам и сокам промышленного производства (15 %). Среди тех, кто не удовлетворен уровнем калорийности питания детей, значительно выше доля потребления хлебобулочных изделий (26 %), газированных напитков, соков промышленного производства (17 %), овощей и фруктов, отличающихся повышенным содержанием сахара (9 %), при этом почти треть родителей данной категории отметили отсутствие избытка продуктов (28 %).

Режим питания имеет определяющее значение для правильного роста и развития школьников. По результатам социологического опроса, около половины

¹⁷ В России утверждены нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения страны. См: Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания [Электронный ресурс] : Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 авг. 2016 г. № 614. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (дата обращения: 16.02.2021).

опрошенных родителей отметили, что организуют питание детей более трех раз в день (46 %) и три раза в день (44 %), 6 % детей питаются 1–2 раза в день. Одним из значимых факторов, определяющих организацию питания детей, является соблюдение правильного режима самими родителями. Исследование показало, что почти половина опрошенных родителей придерживается режима трехразового питания (43,3 %), более трех раз в день питается каждый третий (37,3 %), каждый десятый респондент питается не чаще 1–2 раз в день (11,6 %).

Более половины опрошенных родителей сообщили об отсутствии дефицита (53 %) и избытка (60 %) различных продуктов питания, при этом каждый третий респондент (30 %) заявил о дефиците рыбы и морепродуктов в рационе детей, 16 % – молочных продуктов, бобовых и орехов. Избыток хлебобулочных изделий в рационе отметили 18 % родителей, газированных напитков и соков промышленного производства – 17 %, сахара и меда – 12 %, что свидетельствует о разнице в экономической доступности данных продуктов.

Структура расходов семьи на питание. Результаты социологического исследования показали, что треть семей (29 %) расходует на питание от 10 до 15 тыс. руб. в месяц, четверть опрошенных (24,2 %) – 8–9 тыс. руб., у незначительной доли респондентов (1,9 %) расходы на питание составляют от 2 до 3 тыс. руб. в месяц. Анализ зависимости режима питания школьников от структуры расходов семьи на питание позволил сделать следующие выводы: 1) у половины опрошенных родителей, чьи дети питаются не чаще 1–2 раз в день (50 %), расходы на приобретение продуктов составили не более 2–3 тыс. руб.; 2) более трети семей, обеспечивающих детям трехразовое питание (39,7 %), тратили на питание от 8 до 9 тыс. руб.; 3) две трети семей, в которых сумма расходов на питание всех членов семьи составляла более 25 тыс. руб. в месяц, организуют питание своих детей более трех раз в день (66,7 %).

По результатам выборочных обследований семей с детьми в возрасте до 16 лет, в семьях с тремя и более детьми в рационе преобладают хлебные, макаронные продукты, картофель и наблюдается недостаточное употребление мясных и рыбных продуктов. В 2018 г. разница между многодетными и однодетными семьями в потреблении мясных продуктов составила 22 %, а рыбных продуктов – 15 % в пользу однодетных семей, что позволяет сделать вывод о преобладании в семьях с тремя и более детьми углеводной модели питания¹⁸.

Сравнительный анализ результатов социологического исследования и данных Росстата показал, что субъективная оценка респондентами нормативов потребления некоторых продуктов питания не во всех случаях соотносится с объективными статистическими данными относительно дефицита или избытка. Например, согласно опросу родителей, нет дефицита в употреблении овощей и фруктов, однако, по статистическим данным, уровень овощей и бахчевых в рационе не достигает нормы. В то же время большинство опрошенных

¹⁸ Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : сайт. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1361> (дата обращения: 16.02.2021).

сообщили о недостаточном употреблении молочных и мясных продуктов, а по данным Росстата, наоборот, зафиксировано их избыточное потребление.

Физическая активность. Одним из значимых факторов формирования здоровьесберегающего габитуса является физическая культура. Согласно ответам родителей, подавляющее большинство школьников посещают уроки физической культуры. Положительная оценка этой дисциплины большинством родителей (70 %) обосновывается тем, что занятия способствуют физическому развитию ребенка и помогают улучшить успеваемость в школе, в то же время почти треть родителей (28 %) объясняют посещение уроков физической культуры ребенком требованиями образовательной программы.

Исследование выявило преобладание выраженной гипокинезии в образе жизни многих семей. Только треть респондентов (36 %) самостоятельно занимается физической культурой. Половина респондентов отметили позитивное влияние спортивного образа жизни на физическую форму (50,6 %), настроение (18,6 %), иммунитет (16,3 %).

Объективные условия занятости населения определяют преобладание пассивных поведенческих стратегий в организации досуга и свободного времяпрепровождения. Исследование позволило выделить две группы причин, мешающих вести спортивный образ жизни. К первой группе относятся поведенческо-мотивационные причины: на первом месте значится «загруженность на работе»; на нее ссылаются две трети респондентов (60 %); для четверти опрошенных причина заключается в отсутствии мотивации и интереса (13,6 и 12,6 % соответственно). Вторая группа включает в себя причины материального положения семьи – 12,6 % отметили отсутствие средств для занятий спортом. Проблемы гипокинезии и длительных статических нагрузок во время учебных занятий являются актуальными и требуют ее решения на всех уровнях.

На реализацию профилактики заболеваний среди населения, регламентируемую Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и приказами Министерства здравоохранения и социального развития, направлена деятельность детских центров здоровья, способствующих формированию здоровьесберегающего габитуса поведения граждан Российской Федерации. Одной из основных функций данных центров является работа по формированию у населения принципов «ответственного родительства»¹⁹.

¹⁹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=325674&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.19471556727130124#035879916641779363; Требования к организации деятельности центров здоровья для детей по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака [Электронный ресурс] : Приложение № 6 к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 19 авг. 2009 г. № 597н (с изм. и доп. от 8 июня 2010 г., 19 апр., 26 сент. 2011 г., 30 сент. 2015 г.). URL: <https://base.garant.ru/12169847/7dede6ac8f25be619ed07c17ed1c62ce9/> (дата обращения: 16.02.2021).

Анализ структуры досуговой деятельности школьников показал, что занятия спортом (23 %) и подвижные игры (17 %) в два раза менее популярны среди подростков, чем виртуальное пространство (интернет, телефон, планшет) – 54 %. Нарастание негативных тенденций подтверждают также результаты комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного в 2016 г.: дети 15–18 лет 73,1 % времени, проведенного в интернете, тратили на скачивание фильмов, музыки и игр, сетевые игры. За период 2011–2016 гг. данный показатель вырос на 9,3 % [26].

Институт семьи является одним из самых значимых факторов социализации, его влияние сопровождает жизнь человека, воспроизводит семейные поведенческие стратегии, транслируемые следующим поколениям. Габитус здоровьесберегающего поведения родителей определяет поведение и здоровье детей, во многом копирующих жизненные сценарии своих родителей. Одной из задач проведенного исследования было выявление приоритетов родителей в обеспечении здорового образа жизни семьи. Родители признают необходимость соблюдения основных принципов здоровьесбережения: правильного и рационального питания (62,2 %), соблюдения гигиены (59,4 %), полноценного сна (56,8 %), благоприятной психологической обстановки (54,6 %), соблюдения режима дня (52,4 %), прогулок на свежем воздухе (48,3 %), занятий спортом, физических упражнений (44,8 %).

Среди наиболее эффективных мер сохранения здоровья детей родители выделили пребывание на свежем воздухе, сбалансированное питание, соблюдение режима дня, занятия спортом. 15,0 % родителей отметили необходимость приема витаминов и пищевых добавок, 5,4 % – посещения сауны и закаливания. Перекрестный анализ таблиц сопряженности по двум вопросам: чему семья должна уделять внимание и что делает семья, чтобы укрепить здоровье ребенка/детей и предупредить возможные заболевания, позволил выявить определенные расхождения в ответах большинства родителей. Среди заявивших, что семья должна правильно питаться, реализуют практики сбалансированного питания лишь 23,0 % опрошенных, среди респондентов, отдающих предпочтение прогулкам на свежем воздухе, регулярно их совершают лишь 36,0 %, а за соблюдением режима дня ребенка следят только 17,0 % респондентов.

По итогам анализа ответов родителей были определены следующие плановые траектории повышения качества жизни семьи в сфере здоровьесбережения: занятия гимнастикой, плаванием, другими видами спорта (60,0 %); обеспечение сбалансированного питания (36,0 %); увеличение времени отдыха/сна (23,7 %). Родители школьников осознают, какие особенности ежедневной жизнедеятельности препятствуют тому, чтобы вести более здоровый образ жизни или иметь возможность заниматься своим физическим состоянием. 15 % опрошенных признали, что ввиду занятости не уделяют достаточно внимания своей физической форме. Важным результатом опроса стала

зафиксированная у сравнительно небольшой группы родителей школьников (12 %) саморефлексия – востребованность умения релаксации, навыков выходить из стресса, психологических методик для сохранения устойчивого психологического фона как взрослых, так и детей.

Обсуждение и заключение. По итогам исследования был выделен ряд факторов, определяющих образ жизни современных школьников, которые оказывают отрицательное влияние на формирование их здоровья в условиях значительных учебных нагрузок, интенсификации учебного процесса и высокого уровня занятости, в том числе компьютерной, во внеучебное время. К ним относятся несоблюдение возрастных регламентов режима дня, низкая двигательная активность, неудовлетворительная организация и ухудшение качества питания в семье, несформированность габитуса поведения родителей, ориентированного на здоровьесбережение. Сделанные выводы подтверждаются исследованиями в других регионах России.

Проведен анализ режима и структуры питания детей школьного возраста. Одним из важнейших факторов, определяющих детский режим питания, является соблюдение правильного режима их родителями. Были исследованы данные по объему потребления пищевых продуктов, пищевой и энергетической ценности рациона детей и взрослых, специфике его формирования. Сложившиеся жизненные ориентации родителей, отсутствие среди них мотивации к здоровому образу жизни не способствуют реализации здоровьесберегающих практик в воспитании и развитии детей. Исследователи отмечают основополагающее значение формирования позитивного габитуса поведения в семье на ценностном уровне, а также роли родителей в формировании благополучного цивилизованного общества [26].

Актуальность решения вопросов, характеризующих здоровьесберегающие практики семей с детьми-школьниками, в частности пассивного физического образа жизни, неправильного питания семей с детьми, отмечают Г. Ф. Зинатуллина [9], Ч. И. Ильдарханова²⁰. В результате анализа ответов родителей учащихся о декларируемых нормах здоровьесбережения и их реальном поведении выявлены существенные несоответствия между осознанием родителями значимости мероприятий, способствующих укреплению здоровья детей, и их реализацией на практике. Полученный в ходе исследования вывод выдвигает серьезную проблему безответственного отношения родителей как к собственному здоровью, так и к здоровью семьи.

Исследование показало, что среди основных задач государственной политики в интересах детей формирование здоровьесберегающего габитуса подростков выступает в качестве приоритетной и включает в себя, в первую очередь, ориентацию на физическую активность и сбалансированное питание.

²⁰ Ильдарханова Ч. И. Здоровый образ жизни семей с детьми: парадоксы общественного сознания // Траународная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020». Сб. материалов. М. : МАКС Пресс, 2020. С. 625–627.

Эффективность их решения зависит от непосредственного участия семьи в этих процессах. Образ жизни и уровень здоровьесберегающей культуры родителей, перенятые детьми, переносятся во взрослую жизнь и далее во вновь создаваемые семьи. Необходимо предпринимать усилия по стимулированию родителей на конкретные действия по реализации здоровьесберегающих практик в семье, способствующих рациональной организации жизнедеятельности детей, формированию позитивного отношения к здоровью и здоровому образу жизни.

Расширение территориального охвата данного исследования, проведение подобных социологических исследований в других регионах России будут способствовать обобщению результатов и позитивного опыта для выработки практических рекомендаций по принятию научно обоснованных управленческих решений для повышения эффективности образовательной и оздоровительной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. A Snapshot of European Children's Eating Habits: Results from the Fourth Round of the WHO European Childhood Obesity Surveillance Initiative (COSI) / J. Williams [et al.] // *Nutrients*. 2020. Vol. 12, issue 8. doi: <https://doi.org/10.3390/nu12082481>

2. Prevalence of Severe Obesity among Primary School Children in 21 European Countries / A. Spinelli [et al.] // *Obesity Facts*. 2019. Vol. 12, no. 2. Pp. 244–258. doi: <https://doi.org/10.1159/000500436>

3. Kansra A. R., Lakkunarajah S., Jay M. S. Childhood and Adolescent Obesity: A Review // *Frontiers in Pediatrics*. 2021. Vol. 8. doi: <https://doi.org/10.3389/fped.2020.581461>

4. Саитова Р. З., Ахметьянова А. И., Колевид Г. Р. Проблемы воспроизводства трудовых ресурсов // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 2. С. 152–157. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42091> (дата обращения: 15.02.2021).

5. Edwards R. Introduction: Conceptualising Relationships: Between Home and School in Children Lives // *Children, Home and School: Resistance, Autonomy or Connection?* / R. Edwards (ed.). London : Routledge, 2002. 208 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203005163>

6. Edwards R. Introduction // *Researching Families and Communities: Social and Generational Change*. London : Routledge, 2008. Pp. 1–10. URL: <https://books.google.co.ls/books?id=2UR8AgAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 15.02.2021).

7. McCarthy J. R., Edwards R., Gillies V. *Making Families: Moral Tales of Parenting and Step-parenting*. London : Sociology Press, 2003. 172 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315074634>

8. Погодина В. А., Бабенко А. И., Татаурова Е. А. Методологические подходы изучения формирования здоровья семьи через реализацию ее функций // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2016. № 60 (1). С. 44–49. doi: <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2016-60-1-44-49>

9. Зиннатуллина Г. Ф. Социобиологическое благополучие детей школьного возраста в оценках родителей (кейс Республики Татарстан) // *Социальное пространство*. 2020. Т. 6, № 4. doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2020.4.26.4>

10. Positive Parenting Approaches and their Association with Child Eating and Weight: A Narrative Review from Infancy to Adolescence / K. N. Balantekin [et al.] // *Pediatric Obesity*. 2020. Vol. 15, issue 10. doi: <https://doi.org/10.1111/ijpo.12722>
11. Health-Saving Technologies in Education / M. I. Mukhin [et al.] // *Journal of Southwest Jiaotong University*. 2020. Vol. 55, no. 1. doi: <https://doi.org/10.35741/issn.0258-2724.55.1.19>
12. Quality of Life for Schoolchildren of 11-15 Years Old Depending on their Level of Physical Activity / A. I. Seselkin [et al.] // *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2018. Vol. 9, issue 6. Pp. 1084–1093. URL: [http://www.rjpbcs.com/pdf/2018_9\(6\)/\[146\].pdf](http://www.rjpbcs.com/pdf/2018_9(6)/[146].pdf) (дата обращения: 15.02.2021).
13. Кучма В., Горелова Ж. Международный опыт организации школьного питания // *Вопросы современной педиатрии*. 2008. Т. 7, № 2. С. 14–21. URL: <https://vsp.spr-journal.ru/jour/article/view/1363> (дата обращения: 15.02.2021).
14. Горелова Ж. Ю. Современные отечественные и зарубежные исследования о здоровом питании детей и подростков // *Здоровье семьи – 21 век*. 2018. № 1 (1). С. 25–41. URL: <http://www.fh-21.perm.ru/download/2018-1/2018-1-25-41.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).
15. Арисов А. В., Гращенко Д. В., Чугунова О. В. Анализ организации питания детей в России и за рубежом // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2018. Т. 7, № 3 (43). С. 80–86. URL: https://vek21.penzgtu.ru/wp-content/uploads/2018/07/2018_43.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
16. Preschool and School Meal Policies: An Overview of What We Know about Regulation, Implementation, and Impact on Diet in the UK, Sweden, and Australia / P. J. Lucas [et al.] // *Nutrients*. 2017. Vol. 9, issue 7. doi: <https://doi.org/10.3390/nu9070736>
17. Design, Testing and Validation of an Innovative Web-Based Instrument to Evaluate School Meal Quality / E. Patterson [et al.] // *Public Health Nutrition*. 2013. Vol. 16, issue 6. Pp. 1028–1036. doi: <https://doi.org/10.1017/S1368980012004211>
18. Dietary Habits of Adolescents Living in North America, Europe or Oceania: A Review on Fruit, Vegetable and Legume Consumption, Sodium Intake, and Adherence to the Mediterranean Diet / A. Rosi [et al.] // *Nutrition, Metabolism and Cardiovascular Diseases*. 2019. Vol. 29, issue 6. Pp. 554–560. doi: <https://doi.org/10.1016/j.numecd.2019.03.003>
19. Factors Influencing Children's Eating Behaviours / S. Scaglioni [et al.] // *Nutrients*. 2018. Vol. 10, issue 6. doi: <https://doi.org/10.3390/nu10060706>
20. Разварина И. Н. Характер и факторы питания детей в России // *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 51-2. С. 70–75. doi: <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-46>
21. Мигунова Ю. В., Садыков Р. М. Питание детей в современной российской семье: социально-экономический аспект // *Вопросы питания*. 2018. Т. 87, № 2. С. 103–107. doi: <https://doi.org/10.24411/0042-8833-2018-10024>
22. Егорышев С. В., Садыков Р. М., Мигунова Ю. В. Социальные практики питания детей в малообеспеченных российских семьях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология*. 2019. Т. 19, № 3. С. 432–442. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442>
23. Журтова И. Б., Иванова М. З. Проблемы рационального питания детей и подростков и сопутствующие им эндокринные нарушения // *Фарматека*. 2018. № 4 (357). С. 54–58. doi: <https://dx.doi.org/10.18565/pharmateca.2018.4.54-58>

24. Богомолова И. К., Емельянова О. Н., Пискунова О. Г. Анализ фактического питания детей дошкольного и младшего школьного возраста, проживающих в г. Чите // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». 2020. Т. 22, № 2. С. 19–25. doi: <https://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2020-22-2-19-25>

25. Самарская Н. А., Якубова И. Ш. Состояние фактического питания детей в общеобразовательных организациях Южно-Сахалинска и способы его оптимизации // Профилактическая и клиническая медицина. 2018. № 1 (66). С. 17–22. URL: https://profclinmed.szgmu.ru/PIK_1-2018.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

26. Соколовская Т. А., Монахов М. В. Роль семьи в формировании «модели здоровья» у детей // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2018. № 3. С. 45–56. URL: <https://healthproblem.ru/magazines?text=197> (дата обращения: 15.02.2021).

Поступила 10.03.2021; одобрена после рецензирования 27.04.2021; принята к публикации 11.05.2021.

Об авторе:

Ершова Гузель Николаевна, старший научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лео-Булачная, д. 36а), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, ershova104@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Williams J., Buoncristiano M., Nardone P., et al. A Snapshot of European Children's Eating Habits: Results from the Fourth Round of the WHO European Childhood Obesity Surveillance Initiative (COSI). *Nutrients*. 2020; 12(8). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/nu12082481>

2. Spinelli A., Buoncristiano M., Kovacs V.A., Yngve A., Spiroski I., Obreja G., et al. Prevalence of Severe Obesity among Primary School Children in 21 European Countries. *Obesity Facts*. 2019; 12(2):244-258. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1159/000500436>

3. Kansra A.R., Lakkunarajah S., Jay M.S. Childhood and Adolescent Obesity: A Review. *Frontiers in Pediatrics*. 2021; 8. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3389/fped.2020.581461>

4. Saitova R.Z., Akhmetyanova A.I., Kolevid G.R. Problems of Reproduction of Labor Resources. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research. 2018; (2):152-157. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42091> (accessed 15.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Edwards R. Introduction: Conceptualising Relationships: Between Home and School in Children Lives. In: *Children, Home and School: Resistance, Autonomy or Connection?* London: Routledge; 2002. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4324/9780203005163>

6. Edwards R. Introduction. In: *Researching Families and Communities: Social and Generational Change*. London: Routledge and Kegan Paul; 2008. Available at: <https://>

books.google.co.ls/books?id=2UR8AgAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false (accessed 15.02.2021). (In Eng.)

7. McCarthy J.R., Edwards R., Gillies V. Making Families: Moral Tales of Parenting and Step-parenting. London: Sociology Press; 2003. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4324/9781315074634>

8. Pogodina V.A., Babenko A.I., Tataurova E.A. The Methodological Approaches of Studying Development of Family Health by Implementation of its Functions. *Zdravookhranenie Rossijskoj Federatsii* = Health Care of the Russian Federation. 2016; (60):44-49. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2016-60-1-44-49>

9. Zinnatullina G.F. Sociobiological Well-Being of School-Age Children in Parents' Estimates (The Case of the Republic of Tatarstan). *Socialnoe prostranstvo* = Social Area. 2020; 6(4). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2020.4.26.4>

10. Balantekin K.N., Anzman-Frasca S., Francis L.A., Ventura A.K., Fisher J.O., Johnson S.L. Positive Parenting Approaches and their Association with Child Eating and Weight: A Narrative Review from Infancy to Adolescence. *Pediatric Obesity*. 2020; 15(10). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/ijpo.12722>

11. Mukhin M.I., Sergeeva M.G., Ogurechnikova N.L., Pugachev I.A., Zarembo G.V., Dmitrichenkova S.V., Budiltseva M.B. Health-Saving Technologies in Education. *Journal of Southwest Jiaotong University*. 2020; 55(1). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.35741/issn.0258-2724.55.1.19>

12. Seselkin A.I., Bakai I.N., Kornev A.V., Studneva A.N., Komliakova E. Quality of Life for Schoolchildren of 11–15 Years Old Depending on their Level of Physical Activity. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2018; 9(6):1084-1093. Available at: [http://www.rjpbcs.com/pdf/2018_9\(6\)/\[146\].pdf](http://www.rjpbcs.com/pdf/2018_9(6)/[146].pdf) (accessed 15.02.2021). (In Eng.)

13. Kuchma V., Gorelova J. International Experience of Providing School Meals. *Voprosy sovremennoj pediatrii* = Issues of Modern Pediatrics. 2008; 7(2):14-21. Available at: <https://vsp.spr-journal.ru/jour/article/view/1363> (accessed 15.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Gorelova Zh.Yu. Modern Domestic and Foreign Researches on Healthy Nutrition Children and Adolescents. *Zdorove semi – 21 vek* = Family Health – the 21 Century. 2018; (1):25-41. Available at: <http://www.fh-21.perm.ru/download/2018-1/2018-1-25-41.pdf> (accessed 15.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Arisov A.V., Grashchenkov D.V., Chugunova O.V. Analysis of the Organization of Nutrition of Children in Russia and Abroad. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashhego pyus* = XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present Plus. 2018; 7(3):80-86. Available at: https://vek21.penzgtu.ru/wp-content/uploads/2018/07/2018_43.pdf (accessed 15.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Lucas P.J., Patterson E., Sacks G., Billich N., Evans C.E.L. Preschool and School Meal Policies: An Overview of What We Know about Regulation, Implementation, and Impact on Diet in the UK, Sweden, and Australia. *Nutrients*. 2017; 9(7). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/nu9070736>

17. Patterson E., Quetel A.-K., Lilja K., Simma M., Olsson L., Schäfer Elinder L. Design, Testing and Validation of an Innovative Web-Based Instrument to Evaluate School Meal Quality. *Public Health Nutrition*. 2013; 16(6):1028-1036. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1017/S1368980012004211>

18. Rosi A., Paoletta G., Biasini B., Scazzina F., Alicante P., De Blasio F., et al. Dietary Habits of Adolescents Living in North America, Europe or Oceania: A Review on Fruit, Vegetable and Legume Consumption, Sodium Intake, and Adherence to the Mediterranean Diet. *Nutrition, Metabolism and Cardiovascular Diseases*. 2019; 29(6):554-560. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.numecd.2019.03.003>

19. Scaglioni S., De Cosmi V., Ciappolino V., Parazzini F., Brambilla P., Agostoni C. Factors Influencing Children's Eating Behaviours. *Nutrients*. 2018; 10(6). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/nu10060706>

20. Razvarina I.N. Character and Factors in Nutrition of Children in Russia. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* = Trends in the Development of Science and Education. 2019; (51-2):70-75. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-46>

21. Migunova Yu. V., Sadykov R.M. Nutrition of Children in Modern Russian Family: Social and Economic Aspect. *Voprosy pitaniya* = Problems of Nutrition. 2018; 87(2):103-107. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/0042-8833-2018-10024>

22. Egoryshev S.V., Sadykov R.M., Migunova Y.V. Social Food Practices of Children in the Low-Income Russian Families. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* = RUDN Journal of Sociology. 2019; 19(3):432-442. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442>

23. Zhurtova I.B., Ivanova M.Z. Problems of Rational Nutrition of Children and Adolescents and Associated Endocrine Disorders. *Farmateka* = Farmateka. 2018; (4):54-58. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://dx.doi.org/10.18565/pharmateka.2018.4.54-58>

24. Bogomolova I.K., Emelyanova O.N., Piskunova O.G. Analysis of Actual Nutrition of Preschool and Younger School Age Children in Chita. *Mediko-farmatsevticheskij zhurnal "Puls"* = Medical & Pharmaceutical Journal "Pulse". 2020; 22(2):19-25. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2020-22-2-19-25>

25. Samarskaya N.A., Iakubova I.Sh. Characteristics of Current Nutrition of Children in the General Educational Organizations of Yuzhno Sakhalinsk and Ways of its Optimization. *Profilakticheskaya i klinicheskaya meditsina* = Preventive and Clinical Medicine. 2018; (1):17-22. Available at: https://profclinmed.szgmu.ru/PIK_1-2018.pdf (accessed 15.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Sokolovskaya T.A., Monachov M.V. The Role of the Family in Forming the "Health Model" for Children. *Sovremennye problemy zdravookhraneniya i meditsinskoj statistiki* = Current Problems of Health Care and Medical Statistics. 2018; (3):45-56. Available at: <https://healthproblem.ru/magazines?text=197> (accessed 15.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 10.03.2021; approved after reviewing 27.04.2021; accepted for publication 11.05.2021.

About the author:

Guzel N. Ershova, Senior Research Officer, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Cand. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, ershova104@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 323.3

DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи

И. С. Шаповалова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Белгород, Российская Федерация),
shapovalova@bsu.edu.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена современной трансформацией института государственной молодежной политики, изменением ее функций, необходимостью рефлексии результатов уходящих форм управления и работы с молодежью. Цель статьи – на основе проведенного исследования оценить

удовлетворенность молодежи организацией основных мероприятий поддержки всех ее жизненных стратегий со стороны органов управления в сфере государственной молодежной политики.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили результаты опроса молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, проведенного в Белгородской области в 2020–2021 гг. На основе разработанного инструментария, в том числе с использованием онлайн-форм, были опрошены 866 респондентов; учащаяся и работающая молодежь интервьюировалась посредством уличного опроса. Унифицированность диагностики по каждой жизненной стратегии позволила получить сравнительную матрицу оценки по всем направлениям государственной молодежной политики.

Результаты исследования. Региональной российской молодежи дана рефлексивная оценка ключевых проблемных моментов в реализации направлений государственной молодежной политики и поддержки молодежи, показана заинтересованность и потенциал приобщения к мероприятиям и проектам, связанным с молодежной проблематикой. Построена карта удовлетворенности молодежи мероприятиями, предлагаемыми органами управления в сфере государственной молодежной политики.

Обсуждение и заключение. Оценка удовлетворенности молодежи той ситуацией, которая существует сегодня в сфере управления государственной молодежной политикой, находится на низком уровне, что позволяет говорить о недостаточной эффективности предлагаемых мер и ставить вопрос о предложении новых форматов

© Шаповалова И. С., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и стратегий развития работы с молодежью. Материалы исследования могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политикой, органами государственного и муниципального управления, молодежными организациями, образовательными учреждениями. Полученные данные в методическом и демонстрационном плане могут быть научным приращением для отраслевой социологии (социологии молодежи).

Ключевые слова: молодежь, направление государственной молодежной политики, молодежные проблемы, региональные проблемы, социальные стратегии, эффективность государственной молодежной политики

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31728 «Политическое мышление молодежи в российском пространстве политического выбора и самоидентификации».

Для цитирования: Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 902–932. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>

Original article

Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth

I. S. Shapovalova

*Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
shapovalova@bsu.edu.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the research is due to the modern transformation of the institute of state youth policy, the change in its functions, and the need to reflect on the results of outgoing forms of administration and work with youth. Based on the conducted research, the article assesses the satisfaction of young people with the organization of the main measures to support all of their life strategies implemented by the governing bodies in the field of state youth policy.

Materials and Methods. The results of a survey of young people aged 16 to 30, conducted in the Belgorod Region in 2020-2021, were used as the research materials. Based on the developed tools, including using online forms, 866 respondents were interviewed; students and working youth were interviewed through a street survey. The uniformity of diagnostics for each life strategy made it possible to obtain a comparative evaluation matrix in all areas of the state youth policy.

Results. Regional Russian youth have given a reflexive assessment of the key problematic points in the implementation of the state youth policy and youth support; their interest in and the potential of involvement in activities and projects related to youth issues have been revealed. A map of youth satisfaction with the activities proposed by the governing bodies in the field of the state youth policy has been drawn.

Discussion and Conclusion. The youth satisfaction with the situation that exists today in the field of state youth policy management is assessed as quite low, which makes it possible to conclude that the proposed measures are insufficiently effective and to raise the question

of proposing new formats and strategies for developing work with youth. The research materials may be in demand by state youth policy administration bodies, state and municipal government bodies, youth organizations, and educational institutions. The data obtained can be a scientific increment for sectoral sociology (sociology of youth) in the methodological and demonstrative terms.

Keywords: youth, direction of the state youth policy, youth problems, regional problems, social strategies, effectiveness of the state youth policy

The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The study was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute (EISI) as part of the scientific project No. 21-011-31728 “Political Thinking of Youth in the Russian Space of Political Choice and Self-Identification”.

For citation: Shapovalova I.S. Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):902-932. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>

Введение. Тема государственной молодежной политики в условиях последних реалий, связанных с высокой социальной турбулентностью, вызванной как внутренними и внешними политическими факторами, так и цивилизационным фактором пандемии, все чаще возникает в качестве приоритетной повестки и обсуждения заинтересованного сообщества (административные работники, политики, ученые, лидеры общественного мнения). Выполнение важнейших функций формирования молодежной среды, создание условий социализации и обеспечение национально-востребованных социализационных результатов соответствующими структурами управления в сфере государственной молодежной политики (ГМП) (на всех уровнях) ставятся под сомнение – возможность и реальность выполнения всех этих задач в современных условиях (в том числе и институциональных). Нет надобности дословно цитировать экспертов (разной степени доверия), озвучивших вердикт: молодежь мы потеряли, государственная молодежная политика показала свою несостоятельность, проиграв, сдавшись под напором обстоятельств, упразднив сама себя новым законом.

Сложно противостоять такой оценке, комплексному итогу восприятия ситуации, но, по нашему мнению, для ее преломления есть необходимость вернуться к вопросу об оценке эффективности реализации молодежной политики самой молодежью и рассмотреть ее основные направления и мероприятия, которые включены в планы и программы всех регионов Российской Федерации. Несмотря на законотворческие казусы, стоит увидеть тот проблемный периметр, те проблемные направления, где могут поджидать неприятные «сюрпризы», формирующие общий фон неудовлетворенности ситуаций у российской молодежи, ее социальное настроение и перспективы раскрытия социальных потенциалов.

Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить рефлексивную оценку молодежи системы государственной молодежной политики, провести сравнительный анализ удовлетворенности и информированности об основных мероприятиях поддержки жизненных стратегий и жизненного выбора молодых людей.

Обзор литературы. Взгляды на государственную молодежную политику и проблемы в ее исследовании и оценке несколько различаются у западных и отечественных ученых. Можно выделить несколько аспектов, которые представляют зарубежные авторы, анализирующие молодежную политику. Так, ученые стран, находящихся в определенном кризисе или пережившие его, часто предпочитают «острый проблемный акцент» в ее изучении. Бразильские ученые В. Тимотеу, И. де Матос Оливейра трактуют вопрос об отсутствии молодежной политики как нарушение прав человека [1] (что отсылает и нас к дискуссии отечественных ученых и чиновников по поводу отсутствия в новом Законе понятия «государственная молодежная политика»). Вопрос дискриминации определенных групп молодежи (в частности сельской) в контексте участия в молодежной политике поднимают в своей статье ученые из Зимбабве, где этот вопрос очень актуален [2]. А. Мартинес-Рейес и Х. Х. Наварро-Перес посредством качественных исследований показали бессилие современной молодежной политики Сальвадора противостоять росту молодежного бандитизма, хотя сами авторы видят большой потенциал этого социального института перед данным локальным бедствием, поглощающем молодежную культуру территории [3]. Нельзя в этой связи пройти мимо статьи, посвященной переоценке власти через национальную молодежную политику в послевоенном Непале, где представлен весь трагизм вовлечения молодежи в военные действия, ее разочарования и последующего возрождения. Автор показал, как национальная молодежная политика используется в качестве контекста для изучения того, как молодежные активисты устанавливают государственную власть помимо (насильственного) протеста [4].

Другим аспектом является анализ ситуации с позиции монопроблемы, требующей решения в одном из направлений молодежной политики. Например, проблемы управления молодыми людьми, находящимися в группе риска, при сочетании возможностей трудоустройства и нестабильности в управлении молодежной политикой Европейского союза [5]. Аналогичные вопросы поднимаются и другими авторами: помощь работающей молодежи, даже школьного возраста, – актуальная тема в обсуждении мер ее поддержки в рамках молодежной политики разных стран [6–8]. Следует назвать и ряд других тем помощи разным социальным группам молодежи, решения ее конкретных проблем посредством мероприятий и мер, заложенных в молодежной политике, например, перспективы и политика в отношении обездоленной молодежи в Испании [9]. Квинтэссенцией в этом ряду можно считать исследование, посвященное молодежи, вовлеченной в мультисистему: это дети и подростки,

одновременно обслуживающиеся в системах защиты детей, психического здоровья и/или ювенальной юстиции [10]. Авторы приходят к выводу, что «в настоящее время для молодежи и их семей, вовлеченных в мультисистему, отсутствуют стандартизированные и интегрированные процедуры скрининга для выявления молодых людей с открытыми случаями в различных системах обслуживания; неадекватное использование доступных инструментов для оценки воздействия сложной травмы; неадекватные клинические и связанные с семьей методы, основанные на фактических данных, специально для использования в этой группе населения; и плохое межсистемное сотрудничество и координация, которые согласовывают цели и целевые результаты в разных системах», и предлагают свои пути решения этой проблемы [10].

В связи с нашей темой интерес представляют статьи, дающие возможность увидеть систему в целом, ее возможности, ошибки и риски, универсальные для разных стран. Здесь выделим публикации, посвященные труду молодежных работников, технологиям их деятельности, трансформации функций в связи с современными реалиями. Так, С. Чалхи, М. Костер и Дж. Вермелен в своей статье показали, как молодежные работники в голландском городе объединяют, казалось бы, несовместимые миры: политику развития их организаций и государства, с одной стороны, и практики, потребности и надежды молодых людей – с другой. При этом дан нетривиальный взгляд на функции организаторов работы с молодежью – они сравниваются с брокерами, призванными соединить интересы разных сторон и урегулировать их ко всеобщему согласию и удовлетворению [11].

Есть очень интересные работы, не просто поднимающие реальные проблемы, но и затрагивающие методологические вопросы, демонстрирующие парадоксы зарубежной молодежной политики (логика которых применима и к нашим реалиям). Например, Э. Дэвидсон и Э. Карлин поднимают вопрос о том, что в условиях неравенства молодежи (определенного территорией проживания) в рамках планирования мероприятий поддержки в молодежной политике делается «упор на индивидуальные защитные факторы». «Следствием этого является не молодежная политика, основанная на активах, которая поддерживает всех молодых людей, а скорее форма устойчивости, которая способствует “закалке” молодых людей; делая их сильнее и устойчивее к невзгодам». Авторы считают, что «эти невзгоды можно предотвратить в рамках более справедливого социального порядка» [12, р. 479].

Еще один анализ направлений молодежной политики представили Д. Маццони, Э. Чиконьяни, К. Чифатте, Б. Цани и Л. Флореста на примере Италии [13]. Ученые, проанализировав документы национальной молодежной политики, четко разделяют три ее направления, каждое из которых характеризуется различным позиционированием молодых людей и целей в их отношении: представление молодых людей как талантов (подразумевает ориентацию на развитие навыков); видение молодежи как ресурса (связано

с продвижением их возможного вклада в общество); негативные представления о молодежи (характеризуют защитные для нее решения).

Г. Никипорец-Такигава исследует текущее положение молодежи и опыт реализации молодежной политики в Великобритании после выхода страны из Европейского союза [14]. Автором выделены последствия неэффективной молодежной политики в виде радикализации молодежи и других признаков слабости роли молодежи в политической жизни страны. Автор подчеркивает необходимость укрепления молодежной политики для развития политического сознания у молодежи, обеспечения межкультурного диалога между проживающими в стране представителями различных этнических и религиозных групп, интеграции оставшихся иммигрантов в принимающее общество и формирования гражданской идентичности среди молодежи Великобритании после Брексита [14]. Аналогичные вопросы солидаризации европейской молодежи затрагивают А. Вальтер, Д. Г. Люксюлю, П. Лонкл, А. Паис в исследовании, посвященном сравнительному анализу молодежной политики и общественному участию молодежи в европейских городах [15].

К сожалению, статей с новой, интересной методологией, системным видением и сравнительным анализом ситуации меньшинство. Молодежная политика зарубежных стран рассматривается скорее как отрасль социальной работы: широко представлены социальные технологии для работы с разными проблемными группами и ситуациями, но фактически не изучаются аспекты, связанные с молодежным лидерством, самосознанием, культурой, активной позицией, самоуправлением и т. д., с чем до недавнего времени постулировала, на чем стояла наша государственная молодежная политика.

Вопрос эффективности, оценки молодежной политики практически не представлен среди западных ученых. Так, мы смогли найти только одну работу, где ученые произвели такую оценку (посредством молодежной рефлексии) и выделили 17 межотраслевых молодежных показателей, важных для программирования и стратегического планирования молодежной политики. Авторы сделали ряд выводов о проблемном периметре, который, по-нашему мнению, весьма комплементарен российской повестке: «молодежь рассматривала образование как шаг к самостоятельности и лучшему будущему. Молодежь старшего возраста признала важность приобретения реальных навыков, связанных с работой, и хотела получить больше возможностей для изучения и применения этих навыков. Приоритеты здравоохранения связаны с психическим здоровьем, профилактикой злоупотребления психоактивных веществ и репродуктивным здоровьем... Молодые люди выразили разочарование тем, что взрослые и общество в целом не слышат их голоса, и признали ограниченные возможности для развития лидерских ролей. Молодежь в условиях конфликта или нестабильности выражает сильное желание участвовать в жизни своего общества. ...Повышение осведомленности, улучшение координации и повышение навыков субъектов, поддерживающих развитие молодежи,

а также обеспечение того, чтобы молодежь находилась в центре этих усилий, повышают эффективность и последовательность молодежных программ и политики как части благоприятной среды» [16, р. 20]. Последний вывод в части информированности молодежи тождествен итогу нашего исследования.

Российский контент, посвященный молодежной политике в отечественной периодике, имеет существенное различие. Чаще даются не методические решения, а ситуационный анализ, затрагиваются методологические проблемы. Вопрос эффективности деятельности органов управления государственной молодежной политикой, напротив, притягателен для изучения, и многие ученые и исследователи занимаются поиском ключевых показателей и индикаторов такой оценки. А. Я. Криницкий, например, анализирует, предлагаемые «индикаторы» оценки ГМП на федеральном уровне и приходит к выводу, что «...сформированная разработчиками система показателей представляется недостаточно продуманной, не позволяющей четко фиксировать состояние молодежной среды. Отсутствуют базовые и ожидаемые значения показателей; индикаторы, отражающие их текущее состояние; детальная программа мониторинга, позволяющая отслеживать динамику изменений» [17, с. 25]. Итоговый вывод автора неутешителен – анализ ситуации по оценке ГМП в регионах показал, что региональные органы власти бездумно копируют «методику», а вместе с ней и ошибки, предлагаемые федеральными властями.

Поиском целевых показателей озабочены А. С. Крапивенский и С. Н. Карabanов. Ученые выявили парадокс между «требованиями» оценки (заложенной в федеральных рекомендациях) и «реализацией» такой оценки. На примере Волгоградской области авторы доказывают, что выделенные целевые показатели не зависят большей частью от органов управления молодежной политикой, тем самым еще раз поднимая проблему поиска эффективных методов оценки ГМП [18]. Проблему отсутствия показателей эффективности, и даже более того – «умной статистики» в отношении молодежной политики регионов России, поднимает и О. А. Рожнов [19].

Отдельным сегментом исследования можно считать научные работы, где государственная молодежная политика рассматривается как инструмент влияния на многоаспектный процесс социализации молодежи, капитализацию ее ресурса (о чем нам говорит Т. К. Ростовская¹) и как превентивный механизм в воспроизводстве девиаций [20; 21]. Обширный спектр эвристического и эмпирического труда не позволяет уместить их в формате исследовательской статьи и требует отдельного обзора и поиска наиболее эффективного осмысления всех подходов и практик к изучению всех элементов ГМП.

Чаще других в исследовательской практике и поиске инструментов измерения эффективности государственной молодежной политики мы видим региональный, иногда даже локальный, взгляд на проблемы реализации мероприятий

¹ Ростовская Т. К. Повышение человеческого капитала российской молодежи – стратегическая цель государственной молодежной политики // Фотинские чтения. 2015. № 1 (3). С. 133–138.

ГМП, обусловленный прежде всего уникальными условиями территорий, часто менталитетом (например, Е. В. Маликова представила исследования проблем молодежной политики Чеченской Республики, показав как культурная и экономическая парадигмы территории смещают акценты и меняют приоритеты ГМП² [22]), социально-культурным кодом, оказывающим влияние на контекст и показатели реализации всех направлений ГМП. Например, Т. А. Асеева и Я. Ю. Шашкова показывают возможности в оценке эффективности государственной молодежной политики через ее информационный компонент школьниками регионов Юго-Западной Сибири [23]; Е. Е. Асташина представляет инструментальные средства для измерения эффективности государственной молодежной политики на территории Самары [24]. Т. Б. Шиголакова знакомит нас с показателями эффективности ГМП в Республике Хакасия [25].

Встречаются работы ученых, связанные с поиском системных ошибок и, наоборот, прорывных потенциалов в сфере управления государственной молодежной политикой. Так, А. А. Зеленин приходит к интересному заключению, которое, на наш взгляд, очень точно выделяет «ядерную проблему» не только современной ГМП, но и принципиального отношения к молодежи и взаимодействия с молодым поколением: «концептуально ГМП в нашей стране базируется на образцах, сформированных в условиях демократического социального государства. Однако реальность часто демонстрирует воспроизводство матрично-обусловленных особенностей исторически сложившейся в СССР "партийно-государственной" модели молодежной политики. Наряду с бесспорными достижениями, эта модель содержала немало авторитарно-тоталитарных черт: избыточную идеологизированность и политизированность; директивную постановку общественно значимых целей; игнорирование потенциала различных общественных сил; формализм и бюрократизм партийно-государственного аппарата; принижение или замалчивание реальных проблем молодежи; отсутствие гибкости и своевременной реакции на изменение внешних и внутренних факторов развития; пренебрежение к правовому обеспечению молодежной политики»³.

М. У. Ярычев в рамках обсуждения эффективности государственной молодежной политики, которое он проводит посредством ретро-анализа исторического опыта ее создания и реализации, высказывает интересные идеи, объясняя преемственность проблем: «одна из главных опасностей в разработке и проведении государственной молодежной политики современной России – увлечение администрированием»; «смыслы и образы, формируемые в соответствии с данными науки, базовой системой ценностей, осознанным

² Маликова Е. В. Реализация федеральной модели государственной молодежной политики в контексте региональной специфики (на материалах Чеченской Республики) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2018. 28 с.

³ Зеленин А. А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей : автореф. дис. ... д-ра. полит. наук. Н. Новгород, 2009. С. 17.

и сформулированным национальным интересом – необходимое условие для проведения эффективной и подлинной молодежной политики. В противном случае, политические силы оказываются несамостоятельны и зависимы от источников смыслов и образов, цели и интересы которых могут не совпадать с целями и интересами российского общества и государства» [26, с. 70]. Очень актуальной в свете принятия нового закона становится следующая мысль: «важно, чтобы для разработки и проведения государственной молодежной политики через современную систему грантов и иных форм конкурентного и прозрачного финансирования к делу привлекались действительно лучшие специалисты, независимые в своих экспертных оценках, но и не являющиеся агентами идей и ценностей иного политического центра, отличного от российского государства и общества» [26, с. 69].

А. Э. Страдзе в своей работе показывает возможный «разворот парадигмы» восприятия ГМП, приближение ее к западному контексту (как отраслевой сегмент социальной работы и социальной политики) [27, с. 63].

В рамках расстановки проблемных акцентов в ГМП отдельной группой стоит дискурс о Законе «О государственной молодежной политике в Российской Федерации», развернувшийся в том числе и в информационном пространстве социальных сетей в 2020–2021 гг. В 2014 г., на фоне выделяемых авторами проблем реализации государственной молодежной политики, Н. А. Самохвалов пишет о том, что «в данной области имеется ряд проблемных аспектов, ключевым из которых является отсутствие единого Федерального закона "О государственной молодежной политике в Российской Федерации"» [28, с. 34]. Учеными «предлагается совершенствовать институциональную составляющую молодежной политики, основанную на трех важнейших элементах: законодательного, инфраструктурного и кадрового обеспечения реализации государственной молодежной политики» [29, с. 93]. В последующем дискурс выводит исследователей на анализ проекта закона, где отмечается, что «из 3 заявленных целей введения Закона авторы явно не достигают 2 – "обеспечение единства правовой терминологии", "создание действенного механизма ответственности". Да и по поводу "системности правового регулирования в данной сфере" есть много вопросов» [30, с. 66]. Это дополнительный аспект, позволяющий говорить о трудностях анализа эффективности ГМП – как выстраивать систему индикаторов, если не определено однозначно поле объекта и его основные модели функционирования.

Таким образом, проанализировав научный международный дискурс по теме статьи, мы приходим к пониманию неоднозначного восприятия понятия эффективности ГМП – фрагментарность, социальная направленность и как правило «технологизированность» за редким исключением, с позиции западных ученых, и попытки глубокого системного анализа, выхода на показатели и индикаторы со стороны российских исследователей. Если исследования западных, особенно европейских, ученых, отвечают на вопрос «Как делать?»,

то российская научная общественность озабочена весьма широким спектром проблем: «Как это получилось?», «Кто виноват?» и «Что делать?».

Поливариантность анализа эффективности ГМП привела нас к идее заложить несколько иной концептуальный алгоритм, основывающийся на базовом восприятии государственной молодежной политики как института, создающего среду, условия и предпосылки для успешной социализации молодежи и получения необходимого (государству и обществу) социализационного результата, отвечающего национальным стратегическим ориентирам, в том числе и в перспективной реализации социальных стратегий молодежи. Разделение социальных стратегий на основные жизненные сферы дало возможность соединить их с направлениями и мероприятиями молодежной политики и получить молодежную оценку их эффективности посредством диагностики удовлетворенности молодых людей. Более подробно о результатах исследования социальных стратегий молодежи и социализационных результатах поколенческой современности можно прочесть в статьях и научных трудах авторского коллектива Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета⁴.

Материалы и методы. В рамках тематики статьи в 2020–2021 гг. Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено исследование (повторный мониторинговый замер на региональном молодежном сообществе, первичное исследование 2018 г.), посвященное изучению социальных стратегий молодежи, затрагивающее вопросы оценки эффективности реализации государственной молодежной политики. Для получения информации о социальных чертах и стратегиях молодежи по 11 социальным направлениям была произведена диагностика проблем реализации одноименных направлений в работе с ней, отраженных в мероприятиях, программах и проектах ГМП (локального, регионального и федерального уровней). В опросе приняли участие 866 респондентов (молодежь Белгородской области), выборка квотная по отношению к возрастным периодам, полу и типу поселения, ошибка выборки относительно региональной генеральной совокупности составила 3,5 % при доверительной вероятности 95,0 %. Все респонденты

⁴ Шаповалова И. С., Кисиленко А. В., Заводян И. С. Общие тренды и уникальные социализационные траектории региональной молодежи : моногр. Белгород : ООО «ЭПИЦЕНТР», 2020. 254 с.; Шаповалова И. С. Самоохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (17–18 марта 2020 г.). Екатеринбург : Урал. федерал. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 181–188; Shapovalova I. S. Youth Communication Strategies: Communication without Borders and Site Traps // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication. Proceedings of the Middle-Term : Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA) (24–26 July). Moscow : Peoples' Friendship University of Russia, 2019. Pp. 110–117.

были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству. В качестве направлений оценки были определены реализации мероприятий ГМП по поддержке экономических, политических, карьерных, семейных, образовательных, общественных, духовно-нравственных, миграционных, досуговых, самосохранительных и коммуникативных стратегий. Унифицированность оценки по каждой жизненной стратегии позволила получить сравнительную матрицу оценки по всем направлениям государственной молодежной политики, для чего был выбран опросный метод (анкетирование).

Пилотажные исследования были проведены двумя методами: 1) пробный опрос молодежи (учащаяся, студенческая, работающая, N = 30) со скринингом сложности вопросов и понимания контента; 2) экспертное обсуждение инструмента (экспертами выступили ученые-социологи, ведущие преподаватели по направлению «Организация работы с молодежью», представители органов регионального управления государственной молодежной политикой, государственные и муниципальные служащие, курирующие поддержку молодежи в различных жизненных стратегиях, N = 9) со скринингом системности, охвата представленных форм поддержки, методической обоснованности и результативности (согласно целям исследования).

На основе разработанного инструментария (анкеты) были построены опросные онлайн-формы для студенческой молодежи, которая была проанкетирована согласно квотам направлений подготовки и курсов обучения (бакалавриат и магистратура). Онлайн-методом были опрошены и молодые преподаватели вузов, которые дополнили категорию работающей молодежи. Учащиеся и большая часть работающей молодежи были опрошены посредством уличного опроса. Для учащейся молодежи были учтены категории типа поселения, для работающей – категории трудовых организаций (государственные и негосударственные учреждения) и возраста. По итогу сбора данных был произведен ремонт выборки.

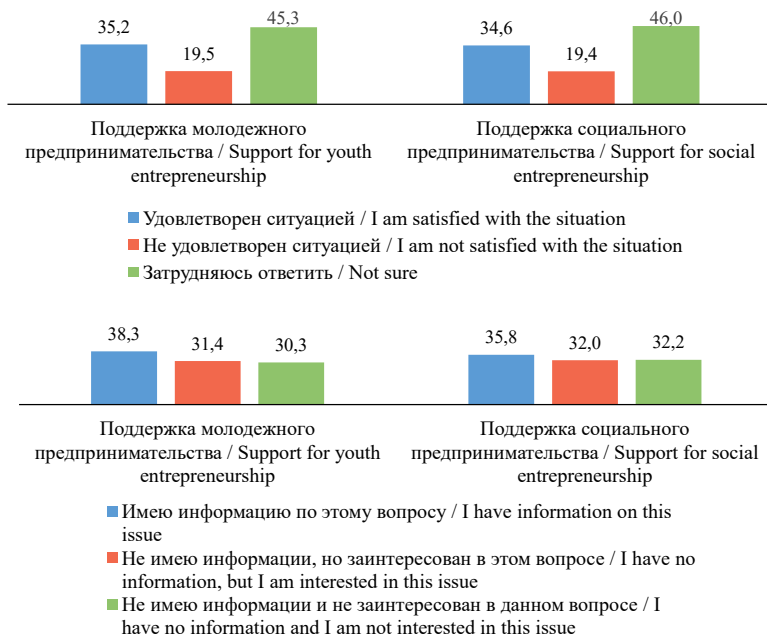
Показателями молодежной рефлексии по отношению к ситуации в ГМП стала оценка удовлетворенности мероприятиями, имеющими отношение к выделенным стратегиям, оценка осведомленности и заинтересованности в получении информации по мероприятиям. Таким образом, были оценены все 11 направлений поддержки молодежи в обеспечении ее гармоничного развития и существования. В статье представлены общие оценки удовлетворенности реализации направлений ГМП и информированности по ним без обсуждения влияния на общую социальную удовлетворенность молодежи (не входило в задачи исследования).

Результаты исследования. Последовательный анализ полученной информации по каждой социальной стратегии позволяет увидеть общий проблемный периметр реализации государственной молодежной политики и обозначить основные социальные дефициты по мнению региональной молодежной общественности.

Экономические стратегии. В рамках этих стратегий были определены два ключевых направления ГМП, связанные с поддержкой предпринимательской активности молодежи. Оценки здесь невысоки – удовлетворительно оценивают ситуацию в молодежной политике, связанную с развитием молодежного и социального предпринимательства, порядка 35 % опрошенных, чуть более 19 % характеризуют ее как неудовлетворительную.

Информированность молодежи о мероприятиях и программах поддержки предпринимателей показывает превалирование тех, кто не в курсе существующей ситуации (таких более 60 %), но одновременно с этим по каждому вопросу 31–32 % респондентов выражают заинтересованность в получении такой информации. В этой связи мы предполагаем, что расширение мероприятий информирования молодежи о поддержке предпринимательских инициатив способно увеличить количество вовлеченных в предпринимательское движение, повысить предпринимательскую активность молодежи (рис. 1).

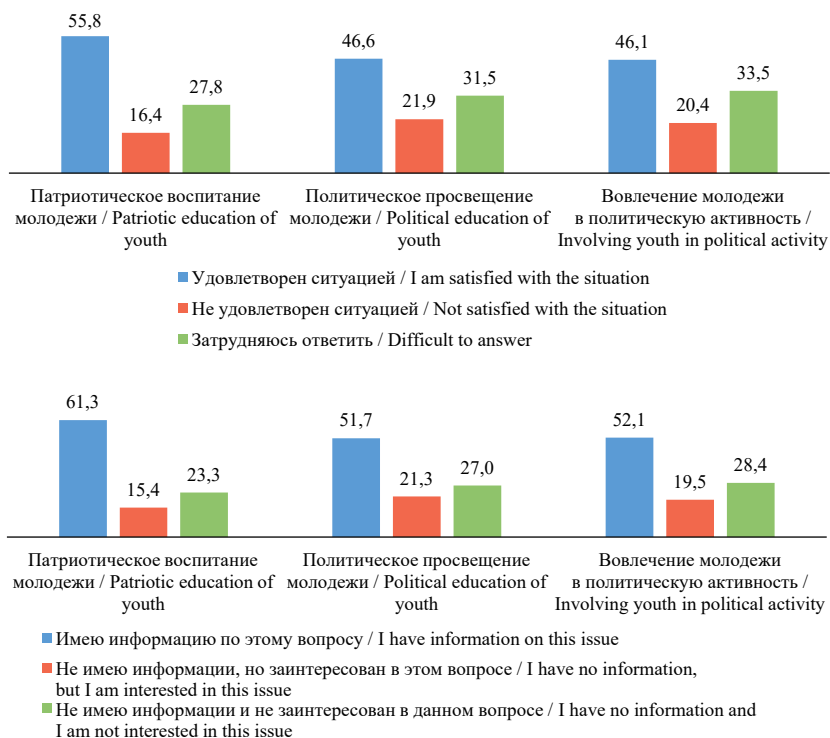

Р и с. 1. Оценка направлений молодежной политики в области экономических стратегий молодежи

F i g. 1. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth economic strategies

Политические стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики в регионе по этим стратегиям, молодые люди отмечают недостаточную удовлетворенность ситуацией по всем мероприятиям – как правило, показатель здесь не поднимается выше 55 %. В зоне большей удовлетворенности оказывается деятельность по патриотическому воспитанию молодежи, ниже 50 % опускаются значения удовлетворенности по политическому просвещению и вовлечению молодежи в политическую активность. Высокий процент затруднившихся с ответом снова указывает нам на проблемы информирования – трудно оценить то, о чем не знаешь – и, соответственно, также формирует вектор действий, отдельное направление по продвижению информации в рамках помощи в реализации политических стратегий (рис. 2).

Р и с. 2. Оценка направлений молодежной политики в области политических стратегий молодежи

F i g. 2. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth political strategies

Действительно, информированность по мероприятиям политического просвещения и вовлечения не превышает 52,0 %, чуть лучше обстоят дела с патриотическим воспитанием – 61,3 %. Исключенных из информационного поля, но желающих получать информацию по данным вопросам достаточно много (особенно что касается политического оснащения) – заинтересованные здесь составляют практически 1/5 опрошенного массива. Чуть менее эта группа представлена в отношении патриотического воспитания, но объединив между собой тех, кто имеет информацию и заинтересован в ней, мы выйдем на фактически одинаковый уровень заинтересованности молодежи в данном вопросе – он составляет порядка 70 % (72–76 %). Такой интерес в совокупности с высоким уровнем неинформированности формирует востребованность мероприятий, связанных с реализацией политического просвещения и повышением политической грамотности и дискуссионных компетенций.

Общественные стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики в регионе относительно поддержки общественных стратегий, молодые люди отмечают достаточную удовлетворенность ситуацией по всем мероприятиям – как правило, показатель здесь не опускается ниже 60 %. В зоне большей удовлетворенности оказывается деятельность по созданию условий для развития молодежного волонтерства (68,5 %), в меньшей – поддержка молодежных инициатив и деятельность органов молодежного самоуправления (60,1–60,5 %) (рис. 3).

Осведомленность по всем вопросам и мероприятиям поддержки общественных стратегий близится к 60 %. Наиболее низкие проценты получены в области информирования о деятельности органов молодежного самоуправления (56,7 %). Заинтересованность в данном вопросе у молодых людей, не имеющих информации, составляет порядка 20 % и в большей степени представлена в зоне проектной деятельности молодежи.

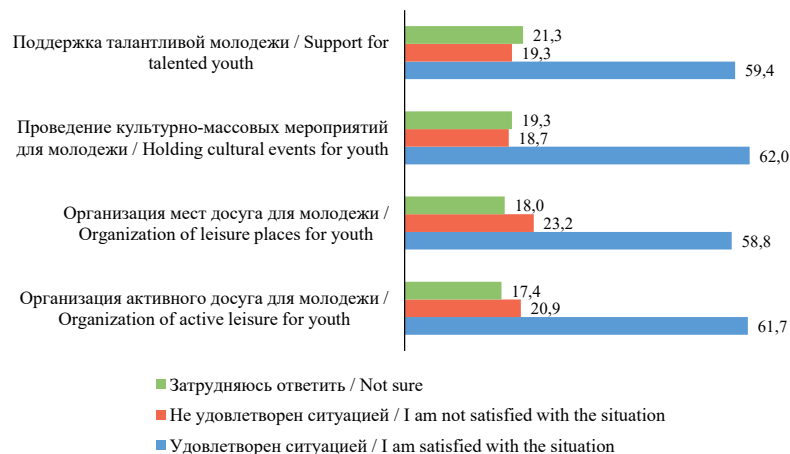
Досуговые стратегии. Молодежь весьма позитивно оценивает как организацию досуга, так и собственно программы и проекты поддержки развития талантов и культуры молодежи (рис. 4). Наибольшую неудовлетворенность она высказывает относительно организации мест досуга (23,2 %) и активного досуга (20,9 %). Информированность по мероприятиям поддержки досуговых выборов молодых людей близится к 65 %, исключение составляет информация о программах поддержки талантливой молодежи. По этому направлению выявлен наибольший процент заинтересованных в получении информации (22,5 %).

Семейные стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики в регионе относительно поддержки семейных стратегий, от 40 до 45 % молодежи удовлетворены ситуацией, связанной с половым воспитанием и помощью молодой семье (рис. 5). Наибольшую неудовлетворенность респонденты высказывают относительно полового воспитания молодежи.

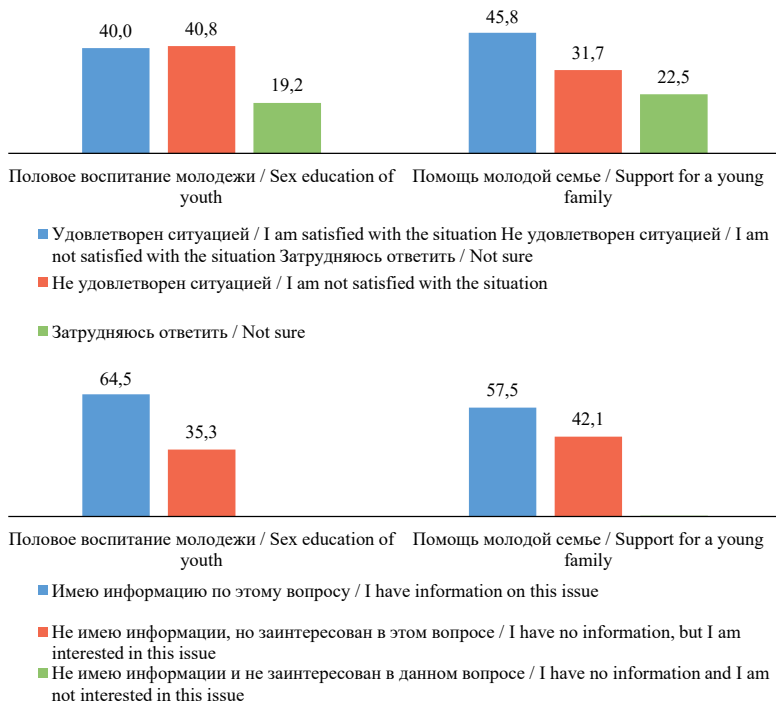
Р и с. 3. Оценка направлений молодежной политики в области общественных стратегий молодежи

F i g. 3. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth social strategies

Р и с. 4. Оценка направлений молодежной политики в области досуговых стратегий молодежи

F i g. 4. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth leisure strategies

Р и с. 5. Оценка направлений молодежной политики в области семейных стратегий молодежи

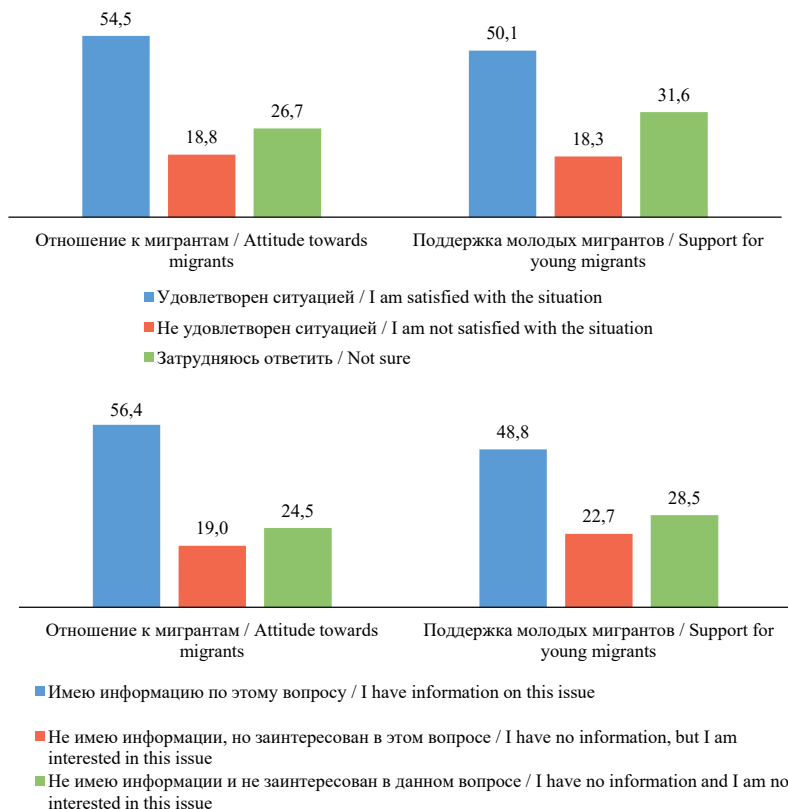
F i g. 5. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth family strategies

Информированность по мероприятиям поддержки семейных стратегий молодежи варьируется от 57,5 % в области направления помощи молодой семье и 64,5 % в области полового воспитания молодежи. Оставшиеся участники опроса напрямую заинтересованы в получении информации как по поддержке молодых семей, так и по половому воспитанию.

Миграционные стратегии и их поддержка в рамках государственной молодежной политики опрошенных в большей степени оценены удовлетворительно – как в связи с отношением к мигрантам, так и по поддержке молодых мигрантов (рис. 6). Неудовлетворительно оценивают работу в данном направлении чуть более 18 % опрошенных. 48,8 % респондентов подтвердили информированность по мероприятиям поддержки мигрантов относительно

вопросов работы с молодыми мигрантами, 56,4 % – вопросам регулирования и контроля отношения к мигрантам коренного населения региона. По этому направлению зафиксирован и наибольший процент заинтересованных в получении информации (22,7 %).

Р и с. 6. Оценка направлений молодежной политики в области миграционных стратегий молодежи

Fig. 6. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth migration strategies

Карьерные стратегии. Молодежь менее всего удовлетворена ситуацией поддержки работающей молодежи (49,4 %), при этом наибольшую удовлетворенность она показывает по вопросу организации профориентационных мероприятий (58,8 %) (рис. 7).

Р и с. 7. Оценка направлений молодежной политики в области карьерных стратегий молодежи

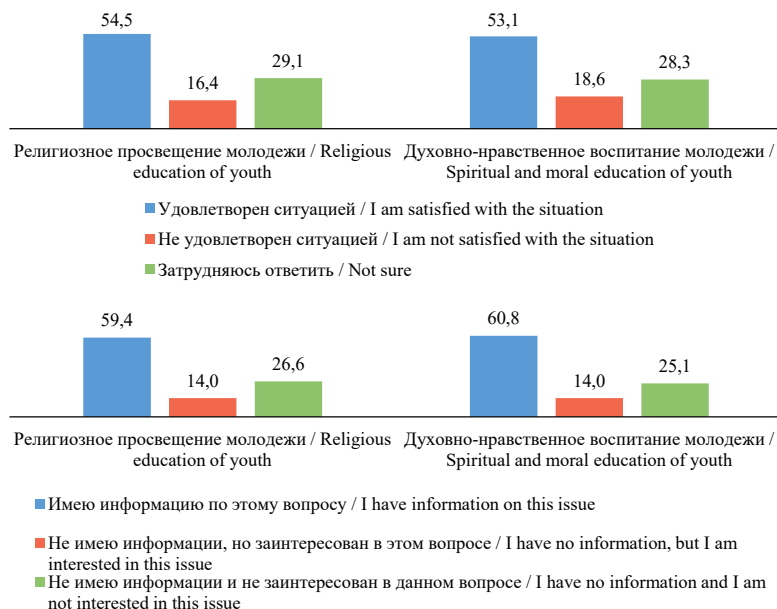
F i g. 7. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth career strategies

Наибольшая неудовлетворенность отмечается реализацией задач в области трудоустройства молодежи (27,2 %) и поддержки работающей молодежи (25,1 %). Информированность по мероприятиям поддержки карьерных возможностей имеет неровный характер: более всего молодые люди осведомлены о профориентационных мероприятиях (75,5 %), а менее всего – о молодежных трудовых отрядах. Следовательно, более всего опрошенные заинтересованы в информации о трудоустройстве и мероприятиях по поддержке работающей молодежи.

Духовно-нравственные стратегии. В направлении реализации молодежной политики относительно данных стратегий молодежь в большей степени показывает удовлетворенность как религиозным просвещением (54,5 %), так и мероприятиями по духовно-нравственному воспитанию (53,1 %) (рис. 8).

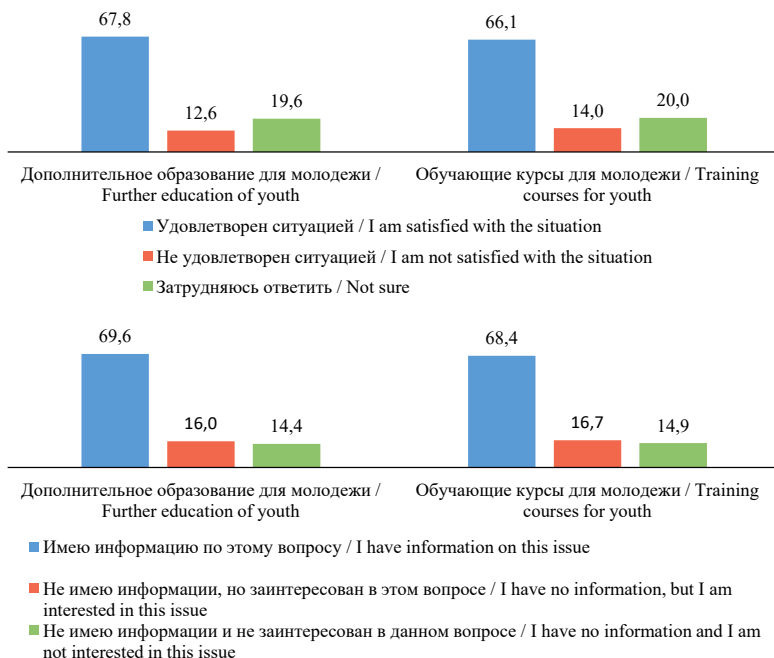
Р и с. 8. Оценка направлений молодежной политики в области духовно-нравственных стратегий молодежи

Fig. 8. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth spiritual and moral strategies

Информированность о мероприятиях духовно-нравственного развития молодежи отмечают 59,4–60,8 % респондентов, заинтересованность в получении информации (при ее отсутствии) в отношении двух направлений – 14,0 %. Незаинтересованность в дополнительной информации и участии показывают порядка четверти опрошенных.

Образовательные стратегии. Мероприятиями по направлениям поддержки образовательных стратегий молодежь в основном удовлетворена. Так, наличием обучающих курсов и возможностью получить дополнительное образование довольны 66,1–67,8 % (рис. 9). Неудовлетворительно оценивают работу в данном направлении менее 15,0 % опрошенных. Информированность по мероприятиям поддержки образовательных устремлений молодых людей демонстрируют 68,4–69,6 %. Отсутствие информации, но желание ее получить

испытывают 16,0 %, незаинтересованность демонстрирует группа в размере 14,0 % – по сути тождественная группе, ограничивающей образование университетом или школой (по данным других показателей нашего исследования).

Р и с. 9. Оценка направлений молодежной политики в области образовательных стратегий молодежи

F i g. 9. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth educational strategies

Самосохранительные стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики насчет самосохранительных стратегий, молодежь в большей степени высказывает удовлетворенность в отношении развития и поддержки молодежного спорта (65,6 %), приобщения к здоровому образу жизни (61,6), пропаганде здорового питания (59,2), развития спортивной инфраструктуры, доступной для молодежи (59,3 %). Менее других молодые люди удовлетворены ситуацией, связанной с работой медицинских заведений – 56,1 % (рис. 10). Показатели неудовлетворительных откликов формируют свой рейтинг, на вершине которого стоит неудовлетворенность работой медицинских учреждений (28,6 %), информированность населения о необходимости диспансеризации (24,0) и доступность бесплатной спортивной инфраструктуры (24,2 %).

Р и с. 10. Оценка направлений молодежной политики в области самосохранительных стратегий молодежи

F i g. 10. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth self-preservation strategies

Информированность по всем мероприятиям поддержки самосохранительного поведения достаточно высокая (в сравнении с другими стратегиями), менее других есть информированность о мероприятиях по диспансеризации населения и организации доступной и бесплатной спортивной инфраструктуры. По этим же вопросам группа молодых людей, не имеющих информации, но заинтересованных в ее получении, имеет самый высокий процент по этой категории – 18,0 %.

Коммуникативные стратегии. Направления реализации молодежной политики в регионе относительно коммуникативных стратегий оценены респондентами невысоко (рис. 11). Так, только по позиции организации клубов для общения удовлетворенность молодых людей поднимается до 55,9 %, по остальным же позициям (развитие киберспорта, работа с блогерами, регулирование интернет-контента) удовлетворительные оценки едва пересекают черту в 50,0 %. Неудовлетворительно оценивают работу в данном направлении чуть более 18,0 % опрошенных.

Р и с. 11. Оценка направлений молодежной политики в области коммуникативных стратегий молодежи

Fig. 11. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth communicative strategies

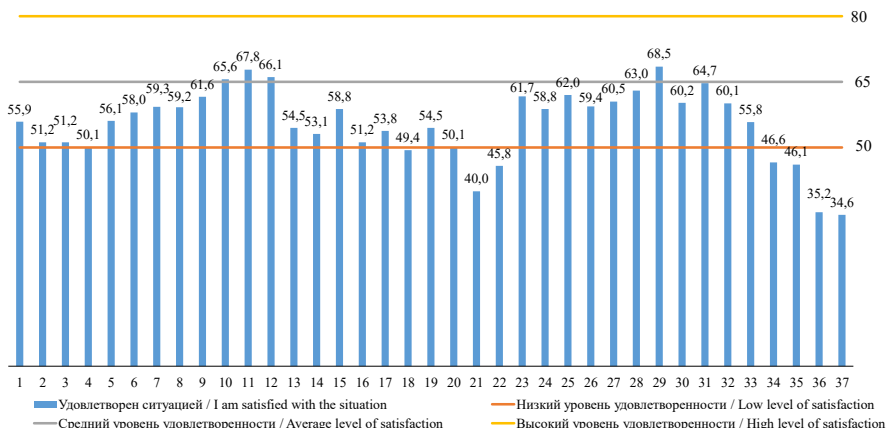
Информированность по мероприятиям поддержки коммуникативных стратегий и формирования коммуникативных моделей достигает максимума в 57,3 % по вопросам организации работы клубов для общения молодежи и не поднимается выше 52,0 % по всем остальным мероприятиям. Заинтересованность в получении информации при ее отсутствии демонстрируют в целом порядка 19–22 %, что при реализации мероприятий в этом направлении позволило бы повысить информированность до 70 % и выше.

Обсуждение и заключение. Итогом проведенного исследования становится карта удовлетворенности молодежи мероприятиями поддержки ее социальных стратегий (рис. 12), где в формате сегментарной оценки мы видим, как «проваливаются» направления, связанные с развитием молодежного предпринимательства, уходя в зону неудовлетворенности их результатами, впрочем как и сопровождение семейных стратегий молодежи, политических стратегий, поддержка работающей молодежи (что в связи с новым законом и увеличением возраста «молодого человека» становится особенно актуальным). Семья, труд, качество жизни (благополучие) – те фундаментальные стратегии, которые обеспечивают удовлетворение первичных социальных потребностей, они же самые «ресурсно-затратные» как с позиции самой молодежи, так и с позиции поддерживающих их институциональных субъектов. Политическая же «покинутость» молодых людей, их отрешенность, периферийность и одновременно вовлекаемость в имитационные политические действия – результат работы органов ГМП по поддержке этой социальной стратегии.

На графике карты предложена также уровневая оценка: до 50 % выборов – зона неудовлетворенности деятельностью органов управления ГМП (мы обозначили ее выше); от 50 до 64 % – низкая удовлетворенность, проявившаяся в оценках респондентов (этот уровень более других представлен на карте); после 65 % начинается уровень средней удовлетворенности, где зафиксировались только 4 мероприятия из списка – развитие молодежного спорта, предложение дополнительного образования и обучающих курсов и молодежное волонтерство; после 80 % начинается высокий уровень удовлетворенности – показателей в этом уровне, к сожалению, нет.

Какие же направления можно считать условно успешными, «удовлетворительно реализуемыми» органами управления в сфере государственной молодежной политики? Скорее, здесь можно говорить об образовательных, досуговых, общественных и самосохранительных стратегиях. В этом плане проще всего предлагать фрагментарные решения – не создавая системы воспроизводства результата по социальной стратегии, ориентироваться на востребованность быстрых, по сути досуговых, решений.

Таким образом, общий фон удовлетворенности государственной молодежной политикой в рефлексии региональной молодежи не превышает 68 % – значения, близкие к этому, фиксируются только по поддержке волонтерской деятельности и возможности получения дополнительного образования.

1. Организация клубов общения для молодежи / Organization of communication clubs for youth
2. Регулирование интернет-контента (кибер-дружины) / Internet content regulation (cyber squads)
3. Работа с молодежными блогерами / Working with youth bloggers
4. Развитие киберспорта / Cyber sports development
5. Работа медицинских учреждений / Work of medical institutions
6. Информированность населения о необходимости прохождения диспансеризаций / Awareness of the population about the need for medical examinations
7. Доступная бесплатная спортивная инфраструктура / Free sports infrastructure available
8. Пропаганда здорового питания / Promotion of healthy eating
9. Приобщение молодежи к ЗОЖ / Involvement of young people in healthy lifestyles
10. Развитие молодежного спорта / Promotion of youth sports
11. Дополнительное образование для молодежи / Further education of youth
12. Обучающие курсы для молодежи / Training courses for youth
13. Религиозное просвещение молодежи / Religious education of youth
14. Духовно-нравственное воспитание молодежи / Spiritual and moral education of youth
15. Профорентация молодежи / Career guidance for youth
16. Помощь в трудоустройстве молодежи / Assistance in youth employment
17. Молодежные трудовые отряды / Youth labor groups
18. Поддержка работающей молодежи / Support for working youth
19. Отношение к мигрантам / Attitude towards migrants
20. Поддержка молодых мигрантов / Support for young migrants
21. Половое воспитание молодежи / Sex education of youth
22. Помощь молодой семье / Support for a young family
23. Организация активного досуга для молодежи / Organization of active leisure for youth
24. Организация мест досуга для молодежи / Organization of leisure places for youth
25. Проведение культурно-массовых мероприятий для молодежи / Holding cultural events for youth
26. Поддержка талантливой молодежи / Support for talented youth
27. Поддержка молодежных инициатив / Support for youth initiatives
28. Молодежная общественная деятельность / Youth social activities
29. Молодежное волонтерство / Youth volunteering
30. Проектная деятельность молодежи / Youth project activities
31. Студенческое самоуправление / Student self-government
32. Органы молодежного самоуправления / Youth self-government bodies
33. Патриотическое воспитание молодежи / Patriotic education of youth
34. Политическое просвещение молодежи / Political education of youth
35. Вовлечение молодежи в политическую активность / Involving youth in political activities
36. Поддержка молодежного предпринимательства / Support for youth entrepreneurship
37. Поддержка социального предпринимательства / Support for social entrepreneurship

Р и с. 12. Карта удовлетворенности мероприятиями поддержки молодежи и реализации государственной молодежной политики

F i g. 12. Map of satisfaction with the activities aimed at supporting youth and implementing the state youth policy

Это реальная оценка существующей ситуации, реальная оценка тех условий, которые созданы для формирования «успешных» социальных стратегий, формирования региональной российской молодежи в достаточно успешном, по рейтинговым меркам, регионе России. Что делать с результатами такой оценки? Только планомерная разработка каждого направления, обеспеченная глубокой проработкой, анализом обратной связи, передового международного опыта и исключения имитационных практик, способна сдвинуть с места и дать весомый толчок для развития в данной области.

Практическая значимость представленных результатов обусловлена соблюдением принципа системного анализа и реализации обратной связи с общественностью в деятельности органов местного самоуправления и органов управления государственной молодежной политикой. Данные исследования могут быть использованы для анализа эффективности реализуемых мероприятий поддержки молодежи, работы с системой информированности молодежи о проектах региона, а также корректировки планирования таких мероприятий для будущей системы управления молодежной политикой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Timóteo W., De Matos Oliveira I. The Absence of Public Policies for Youth as an Offense to Human Rights // *Revista Brasileira de Políticas Públicas*. 2021. Vol. 11, no. 1. Pp. 419–431. doi: <https://doi.org/10.5102/RBPP.V11I1.6628>
2. Hlungwani P., Masuku S., Magidi M. Mainstreaming Youth Policy in Zimbabwe – What Role for Rural Youth? // *Cogent Social Sciences*. 2021. Vol. 7, issue 1. doi: <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.1893907>
3. Martínez-Reyes A., Navarro-Pérez J. J. Obstacles to Achieve the SDGS in El Salvador. Youth Policies, Young Gangs and NGOs: A Complex Analysis // *Iberoamerican Journal of Development Studies*. 2020. Vol. 9, issue 1. Pp. 28–51. doi: https://doi.org/10.26754/OJS_RIED/IJDS.444
4. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating Authority Through the National Youth Policy in Post-War Nepal // *Modern Asian Studies*. 2018. Vol. 52, issue 3. Pp. 1043–1075. doi: <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>
5. Mertanen K., Pashby K., Brunila K. Governing of Young People ‘at risk’ with the Alliance of Employability and Precariousness in the EU Youth Policy Steering // *Policy Futures in Education*. 2020. Vol. 18, issue 2. Pp. 240–260. doi: <https://doi.org/10.1177/1478210319838666>
6. Diferentes vulnerabilidades dos jovens que estão sem trabalhar e sem estudar / E. Rocha [et al.] // *Novos Estudos*. 2020. Vol. 39, no. 3. Pp. 545–562. doi: <https://doi.org/10.25091/S01013300202000030005>
7. Haikkola L. Shaping Activation Policy at the Street Level: Governing Inactivity in Youth Employment Services // *Acta Sociologica*. 2019. Vol. 62, issue 3. Pp. 334–348. doi: <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>

8. Hora O., Horáková M., Sirovátka T. Diversity of Youth Policy Regimes and Early Job Insecurity – Towards an Integrated Approach // *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies* / ed. by B. Hvinden [et al.]. 2019. Pp. 138–157. doi: <https://doi.org/10.4337/9781788118897.00014>
9. Hueso A., Boni A., Belda-Miquel S. Perspectives and Policies on Disadvantaged Youth in Spain: An Analysis Using the Capability Approach // *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. 2015. Vol. 152. Pp. 47–64. doi: <https://doi.org/10.5477/cis/reis.152.47>
10. Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice / S. Vidal [et al.] // *Adolescent Research Review*. 2019. Vol. 4. Pp. 15–29. doi: <https://doi.org/10.1007/s40894-018-0088-1>
11. Chalhi S., Koster M., Vermeulen J. Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and ‘High Risk’ Boys in the Netherlands // *Ethnos*. 2018. Vol. 83, issue 5. Pp. 850–867. doi: <https://doi.org/10.1080/00141844.2017.1362452>
12. Davidson E., Carlin E. “Steeling” Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland // *Social Policy and Society*. 2019. Vol. 18, issue 3. Pp. 479–489. doi: <https://doi.org/10.1017/S1474746419000095>
13. Italian Young People Through the Lens of Youth Policies / D. Mazzoni [et al.] // *Socialni Studia / Social Studies*. 2018. Vol. 15, no. 2. Pp. 75–96. doi: <https://doi.org/10.5817/soe2018-2-75>
14. Никипорец-Такигава Г. Молодежь и молодежная политика в Великобритании // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 47–58. doi: <https://doi.org/10.15211/soveurope120184758>
15. Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities / A. Walther [et al.] // *Young*. 2021. Vol. 29, issue 2. Pp. 191–209. doi: <https://doi.org/10.1177/1103308820937550>
16. Listening to Youth Through 17 Cross-Sectoral Youth Assessments: Implications for Programming and Policy / C. Jessee [et al.] // *Journal of Youth Development*. 2021. Vol. 16, no. 2-3. Pp. 20–54. doi: <https://doi.org/10.5195/JYD.2021.1046>
17. Криницкий А. Я. Эффективность государственной молодежной политики: проблема выбора и измеряемости показателей // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2009. № 2. С. 24–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-problema-vybora-i-izmeryaemosti-pokazateley> (дата обращения: 15.08.2021).
18. Крапивенский А. С., Карабанов С. Н. Проблема определения целевых показателей региональной молодежной политики // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 5. С. 385–391. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6955> (дата обращения: 15.08.2021).
19. Рожнов О. А. Оценка эффективности реализации молодежной политики // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право*. 2011. № 8 (103). С. 76–80. URL: https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/ec2/p8o103d_vip_16.pdf (дата обращения: 15.08.2021).
20. Андрушина Е. В., Панова Е. А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2019. Т. 11, № 2. С. 200–219. doi: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219>

21. Меркулов П. А. Государственная молодежная политика как инструмент в борьбе с экстремизмом // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 4. С. 83–90. URL: https://orel.dev.ranepa.ru/upload/iblock/ab4/2015_04.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

22. Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22–26. doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>

23. Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю. Оценка эффективности государственной молодежной политики и ее информационного компонента школьниками регионов Юго-Западной Сибири // SocioTime / Социальное время. 2020. № 1 (21). С. 66–76. doi: <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2020.1.66>

24. Асташина Е. Е. Проектирование инструментальных средств для измерения эффективности государственной молодежной политики на территории г. о. Самара // Вестник Международного института рынка. 2016. № 2. С. 69–76. URL: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2015/05/11_Astashina_69-76.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

25. Шиголакова Т. Б. Эффективность государственной молодежной политики в Республике Хакасия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2016. Т. 16, № 1. С. 163–174. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6533> (дата обращения: 15.08.2021).

26. Ярычев М. У. Анализ эффективности государственной молодежной политики // Евразийский научный журнал. 2016. № 3. С. 72–75. URL: <http://journalpro.ru/articles/analiz-effektivnosti-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki/> (дата обращения: 15.08.2021).

27. Страдзе А. Э. Социальная эффективность государственной молодежной политики и государственной социальной поддержки молодежи: синтез приоритетов и целей // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 63–72. doi: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.4>

28. Самохвалов Н. А. Федеральный закон «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» как основополагающий фактор повышения эффективности реализации современной российской молодежной политики // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 4 (5). С. 34–37. URL: http://i-journal.net/jdoc/apc_5.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

29. Ростовская Т. К. Принятие основ государственной молодежной политики 2025 года: фактор эволюционного развития в современной России // Государственный советник. 2014. № 4 (8). С. 93–96. URL: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2013/05/14-041.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).

30. Солодка М. С. Замечания по проекту Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 38. С. 61–66. URL: <http://www.oimsla.edu.ru/sites/default/files/vypusk38-1b.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).

Поступила 23.07.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 21.09.2021.

Об авторе:

Шаповалова Инна Сергеевна, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, shapovalova@bsu.edu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Timóteo W., De Matos Oliveira I. The Absence of Public Policies for Youth as an Offense to Human Rights. *Revista Brasileira de Políticas Publicas*. 2021; 11(1):419-431. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5102/RBPP.V11I1.6628>
2. Hlungwani P., Masuku S., Magidi M. Mainstreaming Youth Policy in Zimbabwe – What Role for Rural Youth? *Cogent Social Sciences*. 2021; 7(1). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.1893907>
3. Martínez-Reyes A., Navarro-Pérez J.J. Obstacles to Achieve the SDGS in El Salvador. Youth Policies, Young Gangs and NGOs: A Complex Analysis. *Iberoamerican Journal of Development Studies*. 2020; 9(1):28-51. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.26754/OJS_RIED/IJDS.444
4. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating Authority Through the National Youth Policy in Post-war Nepal. *Modern Asian Studies*. 2018; 52(3):1043-1075. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>
5. Mertanen K., Pashby K., Brunila K. Governing of Young People ‘at risk’ with the Alliance of Employability and Precariousness in the EU Youth Policy Steering. *Policy Futures in Education*. 2020; 18(2):240-260. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1478210319838666>
6. Rocha E., Costa J., Silva C.B.E., Posthuma A., Caruso L.A. Different Types of Vulnerabilities among Youth that Do Not Work or Study: What Public Policies are Suitable for this Group? *Novos Estudos CEBRAP*. 2020; 39(3):545-562. (In Portuguese, abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25091/S01013300202000030005>
7. Haikkola L. Shaping Activation Policy at the Street Level: Governing Inactivity in Youth Employment Services. *Acta Sociologica*. 2019; 62(3):334-348. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>
8. Hora O., Horáková M., Sirovátka T. Diversity of Youth Policy Regimes and Early Job Insecurity – Towards an Integrated Approach. In: Hvinden B., Hyggen C., Schoyen M.A., Sirovátka T., eds. *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies*. 2019; p. 138-157. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4337/9781788118897.00014>
9. Hueso A., Boni A., Belda-Miquel S. Perspectives and Policies on Disadvantaged Youth in Spain: An Analysis Using the Capability Approach. *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. 2015; 152:47-64. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5477/cis/reis.152.47>
10. Vidal S., Connell C. M., Prince D. M., Tebes J. K. Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice. *Adolescent Research Review*. 2019; 4:15-29. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s40894-018-0088-1>

11. Chalhi S., Koster M., Vermeulen J. Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and 'High Risk' Boys in the Netherlands. *Ethnos*. 2018; 83(5):850-867. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00141844.2017.1362452>

12. Davidson E., Carlin E. "Steeling" Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland. *Social Policy and Society*. 2019; 18(3):479-489. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1017/S1474746419000095>

13. Mazzoni D., Cicognani E., Cifatte C., Zani B., Floresta L. Italian Young People Through the Lens of Youth Policies. *Socialni Studia*. 2018; 15(2):75-96. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5817/soc2018-2-75>

14. Nikiporets-Takigawa G. Youth and Youth Policy in the UK: Post-Brexit View. *Sovremennaya Evropa* = Contemporary Europe. 2018; (1):47-58. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15211/soveurope120184758>

15. Walther A., Lüküslü D.G., Loncle P., Pais A. Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities. *Young*. 2021; 29(2):191-209. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1103308820937550>

16. Jessee C., Moore A.M., Olenik C., Trevelline C.P., Taggart N. Listening to Youth Through 17 Cross-Sectoral Youth Assessments: Implications for Programming and Policy. *Journal of Youth Development*. 2021; 16(2-3):20-54. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5195/JYD.2021.1046>

17. Krinitskiy A.Ya. Effectiveness of the State Youth Policy: The Problem of Choice and Measurability of Indicators. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika* = Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics. 2009; (2):24-28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-problema-vybora-i-izmeryaemosti-pokazateley> (accessed 15.08.2021). (In Russ.)

18. Krapivenskiy A.S., Karabanov S.N. The Problem of Defenition of Regional Youth Policy Targets. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2012; (5):385-391. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6955> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Rozhnov O.A. Estimation of Efficiency of Realization of the Youth Policy and its Standard-Legal Maintenance. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* = Belgorod State University Scientific Bulletin Philosophy Sociology Law. 2011; (8):76-80. Available at: https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/ec2/p80103d_vip_16.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Andryushina E.V., Panova E.A. The Impact of State Policy on the Family Strategies of the Student Youth. *Ars Administrandi*. 2019; 11(2):200-219. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219>

21. Merkulov P.A. State Youth Policy as a Tool in the Fight against Extremism. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* = Central Russian Journal of Social Sciences. 2015; 10(4):83-90. Available at: https://orel.dev.ranepa.ru/upload/iblock/ab4/2015_04.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Shapovalova I.S., Malikova E.V. Implementation of the State Youth Policy in Russia: Regional Aspect. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. 2018; (6):22-26. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>

23. Aseeva T.A., Shashkova Ya.Yu. Evaluation of the Effectiveness of the State Youth Policy and its Information Component by Schoolchildren of the South-West Siberia Regions. *SocioTime*. 2020; (1):66-76. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2020.1.66>
24. Astashina E.E. Designing Tools for Effectiveness Measurement of State Youth Policy within the Territory of Samara City. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*. = Bulletin of the International Market Institute. 2016; (2):69-76. Available at: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2015/05/11_Astashina_69-76.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Shigolakova T.B. Efficiency of the State Youth Policy in the Republic of Khakassia. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* = RUDN Journal of Sociology. 2016; 16(1):163-174. Available at: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6533> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Yarychev M.U. Analysis of the Effectiveness of the State Youth Policy. *Evrasijskij nauchnyj zhurnal* = Eurasian Scientific Journal. 2016; (3):72-75. Available at: <http://journalpro.ru/articles/analiz-effektivnosti-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki/> (accessed 15.08.2021). (In Russ.)
27. Stradze A.E. Social Effectiveness of State Youth Policy and State Social Support of Youth: the Synthesis of Priorities and Goals. *Gumanitarnij Yuga Rossii* = Humanities of the South of Russia. 2017; 6(5):63-72. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.4>
28. Samohvalov N.A. Federal Law “About the State Youth Policy in the Russian Federation” as the Fundamental Factor of Improving Efficiency of its Implementation. *Aktualnye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo* = Actual Issues of Modern Science and Society. 2014; (4):34-37. Available at: http://i-journal.net/jdoc/apc_5.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
29. Rostovskaia T.K. Adoption the State Youth Policy 2025: A Factor of Evolution in Modern Russia. *Gosudarstvennyj sovetnik* = The State Counsellor. 2014; (4):93-96. Available at: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2013/05/14-041.pdf> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
30. Solodkaya M. Comments on the Draft of Federal Law Project “On Youth and State Youth Policy in Russian Federation”. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* = Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA. 2019; (38):61-66. Available at: <http://www.oimsla.edu.ru/sites/default/files/vypusk38-1b.pdf> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 23.07.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 21.09.2021.

About the author:

Inna S. Shapovalova, Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, shapovalova@bsu.edu.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Профессиональные ролевые функции женщины в социальном обслуживании: итоги социологического опроса в г. Москве

М. В. Вдовина

*Российский государственный социальный университет
(г. Москва, Российская Федерация),
antigon1922@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Среди сотрудников сферы социального обслуживания преобладают женщины; они занимают различные должности, исполняют соответствующие функции, однако недостаточно изучены специфика и проблемы их труда. Цель статьи – по материалам проведенного социологического опроса проанализировать, как сотрудницы социальной сферы решают основные трудовые задачи,

насколько успешно им удастся сочетать профессиональные ролевые функции с семейными, что способствует их удовлетворенности своим трудом.

Материалы и методы. Прикладное исследование проводилось автором осенью 2020 г. в г. Москве с использованием официальных документов, статистических данных, собственного социологического опроса и сравнительного анализа результатов вторичных эмпирических исследований. В опросе приняли участие 107 сотрудников государственных организаций социального обслуживания, которые почти в равных долях представляли руководящий состав, специалистов и рядовых работников. Это позволило не только обобщить различные статусные и гендерные позиции относительно роли женщины в реализации социального обслуживания в соответствующих учреждениях, но и по результатам анализа предложить возможные пути повышения профессиональной квалификации сотрудниц для более эффективной реализации их трудовых функций.

Результаты исследования. Сопоставление ответов представителей разных статусных и гендерных групп показало, что диапазон профессиональных функций объекта исследования достаточно широк: от руководителя до обслуживающего персонала, от работы с документами до предоставления конкретных социальных услуг различным группам нуждающихся граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. На всех уровнях женщины представлены в соответствии со своими профессиональными и личными качествами. Однако совмещение профессиональных и семейных обязанностей труднее всего, согласно самооценке, дается женщине-руководителю высшего или среднего звена.

Обсуждение и заключение. Предлагается создавать условия для оптимизации трудовой нагрузки и профилактики физического переутомления и эмоционального выгорания женщин, предоставляющих социальные услуги, успешного сочетания их профессиональных ролей с семейными, повышения квалификации. Статья будет полезна работникам, предоставляющим социальные услуги, тем, кто специализируется

© Вдовина М. В., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

в области гендерных вопросов трудовой занятости, руководящим кадрам системы социальной защиты населения регионального уровня, преподавателям дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: мегаполис, социальное обслуживание, женщина-руководитель, женщина-специалист, женщина-работник, профессиональные ролевые функции

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам, чьи комментарии и пожелания позволили улучшить качество текста.

Для цитирования: Вдовина М. В. Профессиональные ролевые функции женщины в социальном обслуживании: итоги социологического опроса в г. Москве // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 933–955. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.933-955>

Original article

Professional Role Functions of Women in Social Service: Results of a Sociological Survey in Moscow

M. V. Vdovina

*Russian State Social University (Moscow, Russian Federation),
antigon1922@yandex.ru*

Abstract

Introduction. Women predominate among the employees in the social service sector, they occupy various positions and perform relevant functions, but the specifics and problems of their work have not been sufficiently studied. Based on the materials of the conducted sociological survey, the article analyzes how social workers perform the main work tasks, how well they manage to combine professional role functions with family ones, which contributes to their satisfaction with their work.

Materials and Methods. The applied research, conducted by the author in the autumn of 2020 in Moscow, used official documents, statistical data, her own sociological survey, and a comparative analysis of the results of secondary empirical studies. 107 employees of state social service organizations took part in the survey, almost equally representing the management staff, specialists, and ordinary employees. This made it possible not only to generalize various status and gender positions regarding the role of women in the implementation of social service in the relevant institutions, but also, based on the results of the analysis, to suggest possible ways to improve the professional qualifications of female employees for more effective implementation of their work functions.

Results. A comparison of the responses of representatives of different status and gender groups showed that the range of professional functions of the object of this research is quite wide: from the head to the service personnel, from working with documents to providing specific social services to various groups of people in need or in a difficult life situation. At all the levels, women are represented in accordance with their professional and personal qualities. However, according to the self-assessment, combining professional and family responsibilities is most difficult for a female senior or middle-level manager.

Discussion and Conclusion. The author proposes to create conditions for optimizing the workload, for preventing physical fatigue and emotional burnout of women providing social services, as well as for effective combining their professional roles with family ones, and for

professional development. The article will be useful to employees providing social services, those who specialize in the field of gender issues of employment, senior personnel of the social protection system of the population at the regional level, teachers engaged in further vocational education.

Keywords: megalopolis, social service, female manager, female specialist, female employee, professional role functions

The author declares that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to the reviewers, whose comments and suggestions made it possible to improve the quality of the text.

For citation: Vdovina M.V. Professional Role Functions of Women in Social Service: Results of a Sociological Survey in Moscow. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):933-955. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.933-955>

Введение. В современном российском обществе система социального обслуживания населения динамично развивается. 28 декабря 2020 г. Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации подвело итоги и наградило победителей 10-го Всероссийского конкурса «Лучший работник организации социального обслуживания». Из 42 номинантов-победителей 37 – женщины, занимающие различные должности: от директора дома-интерната для престарелых и инвалидов до социального работника отделения социального обслуживания на дому центра социального обслуживания населения¹.

По материалам выборочных обследований, проведенных Федеральной службой государственной статистики, за 2016–2018 гг. соотношение мужчин и женщин в российской сфере здравоохранения и социальных услуг сохранялось на уровне примерно 1:4. В 2018 г. на 544 женщины, являющиеся средним специальным персоналом в области социальной работы и родственных занятий, приходилось 202 мужчины, а из числа служащих, занятых в сфере обслуживания, на 430 женщин приходилось всего 97 мужчин. В 2017 г. среди служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием, средняя заработная плата женщин и мужчин составляла 24 279 руб. и 31 427 руб. соответственно (с разницей 7 148 руб. в пользу мужчин); среди работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности – 21 211 руб. у женщин и 31 041 руб. у мужчин (на 9 830 руб. выше)².

Несмотря на то, что социальное обслуживание традиционно считается «женской» профессией и осуществляется поощрение труда сотрудников

¹ Состоялось награждение лучших работников в сфере социальной защиты [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации : сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/social/1253> (дата обращения: 05.01.2021).

² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019 : Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 56, 61, 112.

отрасли, недостаточно проводится региональных социологических исследований в области специфики профессиональной занятости субъектов социальной работы в целом и реализации профессиональных ролевых функций женщинами, работающими в системе, в частности их успешности в сочетании трудовых и семейных обязанностей. При этом немало публикаций посвящено проблемам профессиональных рисков и эмоционального выгорания сотрудников сферы социального обслуживания [1; 2]. Это особенно актуально в условиях принятия новых профессиональных стандартов, в которых подчеркивается необходимость знаний в области управления персоналом (в том числе нормирования труда, мотивации сотрудников)³, развития профессиональных компетенций⁴, обеспечения безопасности труда⁵.

Недостаточно исследована специфика формирования успешной профессиональной деятельности женщин, работающих в организациях социального обслуживания мегаполиса. По количеству населения, проживающего на территории одного только района мегаполиса, масштабы обслуживания порой сопоставимы с обслуживанием населения обычного города (например, население района Марьино г. Москвы, по данным Мосстата, составляло на 1 января 2020 г. 254 142 чел.⁶, что сопоставимо с численностью населения одного из крупнейших городов соседней Московской области г. Химки на тот же период – 259 550 чел.⁷).

Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования проанализировать профессиональные ролевые функции женщины в социальном обслуживании, возможность их сочетания с семейными ролями в условиях мегаполиса.

Обзор литературы. В методологии функционального анализа понятие функции часто рассматривается в ракурсе профессии. Основные теоретико-методологические направления социологии профессий представлены функционализмом (Б. Барбер, Е. Гринвуд, У. Гуд, Дж. Миллерсон, Т. Парсонс,

³ Руководитель организации социального обслуживания [Электронный ресурс] : профессиональный стандарт, утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 353н. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/03.003-rukovoditel-organizatsii-sotsialnogo-obsluzhivaniia.html> (дата обращения: 05.01.2021).

⁴ Специалист по социальной работе [Электронный ресурс] : профессиональный стандарт, утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 351н. URL: https://classdoc.ru/profstandart/03_social/professionalstandarts_3/ (дата обращения: 05.01.2021).

⁵ Социальный работник [Электронный ресурс] : профессиональный стандарт, утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 354н. URL: <http://docs.cntd.ru/document/565324002> (дата обращения: 05.01.2021).

⁶ Оценка численности постоянного населения г. Москвы на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 год по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области : сайт. URL: <https://mosstat.gks.ru/folder/64634> (дата обращения: 05.01.2020).

⁷ Численность населения городов с числом жителей от 250 тыс. до 500 тыс. человек [Электронный ресурс]. URL: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia (дата обращения: 05.01.2020).

Р. Холл, Е. Элиот и др.)⁸. Эти традиции часто лежат в основе современных социологических исследований. Т. Парсонс и Р. Бейлс, развивая полоролевой подход в рамках теории структурного функционализма, анализировали повседневные практики гендерных отношений и положения женщин в западном обществе, описывали находящиеся в основе отличающихся социальных ролей мужчин и женщин образцы и пытались определить зависимость между личностными и общественными структурами на основе концепта половых ролей⁹. Данный подход учитывается современной гендерной социологией.

Р. Мертон вводит понятия явных и латентных функций. Если первые способствуют адаптации системы, планируются и осознаются ее участниками, то вторые, скрытые функции, соответственно, не осознаются и не планируются. Вопрос состоит в том, насколько они существенны и практически полезны для рассматриваемой системы?¹⁰ Это важно определить в исследовании профессиональных ролевых функций женщины в социальном обслуживании.

В современных гендерных исследованиях сложились три принципиально отличающихся теоретико-методологических подхода: полоролевой, развивающийся в рамках структурного функционализма, конструктивистский и структурно-конструктивистский. Работая в рамках первого, Т. Парсонс утверждает, что труд замужней матери не приводит к негативным последствиям для супружества лишь в том случае, если он является не «карьерой», а просто «занятостью». Сторонники второго (П. Бергер, Т. Лукман) приходят к заключению, что для его понимания следует анализировать микроконтекст социального взаимодействия. Причем гендер конструируется как отношение неравенства и дискриминации. В рамках структурно-конструктивистского подхода выделяются гендерные режимы, определяющие правила гендерного поведения и взаимодействия в отдельных институтах (включая семью и социальную работу). Р. Коннелл отмечает, что структура социального разделения труда проявляется в разделении труда по признаку пола в приватной и публичной сферах [3].

Отечественные социологи отмечают, что содержание труда включает в себя многообразие функций, распределение их в технологическом процессе и т. д. Исследованию подлежат также условия труда, в том числе оплата, гигиенические условия, организация труда. Методика социологического исследования социальных проблем труда включает в себя изучение совокупности объективных и субъективных его факторов¹¹. В своем исследовании мы

⁸ Филиогло Л. Д. Социология профессий и профессиональных групп. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2014. С. 15–16.

⁹ Полоролевая теория Т. Парсонса [Электронный ресурс]. URL: <https://lektsii.net/1-147009.html> (дата обращения: 07.03.2021).

¹⁰ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 146.

¹¹ Рабочая книга социолога / под общ. ред. Г. В. Осипова. 5-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 48, 49, 52.

сосредоточили внимание прежде всего на тех субъективных смыслах, которые вкладывают сотрудники разных групп (руководители, специалисты, рядовые работники из учреждений разного типа) в профессиональные ролевые функции женского состава системы социальной защиты.

Ж. Т. Тощенко, обобщив и проанализировав основные зарубежные и отечественные подходы, обратил внимание на то, что социология труда последовательно наращивала постижение конструктивных потенциалов работника, факторов их осуществления, направлений координирования субъективных интересов с производственными задачами. Во всех первичных трудовых коллективах, прежде всего женских, межличностные взаимоотношения непосредственно обуславливают трудовую активность и хорошие результаты труда. Существенным критерием его эффективности также выступают высокие расходы на оплату и улучшение производственных условий. Там, где удастся учесть комплекс факторов – от организационно-технических до психологических, становится больше средств решения производственных задач. Почти параллельно с разработкой форм и методов организации труда важно формирование творческого начала и необходимость профессиональной подготовки работников [4, с. 42, 45, 48, 50, 52, 54–55].

В сфере развития системы социального обслуживания на транснациональном уровне президент Международной федерации социальных работников IFSW С. Мартинес подчеркивает необходимость соответствия стандартам, знаниям профессиональной политики и обязанностям быть профессионалом в области социальной работы¹².

Отечественными авторами развивается системный подход в социальной работе¹³, исследуются ее урбанистические аспекты¹⁴.

М. В. Фирсовым и его коллегами анализируется движение от профессиональной платформы 1.0 к новой платформе 2.0, которое характеризуется динамикой от социопатогенного пространства помощи к пространству самопомощения, развитию личностного начала [5]. Социальная работа осмысливается в контексте перемен [6]. В сложившихся условиях огромное внимание уделяется цифровизации социальной сферы [7], положению женщины в системе социальной защиты и ее удовлетворенности трудом [8].

На развитии личностного начала во многом сфокусирована концепция поливариантной карьеры Д. Холла и Ф. Мирвиса, которые обосновывают идею поиска психологического успеха в своей «жизненной работе», охватывающей

¹² Global Strategy for the Advancement of Social Work Education [Электронный ресурс] / International Federation of Social Workers. November 30, 2020. URL: <https://www.ifsw.org/global-strategy-for-the-advancement-of-social-work-education/> (дата обращения: 06.01.2021).

¹³ Овечкина А. Ю., Шалаев В. П. Системный подход в социальной работе // Глобализация и национальная безопасность: человек и общество в меняющемся мире : материалы междунар. междисциплинар. науч. конф. Йошкар-Ола : Поволж. гос. технолог. ун-т, 2019. С. 153–154.

¹⁴ Акимова А. И., Шалаев В. П. Урбанистические аспекты социальной работы // Россия и мир: национальная безопасность, вызовы и ответы : материалы междунар. междисциплинар. науч. конф. Йошкар-Ола : Поволж. гос. технолог. ун-т, 2018. С. 125.

не только профессиональную деятельность и организацию, но и «работу» в качестве супруга, родителя, члена сообщества и саморазвития¹⁵.

Ведется поиск и активно обсуждаются новые направления в развитии современной теории и практики отечественной социальной работы с акцентом на развитие профессионализма кадров, их дополнительного профессионального образования [9]. В методологии социальной работы осуществляется поиск сочетания глобальных и национальных тенденций в развитии профессии [10]. Причем тема социальных исследований неравенства, проблем экономического роста и снижения бедности в эпоху глобализации также весьма активно прорабатывается зарубежными авторами [11].

Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина, анализируя социологические теории гендерных различий, значительно внимание уделяют динамике полоролевого подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Комаровски, Б. Фридан). По их мнению, гендерные исследования в процессе своего развития трансформировались от рассмотрения гендера как аналитической категории, означающей половую роль, сформировавшуюся в процессе социализации, до истолкования гендера как переменного социального конструкта, создаваемого в социальных структурах и отражаемого в повседневных взаимодействиях. Такое конструирование осуществляется в соответствии с культурными ожиданиями касательно половых различий¹⁶. Исследуя гендерные различия в сфере занятости, Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина акцентируют структурно-конструктивистское объяснение (С. Риджвей, П. Мартин), согласно которому гендерно маркированные институциональные правила порождают неравные условия профессиональной занятости и мобильности для мужчин и женщин, гендерный разрыв в оплате труда в пользу первых, гендерную типизацию занятости. Проводя феноменологический анализ гендерных различий в области заботы как одного из ключевых направлений современных гендерных исследований, российские авторы отмечают, что профессиональная забота реализуется обычно на рабочих местах и в организациях, где численно преобладают женщины (медицинские сестры, няни, сиделки и др.). Такие виды занятости оцениваются как малопрестижные и оплачиваются ниже, чем рабочие места, где в основном трудятся мужчины¹⁷.

О. А. Хасбулатова отмечает, что запуск в современном российском обществе формирования цифровой экономики порождает задачу деятельного участия в ней квалифицированных кадров (как мужчин, так и женщин). Сложившиеся в нашей стране гендерная сегрегация на рынке труда и культурные барьеры, окружающие женщин, сдерживают развитие экономики нового

¹⁵ Mirvis P. H., Hall D. T. Psychological Success and the Boundaryless Career // *Journal of Organizational Behavior*. 1994. Vol. 15, issue 4. Pp. 365–380. doi: <https://doi.org/10.1002/job.4030150406>

¹⁶ Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 27–28.

типа, поэтому необходимо обеспечить в ней гендерный баланс¹⁸. С этой позицией, конечно, следует согласиться.

Однако, по мнению шведских исследователей Б. Густафсона и М. Йохансона, изучавших в течение 16 лет гендерный разрыв в доходах среди шведских работников, гендерное неравенство в доходах возрастает [12].

Во многом похожие результаты были получены американскими исследователями, изучавшими тенденции заработка в США со второй половины XX в. и предложившими объяснение гендерного неравенства в доходах как долгосрочную тенденцию к увеличению относительного спроса на высококвалифицированных работников¹⁹.

С точки зрения Р. Анкера, профессиональная сегрегация по признаку пола выступает одним из наиболее значимых и неизменных аспектов рынков труда во всем мире. Она наносит ущерб в первую очередь женщинам, отрицательно воздействует на их статус и доходы и, соответственно, негативно отражается на многих социальных переменных, таких как заболеваемость, бедность и т. п. [13].

Согласно отчету Международной организации труда о социальных тенденциях занятости женщин за последние два десятилетия, работающие женщины более вероятно, чем мужчины, будут задействованы в деятельности, выходящей за рамки трудового законодательства, положений о социальном обеспечении и коллективных договоров; для них сохранится проблема дискриминации на рабочем месте и деструктивных гендерных стереотипов²⁰.

Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева справедливо отмечают, что развитие гендерного дискурса и стремление к выравниванию гендерной асимметрии оказывают существенное влияние на все без исключения сферы жизнедеятельности человека, поэтому развитие современного управления невозможно в отрыве от гендерных знаний²¹.

Представляются целесообразными дальнейшие исследования положения женщин, работающих в системе социальной защиты, с позиций гендерной методологии. Как полагает И. Н. Смирнова, в этой методологии следует опираться на отказ от идей биодетерминизма, анализ гендерной статистики, сравнительный анализ социальных практик мужчин и женщин (по нашему мнению, прежде всего в сфере профессиональной социальной работы).

¹⁸ Хасбулатова О. А. Российская государственная политика по преодолению гендерного разрыва в цифровой экономике: концептуальные подходы (2018–2030) // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030) : материалы всерос. конф. с междунар. участием. Плес-Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2018. С. 19–24.

¹⁹ Murnane R. J., Levy F. U.S. Earnings Levels and Earnings Inequality: A Review of Recent Trends and Proposed Explanations // Journal of Economic Literature. 1992. Vol. 30, issue 3. Pp. 1333–1381.

²⁰ World Employment Social Outlook. Trends for Women 2018. Global Snapshot / International Labour Office. Geneva : International Labour Organization, 2018. P. 5.

²¹ Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Гендерные аспекты лидерства в управленческой деятельности // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете : материалы Междунар. конгресса. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2017. С. 172–175.

Гендерная методология детерминирует новые способы восприятия, понимания, интерпретации и оценки объективной и субъективной сторон образа жизни женщин, работающих в системе социальной защиты, включая их статус, ролевые функции и возможности оптимального сочетания профессионального труда с семейной жизнедеятельностью²².

К. Генри и Ф. Фрага отмечают, что низкое участие женщин в трудовой занятости приводит к растущему уровню экономической зависимости страны²³. К сходным выводам, отмечая гендерный разрыв в трудовых доходах, приходит Организация экономического сотрудничества (ОЭСР)²⁴.

Вполне оправдана позиция американского ученого Дж. Лукаса о том, что по теории статусных характеристик женщины будут находиться в уязвимом положении, по сравнению с мужчинами, в социальных взаимодействиях при прочих равных условиях, однако институционализация женщин как лидеров содействует преодолению этого [14, p. 464].

Гендерные проблемы лидерства рассматриваются также российскими авторами М. А. Казаковым, А. А. Зубкевич, которые акцентируют его значение с учетом оценки социокультурных различий мужчин и женщин [15].

Что касается функционирования системы социальной защиты на региональном уровне, то в столичном мегаполисе эту тему обстоятельно анализирует П. А. Келлер, отмечая способность системы трансформироваться в условиях социальных изменений в городе с учетом того, что у социальной защиты «женское лицо» и обычно в эту профессию идут работать женщины среднего возраста (старше 40 лет)²⁵.

Мы солидарны с мнением С. В. Полутина о том, что «на региональном уровне объективно возникает потенциал результативного социального планирования и социального управления, который может быть реализован посредством эффективной региональной политики»²⁶.

Как видим, несмотря на наличие интересных и глубоких публикаций, проблема женского труда в системе социального обслуживания незаслуженно остается на периферии исследовательского интереса, хотя именно женщины

²² Смирнова И. Н. Гендерная методология исследования образа жизни российских женщин: к постановке проблемы // Государственное управление: Россия в глобальной политике : материалы XVII Междунар. конф. М. : Издат. дом КДУ, Университет. книга, 2019. С. 95–100.

²³ Henry C., Fraga F. Gender Equality and Old-age Income Security: The Case of Mexico / International Labour Organization, International Labour Office. Research Department Working Paper. December 2019. No. 53. 34 p.

²⁴ The Gender Gap in Labour Income / Organisation for Economic Co-operation (OECD) // Labour Market Inclusiveness. Paris, 2019. doi: <https://doi.org/10.1787/9789264308817-graph26-en>

²⁵ Келлер П. А. Социальная защита населения Москвы на постсоветском пространстве // Социальная защита в XXI веке: образ будущего : моногр. / под ред. Е. И. Холостовой. М. : ИДПО ДТСЗН, 2018. С. 73–96; Павел Келлер рассказывает о надомном обслуживании в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/news/item/69156073/> (дата обращения: 14.07.2021).

²⁶ Полутин С. В. Объектно-предметное поле социологии региона и регионологии // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы : VII Сухаревские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2018. С. 49.

играют ведущую роль в данной отрасли, и в каждом регионе она обладает определенным своеобразием.

Материалы и методы. Для наполнения новыми эмпирическими данными названного сегмента социального знания осенью 2020 г. автором было проведено прикладное социологическое исследование. Целью исследования стало изучение профессионального труда женщин, задействованных в системе социального обслуживания столичного мегаполиса. Задачами были выявление положения женщин, работающих в этой системе, уточнение их основных ролевых функций, определение удовлетворенности трудом и успешности сочетания производственных и семейных обязанностей. Гипотезы исследования заключались в том, что гендерные особенности такого контингента (преимущественно сочетание профессиональных ролей с семейными) накладывают отпечаток на исполнение профессиональных ролевых функций, что в дальнейшем потребует содержательного уточнения программ дополнительного профессионального образования.

Одним из методологических оснований исследования стали положения А. Шюца о том, что мир повседневной жизни является «текстурой смыслов», который необходимо интерпретировать. Согласно постулатам А. Шюца, ученый разрабатывает специальные методы построения своих конструктов для интерпретации субъективных значений действий так, как их представляют сами действующие лица, объясняя их в том виде, в каком они отражены в опыте повседневной деятельности людей, обращаясь к интерпретации действия и его рамок в терминах самого действующего. Используя научную установку, исследователь фиксирует образцы человеческих взаимодействий и их результаты в той мере, в какой они доступны и открыты его интерпретации²⁷. Поэтому задачей проведенного нами исследования являлся анализ ответов респондентов на открытые вопросы «Какие в основном функции выполняет женщина, работающая в системе социального обслуживания?», «Как совмещает домашние обязанности с трудовыми?», «Какова ее удовлетворенность трудом?» в контексте тех субъективных смысловых значений, которые им придают сами сотрудники, повседневно осуществляющие социальное обслуживание.

Основными методами исследования стали методы качественного, сравнительного анализа, социологического опроса, включенного наблюдения²⁸, анализа документов. Информационной базой послужили международные и российские научные публикации и документы по проблемам социальной работы, женщин, труда и занятости в регионах страны и мира, данные вторичных эмпирических исследований, результаты первичного опроса и включенного

²⁷ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 13, 28, 34–35, 40, 43.

²⁸ Автор в течение 10 лет являлась сотрудником системы социальной защиты населения и осуществляла повышение квалификации и профессиональную переподготовку кадров учреждений, подведомственных Департаменту труда и социальной защиты населения г. Москвы.

наблюдения. Такой комплексный подход в использовании различных источников и методов послужил более всесторонней и объективной оценке предмета исследования.

Было опрошено 107 сотрудников системы социальной защиты населения г. Москвы, отобранных по целенаправленной выборке из числа обучавшихся в тот период в Институте дополнительного профессионального образования работников социальной сферы московского Департамента труда и социальной защиты населения. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству. Условия повышенной загруженности сотрудников системы в период пандемии COVID-19 наложили определенные ограничения на масштабы опроса.

При определении типа и объема выборки мы опирались на позицию В. А. Ядова о том, что статистическая репрезентативность выборки не столь значима в сравнении с потребностью обеспечить качественное представительство исследуемых социальных объектов в соответствии с целевой установкой. Согласно мнению социолога, репрезентативная выборка может быть заменена целевой, в которой численность каждой интересующей исследователя группы будет достаточна для содержательного анализа, и такая выборка будет качественно представительной в отношении целей и задач исследования, не являясь статистически репрезентативной в отношении генеральной совокупности. Исходные характеристики, получаемые посредством опроса, лишь условно переводятся в количественные показатели, ибо последние часто достаточно приблизительно отражают сущность социальных процессов²⁹.

Использование целенаправленной выборки обусловлено также тем, что в данном случае исследователь обладает предварительным экспертным знанием об исследуемой совокупности, и единицы отбирались из нее на основании позиции исследователя о том, что они окажутся достаточно информативными и их мнения будут в целом отвечать исследовательской задаче³⁰.

В соответствии с занимаемыми должностями было сформировано 3 целевые группы участников опроса: руководители (директора учреждений и их заместители, заведующие филиалами и отделениями) – 31,8 %; специалисты (по социальной работе, психологи) – 32,7; работники (социальные работники, младшие воспитатели, медсестры) – 35,5 %. Респонденты работают в основных типах учреждений социального обслуживания г. Москвы: территориальные центры социального обслуживания (51,4 %), психоневрологические интернаты (18,7), центры содействия семейному воспитанию (13,1), центры поддержки семьи и детства (6,5), социально-реабилитационные центры,

²⁹ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет ; Книжный Дом «Университет», 1998. С. 114, 115, 119, 121, 122.

³⁰ Кудряшов М. О целенаправленной выборке в качественных социологических исследованиях [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.hse.ru/soc/youth/news/82962025.html> (дата обращения: 12.03.2021).

комплекс социальных жилых домов и ресурсный центр (по 2,8 % из каждого учреждения), центр социальной адаптации лиц без определенного места жительства (1,9 %).

Половозрастной состав респондентов следующий: женщины – 92,5 %, мужчины – 7,5 %. Возрастные группы таковы: 40,2 % в возрасте 40–49 лет, 29,8 – 50–59 лет, 23,4 – 30–39 лет, 4,7 – 60 лет и старше, 1,9 % – до 30 лет. Стаж работы в социальном обслуживании составил у 30,7 % – 6–10 лет, у 26,8 – 1–5 лет, у 15,7 – 11–15 лет, у 9,3 – до 1 года, у 9,2 – свыше 20 лет, у 8,3 % – 16–20 лет.

Результаты исследования. Разнообразные развернутые неформализованные ответы участников исследования на открытые вопросы были типологизированы и сгруппированы по смыслу для различных целевых групп респондентов.

Проанализируем, как характеризуют свои ролевые функции в системе социального обслуживания опрошенные женщины.

Руководители высшего звена, т. е. 7,5 % респондентов (главным образом, заместители директоров учреждений, заведующие филиалами), полагают, что женщина в организациях социального обслуживания обладает такими же возможностями, что и мужчина и может занимать разнообразные должности по всей сетке штатного расписания. Профессиональные ролевые функции женщины в социальном обслуживании зависят от ее статуса (руководитель, специалист, обслуживающий персонал и т. д.), но доминируют уход и адаптация клиентов.

По мнению этой группы респондентов, почти две трети подчиненных им женщин довольны своей работой, стараются получить дополнительные профессиональные знания и умения, нацелены на использование их в своей трудовой деятельности. Их удовлетворенность работой обусловливается психологическим климатом в коллективе, размерами оплаты труда, поддержкой руководства, а также личностными качествами и моральными ценностями.

При этом женщине-начальнику, согласно их позиции, непросто дается сочетание должностных и семейных обязанностей, поскольку главные силы затрачиваются на выполнение работы, а на домашние заботы времени остается мало.

Мужчины-руководители (директора, заместитель; 2,8 % всех респондентов) подчеркивают, что в организациях социального обслуживания у женщин преобладают лидирующие позиции, потому что их большинство, с ними считаются и они в целом хорошо зарабатывают. Профессиональные ролевые функции варьируются от обслуживающих до руководящих, но преобладают уход, уборка, социально-медицинские процедуры.

Совмещение трудовых обязанностей и домашней занятости, по мнению руководителей высшего звена, наиболее удастся тем женщинам, которые работают по графику 5/2 с 9.00 до 18.00.

Опрошенные *руководители среднего звена* (24,3 %; среди них почти все – женщины) тоже уверены, что в социальном обслуживании женщина обладает высоким положением (особенно на руководящих должностях), она – важнейший работник в системе. Однако статус сотрудника-мужчины оценивается выше, несмотря на то, что женщина справляется с обязанностями намного добросовестнее.

Женщине – заведующей отделением приходится выполнять различные функции: быть лидером, выявлять потребности человека в помощи, быть аналитиком, психологом, чтобы разбираться со сложной ситуацией, сглаживать конфликты, организовывать предоставление мер социальной поддержки, выполнять расчеты, проверять документы, составлять отчеты, поддерживать порядок, контролировать деятельность подчиненных и рабочую обстановку в коллективе, объяснять получателям социальных услуг и социальным работникам нововведения, выступать посредником в отношениях между организациями и т. д. Совмещать домашние обязанности с трудовыми возможно, на взгляд этой группы опрошенных, при поддержке и понимании со стороны семьи. С трудом дается совмещение, если дети – школьники или дошкольники. Домашние обязанности приходится выполнять до и после работы, в выходные дни, обеденные перерывы, ночью. Работы много, и семья отходит на второй план. Успешно совмещать семейные и рабочие дела, уверены респонденты, помогают мобильность, ответственность и активность.

Для хорошего социального самочувствия, по мнению руководителей среднего звена, необходимы стабильность в назначенных задачах; объем работы не должен выходить за рамки рабочего дня и за пределы функциональных обязанностей. На удовлетворенность трудом влияют: размер заработной платы (который, по их мнению, должен быть выше); осознание своей необходимости, значимости результатов труда, благодарности со стороны тех людей, которым оказана профессиональная помощь; самосовершенствование и профессиональный рост, а также способность выполнять трудовые обязанности в пределах рабочего времени. Для этого данной группой предлагается сократить объем отчетной документации.

Согласно взглядам опрошенных *специалистов по социальной работе* (23,4 %), женщина в социальном обслуживании играет роли ключевого исполнителя, координатора и посредника между государством и нуждающимися в социальной помощи гражданами. Однако из-за «средней» заработной платы ее статус также воспринимается как средний. У таких женщин недостаточно вариантов профессионального и карьерного роста. Функции сотрудников детерминируются уровнем образования, квалификацией, профессиональными способностями, а повседневная трудовая деятельность варьируется от заботы о клиентах (семьях, детях, пожилых, малообеспеченных, людях с ограниченными возможностями здоровья) до ведения и анализа документов.

Эта группа информантов считает, что женщины в социальной защите работают по призванию. В сложных ситуациях они демонстрируют значительную готовность к многофункциональности в работе. Российской женщине, по выражению опрошенных, обычно надо заботиться о ком-либо (дети, старики, инвалиды и др.), а ее материнский инстинкт может быть реализован в оказании им помощи (даже если она работает с документами). В ее функциональные обязанности также входят внутри- и межведомственное взаимодействие, обеспечение техническими средствами реабилитации, оформление материальной помощи, консультативная, организационно-методическая работа. Совмещать успешно трудовые обязанности с домашними получается прежде всего у незамужних и бездетных женщин. Оптимальными для семейных сотрудниц эта часть опрошенных считает сменные графики (с 9.00 до 14.00, с 14.00 до 20.00).

В основном, по мнению специалистов, женщины довольны своим положением в организациях социального обслуживания, потому что сюда они идут работать по призванию. Если же увеличить оплату труда, улучшить состояние рабочих помещений (выделив приспособленные здания), то, с точки зрения респондентов, удовлетворенность повысится. Беспокоит эту группу информантов уязвимость сотрудниц в ситуации конфликта («клиент всегда прав»), подверженность эмоциональному выгоранию, поэтому специалистами предлагается усилить работницам содействие со стороны психологов.

Опрошенные психологи организаций социального обслуживания (9,3 %) отмечают, что поскольку женщине, предоставляющей социальные услуги, больше доверяют и идентифицируют с «мамой», то ее положение в системе социального обслуживания выше, престижнее. Успешность сочетания профессиональных и семейных ролей определяется приспособленностью конкретной сотрудницы, но главное, чтобы отрицательные эмоции не приносились ею с работы домой. Для этого нужно уметь переключаться, самоорганизовываться; также желательно принять соответствующие управленческие решения о снижении объема работы «с бумагами».

Опрошенные специалисты-мужчины (2,8 %) дают практически те же оценки и советы, одновременно чаще выражая недовольство зарплатами.

Группа информантов из числа *социальных работников* территориальных центров социального обслуживания (19,6 %) идентифицирует женщин, работающих в учреждениях социальной защиты, преимущественно как обслуживающий персонал, помощниц клиентов. Ролевые функции связываются с предоставлением социальных услуг (содействие в получении медицинской помощи для одиноких пожилых людей, инвалидов, покупка для них лекарств, уборка в квартире, оплата коммунальных услуг, посредничество в их взаимодействии с различными организациями и т. д.).

Для оптимального сочетания работницами профессиональных и семейных функций эти респонденты рекомендуют грамотно распределить

обязанности в семье и не смешивать их с работой, больше времени посвящать себе, родным и отдыху. В своем самочувствии многие из опрошенных отмечают физическую и эмоциональную усталость, определяя удовлетворенность профессиональным трудом как среднюю.

Участовавшие в опросе *младшие воспитатели* центров содействия семейному воспитанию (8,4 %) отождествляют женщину, задействованную в социальном обслуживании, с мамой (или няней). По их мнению, ее профессиональные функции состоят в заботе о воспитанниках, присмотре и уходе за подопечными детьми. У этой группы опрошенных достаточно высока оценка своего труда в силу того, что, по ответам респондентов, работа позволяет им «дать любовь детям».

Медицинские сестры психоневрологических интернатов (7,5 % респондентов) связывают трудовые функции женщины с занимаемой должностью, профессиональными навыками, образованием. В совмещении домашних и производственных обязанностей они так же, как и другие группы опрошенных, рассчитывают на помощь семьи. Успешность в реализации профессиональных задач, по их мнению, обуславливается их объемом, рациональным распределением в течение рабочего времени, адекватной оплатой труда и хорошими взаимоотношениями в коллективе.

Мужчины – социальные работники (1,9 %) обозначают статус женщины в социальной защите как организатора и исполнителя. К функциональным обязанностям сотрудниц они относят непосредственное взаимодействие с получателями социальных услуг, предоставление помощи, содействие улучшению их быта, коммуникации с окружающими. Своим трудом, как считают опрошенные, женщины удовлетворены, поскольку все успевают и на работе, и дома, испытывают гордость за свою профессию, потому что она очень востребована.

Обсуждение и заключение. Как показало исследование, профессиональные ролевые функции женщины в социальном обслуживании располагаются в обширном диапазоне от руководителя до рядового сотрудника, от специалиста по работе с документами до обслуживающего персонала, осуществляющего уход в основном за недееспособными получателями социальных услуг.

Удовлетворенность трудом несколько выше у руководителей, которыми в меньшей степени выражается обеспокоенность размером заработной платы и озабоченность проблемой эмоционального выгорания.

Существенное внимание респондентов направлено на адекватную оценку их работы (прежде всего материальную, а также моральную со стороны администрации, клиентов), условия труда (льготы, график, безопасность и др.). Акцентируется социальная важность профессии, ее гуманистическая ценность; подчеркивается огромное значение наличия благоприятного микроклимата в коллективе и перспектив профессионального роста, что соответствует сложившимся взглядам в области социологии труда. Удачное сочетание рабочих и семейных функций детерминируется содействием женщине

в этом со стороны ее родственников и, естественно, рациональной организацией труда.

Сравнительный анализ полученных нами данных с результатами схожих исследований в России и за рубежом показывает, что вопрос сочетания внедомашней трудовой занятости с семейными обязанностями во многих странах мира стал одним из ключевых в экономической, политической, социальной сферах современного общества [16]. По мнению К. Хейна, органы власти должны более действенно способствовать снятию противоречия между трудовой и семейной занятостью. Для этого следует «совершенствовать трудовое законодательство и систему социального обеспечения; расширить сферу услуг; увеличить число доступных детских дошкольных и школьных учреждений; решить проблему транспорта; достичь равноправного доступа к получению образования и профессии; сделать более эффективной охрану здоровья, материнства и детства; увеличить функции профсоюзов в решении проблемы сочетания работы с семейными обязанностями; разработать и реализовать специальные программы» [17].

Многие зарубежные тенденции характерны и для россиянок [18]. Отечественные авторы, осуществлявшие кросскультурные исследования, также приходят к выводу, что для женщин следует организовывать рабочие места с различными режимами занятости, осуществлять переподготовку по профессии, создавать им возможность консультаций психологов для адаптации к трудовой деятельности после перерывов в работе, формировать условия для самозанятости, совмещения с семейными обязанностями. Такая функция может исполняться государством, которое на законодательном уровне должно закрепить порядок занятости и трудоустройства женщин после перерывов в трудовой деятельности, комплекс мер по поддержке работников с семейными обязанностями [19].

Мы разделяем точку зрения Т. М. Дадаевой о том, что для женской гендерной группы характерны сложности совмещения общественной активности, профессиональных и семейных обязанностей, приводящие к «двойной занятости»³¹.

В целом оценки работоспособности, непритязательности в карьерных ожиданиях и многофункциональности сотрудниц со стороны их коллег-мужчин, выявленные нами, представляются немного завышенными по сравнению с самовосприятием женщин. При этом отмечается уважительное отношение к женской части персонала главным образом из-за того, что женщины преобладают численно, хотя у мужчин в социальной сфере больше возможностей для продвижения по службе. Женщинам же в большей мере предписывают заботливое, почти родственное отношение к получателям социальных услуг, повышенную терпеливость, адаптируемость, неумолимость и гибкость.

³¹ Дадаева Т. М. Динамика гендерной структуры российского общества в период трансформации : дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2006. 376 с.

Наши данные во многом перекликаются с выводами, сделанными ранее В. Н. Ярской и Е. Р. Ярской-Смирновой по их исследованию, проведенным в крупном провинциальном российском городе. Сотрудники социальных служб – обычно женщины, которые раньше теряли работу на производстве, или это женщины с маленькими детьми, которые соглашались на малооплачиваемую работу из-за гибкого графика. Государственная политика оплаты труда в сфере социального обслуживания по сути воспроизводит и закрепляет социальные предрассудки о дешевизне женского труда и вызывает новые формы социального исключения [20].

Часто к снижению карьерных притязаний и возможностей профессиональной самореализации приводит рождение у женщины ребенка с нарушениями здоровья и необходимость совмещения работы с уходом за ним [21]. Женщины нередко идут работать социальными работниками, чтобы иметь возможность совмещения трудовых функций с воспитанием детей, дабы предотвратить нарушение супружеских и межпоколенческих отношений в своей семье [22; 23], поддержать свое активное здоровое долголетие [24]. Но на физически тяжелой и социально-психологически напряженной работе часто страдают не только социализационные ролевые функции женщин, но и становятся более уязвимыми их здоровье, репродуктивное поведение [25]. Как показало нынешнее исследование, ожидания женщин относительно успешного совмещения семьи и работы в социальной сфере далеко не всегда оправдываются.

Нам представляются справедливыми и соответствующими заключению по нашему исследованию выводы уральских социологов А. П. Багировой и Н. Д. Бледновой, которые, по результатам своего прикладного исследования, констатируют, что объективными препятствиями в сочетании профессионального и родительского труда женщин выступают продолжительность и график рабочего дня, а субъективными – неоправданные стереотипы работодателей и коллег, не имеющих детей, о малой профессиональной результативности работников с детьми, отрицательном воздействии детей на осуществление профессиональных обязанностей и карьеру родителей, непонимание тех преимуществ, которые приносят дети семейным сотрудницам в процессе исполнения ими трудовых функций [26].

Наряду с явными профессиональными ролевыми функциями руководителя, специалиста, работника женщины, осуществляющие социальное обслуживание, подчас выполняют латентные ролевые функции, которые по существу относятся к семейно-институциональным (но по каким-либо причинам не выполняются родственниками получателей услуг): «матери» по отношению к обслуживаемым детям, лишенным родительского попечения, «дочери» по отношению к пожилым получателям социальных услуг и т. д. Именно подмена профессиональных функций квазисемейными создает определенные предпосылки к профессиональной усталости, деформации и эмоциональному выгоранию сотрудниц, нехватке у них сил и времени на собственные семьи.

Для повышения профессионализма в исполнении профессиональных ролевых функций, правильной организации труда, укрепления здоровья и профилактики эмоционального выгорания целесообразной представляется организация для сотрудников и управленцев социальной сферы профессиональных тренингов, курсов повышения квалификации, профессиональной подготовки и переподготовки, проведение профессиональных конференций, семинаров и круглых столов по обмену опытом. Тем более, что в условиях столичного мегаполиса, где сосредоточены крупные вузы, научно-исследовательские и научно-практические центры, передовые практические учреждения, это представляется вполне осуществимым.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении видятся в проведении региональных прикладных социологических исследований описательного и аналитического характера с применением методологии количественного и качественного анализа. Результаты представленного исследования могут быть полезны при разработке программ последующих исследований и соответствующего инструментария для проведения массовых и экспертных опросов среди сотрудников системы социальной защиты населения. Отдельные положения могут способствовать разработке концептуальных положений в области теории и методологии социальной работы, гендерной социологии, социологии профессий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Береговский Н. А. Витимологические аспекты профилактики профессиональных рисков в работе социальных работников в экстремальных ситуациях криминального характера // Отечественный журнал социальной работы. 2020. № 1 (80). С. 148–154. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42965538> (дата обращения: 08.06.2021).
2. Чуканова Т. В. Профилактика синдрома выгорания и стратегии преодоления стресса работников социальной сферы // Отечественный журнал социальной работы. 2019. № 4 (79). С. 108–120. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42382071> (дата обращения: 08.06.2021).
3. Задворнова Ю. С. Теоретико-методологические подходы к исследованию гендерных отношений в семье в зарубежной социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2013. № 2 (30). С. 27–31. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=6219> (дата обращения: 08.06.2021).
4. Тощенко Ж. Т. Социология труда: генезис идей в контексте мировых и российских реалий (опыт нового прочтения) // Мир России. 2004. Т. 13, № 4. С. 40–61. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5246> (дата обращения: 08.06.2021).
5. Transference to a Social Work Platform 2 in the COVID-19 Pandemic / M. V. Firsov [et al.] // Revista GEINTEC: Gestão, Inovação e Tecnologias. 2021. Vol. 11, no. 4. Pp. 1505–1514. doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i4.2204>

6. Social Work in Russia in the Context of Paradigm Changes / M. V. Firsov [et al.] // *Laplace em Revista*. 2021. Vol. 7, no. 3B. Pp. 381–388. doi: <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173B1563p.381-388>

7. Digitalization of the Professional Activity of Managers in Social Service Organizations / M. V. Firsov [et al.] // *Revista GEINTEC: Gestão, Inovação e Tecnologias*. 2021. Vol. 11, no. 3. Pp. 2012–2021. doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i3.2069>

8. Фирсов М. В., Вдовина М. В. Женщина в системе социальной защиты: статус и удовлетворенность трудом // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 3. С. 117–126. URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/firsov-m-v-vdovina-m-v-zhen-shhina-v-sisteme-socialnoj-zashhity-status-i-udovletvorennost-trudom-str-117-126/> (дата обращения: 08.06.2021).

9. Priorities in Theory and Practice of Contemporary Social Work in Russia / I. V. Mkrtumova [et al.] // *Italian Sociological Review*. 2019. Vol. 9, no. 1. Pp. 119–130. doi: <https://doi.org/10.13136/isr.v9i1.231>

10. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Social Work in Russia: between the Global and the Local // *Social Work in a Global Context: Issues and Challenges*. London : Taylor & Francis, 2015. Pp. 207–223. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203111888>

11. Cornia G. A. Inequality, Growth, and Poverty: An Overview of Changes over the Last Two Decades // *Inequality, Growth, and Poverty in an Era of Liberalisation and Globalisation*. 2005. doi: <https://doi.org/10.1093/0199271410.003.0001>

12. Gustafsson B., Johansson M. Earnings Inequality and the Gender Gap. The Changing Pattern in Sweden 1975–1991. Works of Department of Social Work. 1996. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18915117/> (дата обращения: 08.06.2021).

13. Anker R. Theories of Occupational Segregation by Sex // *International Labour Review*. 1997. Vol. 136, issue 3. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18793387/> (дата обращения: 08.06.2021).

14. Lucas J. W. Status Processes and the Institutionalization of Women as Leaders // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68, no. 3. doi: <https://doi.org/10.2307/1519733>

15. Казаков М. А., Зубкевич А. А. Гендерные аспекты лидерства в практиках молодежной политики современной России // *Регионология*. 2015. № 4 (93). С. 121–131. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1429> (дата обращения: 08.06.2021).

16. Green, C. A. Reconciling Work and Family Responsibilities: Practical Ideas from Global Experience // *Feminist Economics*. 2007. Vol. 13, issue 2. Pp. 215–220. doi: <https://doi.org/10.1080/13545700601184971>

17. Клинова Е. В. Хейн К. Совмещающая работу и семейные обязанности: практические идеи из глобального опыта. Hein C. Reconciling Work and Family Responsibilities: Practical Ideas from Global Experience / ILO. Geneva: Intern. Labour Office, 2005. XV, 207 p. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право*. 2007. № 4. С. 142–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2007-04-049-heyin-k-sovmeschaya-rabotu-i-semeynye-obyazannosti-prakticheskie-idei-iz-globalnogo-opyta-hein-c-reconciling-work-and-family> (дата обращения: 08.06.2021).

18. European Traditions in Culture of Russians / D. K. Tanatova [et al.] // *Laplace em Revista*. 2020. Vol. 6, issue Extra-C. Pp. 100–113. doi: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-C633p.100-113>

19. Демченко Т. З. Занятость и трудоустройство женщин и лиц с семейными обязанностями в России и зарубежных странах // Инновации и инвестиции. 2015. № 10. С. 120–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatost-i-trudoustroystvo-zhen-schin-i-lits-s-semeynymi-obyazannostyami-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 08.06.2021).

20. Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 74–82. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-06/Yarskaya,Yarskaya-Smirnova.pdf> (дата обращения: 08.06.2021).

21. Вдовина М. В., Семочкина Н. Н. Социальное здоровье семьи с ребенком-инвалидом в период раннего детства и в школьные годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 2. С. 287–292. doi: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-287-292>

22. Вдовина М. В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102–104. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/vdovina.pdf> (дата обращения: 08.06.2021).

23. Vdovina M. V. Intergenerational Conflicts in Today's Russian Family // Russian Education and Society. 2006. Vol. 48, issue 4. Pp. 82–89. doi: <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393480406>

24. Танатова Д. К., Вдовина М. В., Юдина Т. Н. Социальные факторы увеличения продолжительности здоровой жизни (по материалам социологических исследований) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 468–473. doi: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473>

25. Reproductive Behavior in Russia and Countries of the World: Axiological Aspect / D. K. Tanatova [et al.] // Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and System / ed. by E. Popkova, B. Sergi. Springer, Cham, 2020. Vol. 87. Pp. 739–749. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-29586-8_85

26. Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // Женщина в российском обществе. 2021. № 0. С. 150–167. URL: <https://womaninrussian-society.ru/article/bagirova-a-p-blednova-n-d-sovmeshhenie-professionalnogo-i-roditelskogo-truda-v-ocenках-uralskix-zhenshhin-obektivnye-i-subektivnye-barery-str-150-167/> (дата обращения: 08.06.2021).

Поступила 31.01.2021; одобрена после рецензирования 19.03.2021; принята к публикации 01.06.2021.

Об авторе:

Вдовина Маргарита Владимировна, профессор факультета социологии Российского государственного социального университета (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>, Researcher ID: ABE-5125-2020, Scopus ID: 8263418800, antigon1922@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Beregovskiy N.A. Victimological Aspects of the Prevention of Occupational Risks in the Work of Social Workers in Extreme Situations of a Criminal Nature. *Otechestvennyj zhurnal socialnoj raboty* = Domestic Journal of Social Work. 2020; (1):148-154. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42965538> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Chukanova T.V. Prevention of Burning out Syndrome and Strategies for Overcoming the Stress of Workers of Social Sphere. *Otechestvennyj zhurnal socialnoj raboty* = Domestic Journal of Social Work. 2019; (4):108-120. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42382071> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Zadornova Y.S. Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Gender Relations in the Family in Foreign Sociology. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2013; (2):27-31. Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=6219> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Toshchenko Zh.T. Sociology of Labor: Genesis of Ideas in the Context of the World and Russian Realities (An Attempt of New Interpretation). *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2004; 13(4):40-61. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5246> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Firsov M.V., Vdovina M.V., Shimanovskaya Ya.V., Chernikova A.A., Savchenko D.V. Transference to a Social Work Platform 2 in the COVID-19 Pandemic. *Revista GEINTEC: Gestão, Inovação e Tecnologias*. 2021; 11(4):1505-1514. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i4.2204>
6. Firsov M.V., Karpunina A.V., Chernikova A.A., Dontsov D.A., Dontsova M.V., Senkevich L.V. Social Work in Russia in the Context of Paradigm Changes. *Laplace em Revista*. 2021; 7(3B):381-388. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173B1563p.381-388>
7. Firsov M.V., Vdovina M.V., Karpunina A.V., Chernikova A.A., Kudrinskaya L.A. Digitalization of the Professional Activity of Managers in Social Service Organizations. *Revista GEINTEC: Gestão, Inovação e Tecnologias*. 2021; 11(3):2012-2021. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i3.2069>
8. Firsov M.V., Vdovina M.V. Women in the Social Protection System: Status and Job Satisfaction. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* = Woman in Russian Society. 2021; (3):117-126. Available at: <https://womaninrussiansociety.ru/article/firsov-m-v-vdovina-m-v-zhenshhina-v-sisteme-socialnoj-zashhity-status-i-udovletvorennost-trudom-str-117-126/> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Mkrtumova I.V., Kononova L.I., Vdovina M.V., Studenova E.G., Potutkova S.A. Priorities in Theory and Practice of Contemporary Social Work in Russia. *Italian Sociological Review*. 2019; 9(1):119-130. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.13136/isr.v9i1.231>
10. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Social Work in Russia: between the Global and the Local. In: *Social Work in a Global Context: Issues and Challenges*. London: Taylor & Francis; 2015. p. 207-223. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4324/9780203111888>
11. Cornia G.A. Inequality, Growth, and Poverty: An Overview of Changes over the Last Two Decades. In: *Inequality, Growth, and Poverty in an Era of Liberalisation and Globalisation*. 2005. doi: <https://doi.org/10.1093/0199271410.003.0001>

12. Gustafsson B., Johansson M. Earnings Inequality and the Gender Gap. The Changing Pattern in Sweden 1975-1991. Works of Department of Social Work. 1996. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/18915117/> (accessed 08.06.2021). (In Eng.)
13. Anker R. Theories of Occupational Segregation by Sex. *International Labour Review*. 1997; 136(3). Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/18793387/> (accessed 08.06.2021). (In Eng.)
14. Lucas J.W. Status Processes and the Institutionalization of Women as Leaders. *American Sociological Review*. 2003; 68(3). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2307/1519733>
15. Kazakov M.A., Zubkevich A.A. Gender Aspects of Leadership in the Practice of the Youth Policy in Modern Russia. *Regionologiya* = Regionology. 2015; (4):121-131. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1429> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Green C.A. Reconciling Work and Family Responsibilities: Practical Ideas from Global Experience. *Feminist Economics*. 2007; 13(2):215-220. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/13545700601184971>
17. Klinova E.V., Hejn K. Reconciling Work and Family Responsibilities: Practical Ideas from Global Experience. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo* = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law. 2007; (4):142-145. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2007-04-049-heyin-k-sovmeschaya-rabotu-i-semeynye-obyazannosti-prakticheskie-idei-iz-globalnogo-opyta-hein-c-reconciling-work-and-family> (accessed 08.06.2021). (In Russ.)
18. Tanatova D.K., Yudina T.N., Fomicheva T.V., Dolgorukova I.V., Sulyagina J.O. European Traditions in Culture of Russians. *Laplage em Revista*. 2020; 6(Extra-C):100-113. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-C633p.100-113>
19. Demchenko T.Z. Employment and Employment of Women and Persons with Family Responsibilities in Russia and Foreign Countries. *Innovatsii i investitsii* = Innovation and Investment. 2015; (10):120-123. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatost-i-trudoustroystvo-zhenschin-i-lits-s-semeynymi-obyazannostyami-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Yarskaya V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. "It's not a Man's Business..." Gender Analysis of Employment in the Social Sphere. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2002; (6):74-82. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-06/Yarskaya_Yarskaya-Smirnova.pdf (accessed 08.06.2021). (In Russ.)
21. Vdovina M.V., Semochkina N.N. The Social Health of Family with Disabled Child during Period of Early Childhood and School Years. *Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2021; 29(2):287-292. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-287-292>
22. Vdovina M.V. Intergenerational Conflicts in the Modern Russian Family. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2005; (1):102-104. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/vdovina.pdf> (accessed 08.06.2021). (In Russ.)
23. Vdovina M.V. Intergenerational Conflicts in Today's Russian Family. *Russian Education and Society*. 2006; 48(4):82-89. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393480406>

24. Tanatova D.K., Vdovina M.V., Yudina T.N. The Social Factors Increasing Healthy Life Longevity (According to Sociological Surveys Materials). *Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2021; 29(3):468-473. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473>

25. Tanatova D.K., Yudina T.N., Fomicheva T.V., Dolgorukova I.V., Korolev I.V. Reproductive Behavior in Russia and Countries of the World: Axiological Aspect. In: Popkova E., Sergi B., eds. *Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality*. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2020; 87:739-749. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-29586-8_85

26. Bagirova A.P., Blednova N.D. Combination of Professional and Parental Labor in Assessments of Ural Women: Objective and Subjective Barriers. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve* = Woman in Russian Society. 2021; (0):150-167. Available at: <https://womaninrussiansociety.ru/article/bagirova-a-p-blednova-n-d-sovmeshhenie-professionalnogo-i-roditelskogo-truda-v-ocenke-uralskix-zhenshin-obektivnye-i-subektivnye-barery-str-150-167/> (accessed 08.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 31.01.2021; approved after reviewing 19.03.2021; accepted for publication 01.06.2021.

About the author:

Margarita V. Vdovina, Professor, Faculty of Sociology, Russian State Social University (4 Wilhelm Pieck St., Moscow 129226, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>, Researcher ID: ABE-5125-2020, Scopus ID: 8263418800, antigon1922@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Социально-правовые аспекты профессионального положения арбитражных управляющих в условиях реформирования института банкротства в Российской Федерации

С. В. Полутин¹

Р. В. Мотькин^{1*}

В. Н. Мотькин²

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск, Российская Федерация),
* motkin.r@gmail.com

² Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)

Аннотация

Введение. Актуальность исследования состоит в расширении теоретических разработок в области экономической социологии, в частности, прогнозировании изменений социально-правовых аспектов профессионального положения арбитражных управляющих в свете рассмотрения Государственной Думой законопроекта № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить потенциальные изменения в социально-профессиональном статусе арбитражного управляющего в случае утверждения и вступления в силу нового законопроекта.

Материалы и методы. Информационная база исследования включает вторичный анализ массива статистических данных о результатах процедур несостоятельности в 2016–2020 гг. в Российской Федерации (в том числе в региональном разрезе), а также вторичный анализ новейшей отечественной нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность института банкротства.

Результаты исследования. Установлены факторы ликвидационной направленности института несостоятельности в Российской Федерации; тенденции роста длительности процедур при минимальном удовлетворении требований кредиторов; представлены контраргументы в отношении доводов о низкой эффективности арбитражных

© Полутин С. В., Мотькин Р. В., Мотькин В. Н., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

управляющих, статистически подтверждены доводы о ежегодном росте трудовой нагрузки на арбитражных управляющих. Проведен критический анализ законопроекта, выявлены риски ухудшения материального положения арбитражных управляющих в случае утверждения предложенных изменений структуры фиксированного и процентного вознаграждения. Обозначены правовые пробелы в предлагаемой балльно-рейтинговой системе утверждения арбитражных управляющих.

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ позволил определить основные тенденции результатов процедур о несостоятельности, а также выявить ряд критических недостатков рассматриваемого законопроекта № 1172553-7 (изменение структуры вознаграждения арбитражного управляющего, а также введение рейтинговой системы оценки его деятельности). Результаты исследования будут полезны ученым экономического и юридического профилей, а также специалистам в сфере несостоятельности.

Ключевые слова: законодательство о банкротстве, процедура банкротства, статистика банкротства, арбитражный управляющий, экономический кризис, трудовая нагрузка

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90072 «Социальные аспекты развития института арбитражного управления в Российской Федерации».

Для цитирования: Полутин С. В., Моткин Р. В., Моткин В. Н. Социально-правовые аспекты профессионального положения арбитражных управляющих в условиях реформирования института банкротства в Российской Федерации // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 956–979. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.956-979>

Original article

Social and Legal Aspects of the Professional Status of Trustees in Bankruptcy in the Context of the Reform of the Institution of Bankruptcy in the Russian Federation

S. V. Polutin^a, R. V. Motkin^{a*}, V. N. Motkin^b

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),
* motkin.r@gmail.com

^b Scientific Center for Social and Economic Monitoring
(Saransk, Russian Federation)

Abstract

Introduction. The relevance of the research consists in expanding theoretical developments in the field of economic sociology, particularly, in prognosticating changes in the social and legal aspects of the professional status of trustees in bankruptcy in the context of the State Duma's consideration of the draft law No. 1172553-7 "On Amendments to the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)' and to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Based on the results of the conducted research, the article identifies potential changes in the socio-professional status of a trustee in bankruptcy in the event the new law is adopted and enacted.

Materials and Methods. The information base of the study included a secondary analysis of the array of statistical data on the results of insolvency proceedings in 2016–2020 in the Russian Federation (including the regional context), as well as a secondary analysis of the latest domestic legal framework governing the activities of the institution of bankruptcy.

Results. The factors in the liquidation orientation of the institution of insolvency in the Russian Federation, as well as the trends in the increase in duration of insolvency proceedings with a minimum number of satisfied creditor claims have been identified; counterarguments have been presented regarding the alleged low efficiency of trustees in bankruptcy; arguments concerning the annual increase in the workload of trustees in bankruptcy have been statistically supported. A critical analysis of the draft law has been performed; the risks of decline in wages of trustees in bankruptcy in the event of adoption of the proposed changes in the structure of fixed and percentage-based remuneration have been identified. Legal gaps in the proposed point-rating system for the approval of trustees in bankruptcy have been identified.

Discussion and Conclusion. The performed analysis made it possible to reveal the main trends in the results of insolvency proceedings, as well as to identify a number of critical shortcomings of the draft law No. 1172553-7 under consideration (change in the structure of remuneration for trustees in bankruptcy, as well as introduction of a rating system for evaluating their activities). The results of the study may be useful to scientists specializing in economics and law, as well as to experts in the field of insolvency.

Keywords: bankruptcy law, bankruptcy proceedings, bankruptcy statistics, trustee in bankruptcy, economic crisis, work load

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was done with financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 19-311-90072 “Social aspects of the development of the institution of administration of bankruptcy estate in the Russian Federation”.

For citation: Polutin S.V., Motkin R.V., Motkin V.N. Social and Legal Aspects of the Professional Status of Trustees in Bankruptcy in the Context of the Reform of the Institution of Bankruptcy in the Russian Federation. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021. 29(4):956-979. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.956-979>

Введение. Совершенствование института банкротства как социально значимого механизма освобождения неплатежеспособных хозяйствующих субъектов от обязательств является одним из приоритетных направлений законотворческой деятельности. Это подтверждается включением указанного направления в Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике¹. Действуя в соответствии с принятым Планом, 17 мая 2021 г. Правительство Российской Федерации внесло на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации проект Федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», положения которого направлены на глубокое

¹ Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике [Электронный ресурс] : одобр. на заседании Правительства Рос. Федерации 23 сент. 2020 г. (протокол № 36, разд. VII) № П13-60855 от 2 окт. 2020 г.). URL: <https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2020/10/P13-60855.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).

реформирование всего института несостоятельности (банкротства) в России². В пояснительной записке к проекту дополнительно указано, что данный документ разработан по исполнению п. 1 перечня поручений Президента Российской Федерации по вопросу совершенствования института банкротства от 05.12.2019 № Пр-2485³.

Из анализа неофициальных вариантов вышеуказанных поручений, опубликованных лишь на информационном ресурсе Общероссийского профсоюза арбитражных управляющих, следует, что основной целью реформирования института стало повышение:

- гарантий независимости арбитражных управляющих, их ответственности и эффективности деятельности;
- эффективности деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих;
- эффективности реабилитационных процедур в делах о банкротстве.

Таким образом, цель статьи – на основе проведенного комплексного анализа эффективности института банкротства в Российской Федерации на его текущем этапе развития изучить социально-экономическое положение арбитражных управляющих в условиях реформирования института банкротства в Российской Федерации

Обзор литературы. Значимость социально-экономических последствий несостоятельности хозяйствующих субъектов (безработица, упадок промышленности, социальная напряженность, выделяемые Г. Г. Силласте⁴, а также понижение уровня жизни, моральное давление и депрессии [1, с. 42]) подтверждает, что тематика банкротства является одним из важных объектов социологического анализа.

Ряд исследований, преимущественно экономической направленности, обращают особое внимание на предбанкротный период в деятельности организации, стремятся разработать универсальный инструментарий для прогнозирования предстоящей неплатежеспособности. Проанализируем их подробнее.

Одной из ключевых разработок стала модель Э. Альтмана, впервые опубликованная американским экономистом в 1968 г.⁵. Данное исследование включало в себя анализ 22 экономических показателей, на основании которых была изучена деятельность ряда обанкротившихся промышленных предприятий в сравнении с действующими финансово устойчивыми организациями.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] : законопроект № 1172553-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (дата обращения: 01.07.2021).

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7#bh_note (дата обращения: 01.07.2021).

⁴ Силласте Г. Г. Экономическая социология : учеб. пособие. М. : Альфа-М: ИНФРА-М, 2014. С. 108.

⁵ Altman E. I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // Journal of Finance. 1968. Vol. 23, issue 4. Pp. 589–609. doi: <https://doi.org/10.2307/2978933>

Указанная модель в своей первоначальной версии оказалась точной на 72 % при прогнозировании банкротства за два года до события.

Для анализа признаков предстоящей несостоятельности учеными используются методики машинного обучения, анализа больших данных, основы моделирования динамических явлений⁶. При этом у методик анализа больших данных и машинного обучения имеются значительные ограничения, связанные, например, с несбалансированностью данных в исследуемой выборке [2, с. 58]. Д. Аль Рашид отмечает, что наиболее высокий результат прогнозирования достигается при прогнозировании банкротства на один предстоящий год; прогнозирование банкротства на два и более года сложно реализуемо, так как рынок меняется слишком быстро⁷.

Российские специалисты насчитывают более 25 российских моделей прогнозирования банкротства [3, с. 241]; А. М. Карминский и Р. Н. Бурехин проводят сравнительный анализ моделей для отдельных секторов экономики, в частности, для сферы строительства [4]. По данным иностранных специалистов, на 2017 г. насчитывалось более 123 функций (дискриминантных) моделей для прогнозирования несостоятельности, разработанных в период с 1968 по 2014 г. [5, р. 108].

Помимо экономической составляющей, специалисты исследуют и так называемые неэкономические причины банкротства. К. Данилов среди таких факторов выделяет низкую эффективность руководства, излишнее оптимистичное бизнес-планирование, неконкурентоспособность продукта, изменение вкусов потребителей, проигрыш в тендерах, возникновение незапланированных обстоятельств, в том числе непреодолимой силы [6, р. 17]. К последней категории можно отнести и пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, экономическим последствиям которой посвящены многочисленные зарубежные научные публикации, изучающие кризисный период в отраслевом [7], региональном [8], культурно-идеологическом [9], правовом [10] и других аспектах.

Отечественные ученые в большей степени анализируют экономическую составляющую проблемы: Я. С. Ядгарова и В. А. Сидорова пишут об актуальных векторах и трендах развития рыночной экономики России [11], М. А. Булатенко и А. В. Корюкина провели исследование предпосылок расширения теневого сектора экономики в кризисных условиях [12]. Несколько работ посвящено анализу зарубежного опыта антикризисных правительственных мер: во Франции [13], Германии [14], Италии, Турции [15] и др.

В зарубежной литературе все больше исследуется «постковидный мир», в том числе его экономическая составляющая, обращается внимание на возможные позитивные последствия кризисных периодов: появление новых

⁶ Estola M. How Covid-19 Pandemic Changes the Theory of Economics? [Электронный ресурс] / University of Eastern Finland 2020. URL: <https://arxiv.org/abs/2012.04571> (Preprint)

⁷ Alrasheed D., Che D. Improving Bankruptcy Prediction Using Oversampling and Feature Selection Techniques // Proceedings on the International Conference on Artificial Intelligence (ICAI). 2018. P. 445.

профессий, изменения в подходе государства и общества к экономическим институтам [16].

Несмотря на кризисный социально-экономический период, комплексность и значимость предлагаемых изменений закона о банкротстве обусловила широкий интерес в научной среде и к законопроекту № 1172553-7. В частности, О. А. Львова провела анализ изменений законодательства за 18 лет и сделала вывод о несистемном, фрагментарном характере развития законодательства о банкротстве в России [17, с. 265]. А. Н. Ряховская, помимо иных факторов, отмечает медлительность и негибкость судебной системы в качестве одной из причин низкого уровня эффективности института несостоятельности [18]. А. В. Любоненко и А. А. Чукреев дополняют, что загруженность судебной системы во многом обусловлена взрывным ростом числа дел о банкротстве физических лиц [19].

В связи с предстоящими изменениями в порядке выбора арбитражного управляющего отметим исследование А. В. Сарнаковой, предполагающей, что одним из ключевых критериев при отборе арбитражного управляющего может являться его деловая репутация⁸.

Проведенный обзор литературы показал, что большинство работ по теме исследования сводятся к правовому анализу и экономическому прогнозированию [20], анализу политических аспектов [7], игнорируя аспект социально-экономического положения сообщества управляющих, что подтверждает актуальность и значимость исследования последствий законодательных нововведений на материальное и профессиональное положение арбитражных управляющих – ключевых специалистов, утверждаемых арбитражным судом для целей реализации процедур несостоятельности.

Материалы и методы. Исследование реализовано последовательно в два этапа. На первом этапе осуществлен статистический анализ массива данных количественных результатов процедур несостоятельности в Российской Федерации за период с 2016 по 2020 г. включительно, изучены тенденции предкризисного и кризисного периодов с точки зрения деятельности арбитражных управляющих. Данный анализ позволил подтвердить гипотезу о ликвидационной направленности института банкротства в Российской Федерации на текущем этапе развития, выявить тенденции к росту длительности процедур при минимальном удовлетворении требований кредиторов, а также привести ряд доводов в защиту позиции о постоянно растущей нагрузке на профессиональное сообщество арбитражных управляющих.

На втором этапе проведено сравнение существующей нормативно-правовой базы, регулирующей институт банкротства, с положениями проекта

⁸ Сарнакова А. В. Проблемы определения критериев отбора арбитражных управляющих и правового обеспечения принятия ими мер по формированию конкурсной массы // Избранные труды научно-педагогических работников Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / сост.: Г. Ф. Ручкина, О. Н. Петюкова. М.: Прометей, 2019. С. 331.

федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с целью установления норм, способных оказать наибольшее влияние на социально-экономическое положение арбитражных управляющих.

В исследовании использован метод вторичного анализа нормативно-правовых документов, с помощью которого были выявлены правовые пробелы в законопроекте № 1172553-7 (в частности в предлагаемой балльно-рейтинговой системе утверждения арбитражных управляющих), а также риски, связанные с ослаблением требований к минимальной численности членов саморегулируемой организации арбитражных управляющих и отменой максимального лимита на выплату из компенсационного фонда саморегулируемой организации.

Информационной базой служат статистика по теме исследования, законодательные и нормативные акты. Методы анализа в статье подразумевают обобщение оцениваемых явлений, их разделение на составные части для изучения свойств и их описание с точки зрения взаимосвязи и взаимозависимости.

Результаты исследования. Для изучения эффективности института банкротства в его текущем виде проанализируем объективные статистические показатели результатов процедур банкротства юридических лиц (табл. 1).

Таблица 1. Статистика процедур несостоятельности юридических лиц в 2016–2020 гг. в Российской Федерации

Table 1. Statistics on insolvency procedures for legal entities in 2016–2020 in the Russian Federation

Год / Year	Общее число введенных процедур / Total number of procedures	Количество введенных восстановительных процедур / Number of remedial procedures	Количество введенных ликвидационных процедур компаний / Number of company liquidation procedures
2016	23 460	424	12 549
2017	25 431	395	13 541
2018	23 961	297	13 117
2019	22 763	228	12 401
2020	17 879	173	9 931
Итого / Total	113 494	1 517	61 539

Представленные сводные данные позволяют однозначно установить ликвидационную направленность института несостоятельности в Российской Федерации: за период с 2016 по 2020 г. доля восстановительных процедур – внешнего управления и финансового оздоровления – составила всего 1,34 % от общего числа введенных процедур.

Указанная тенденция свидетельствует о низком уровне популярности и эффективности восстановительных процедур, низком уровне доверия к институту арбитражного управления, а также о том, что к механизму банкротства обращаются лишь в случаях, когда исчерпаны все возможные меры, а активы должника реализованы или выведены. В пояснительной записке к законопроекту отмечено, что «должники не рассматривают процедуры банкротства как способ решения своих финансовых проблем»⁹. Об этом же свидетельствует и структура заявителей по делу о банкротстве: в 2020 г. должники выступали инициаторами собственного банкротства лишь в 9,3 % случаев, в то время как конкурсные кредиторы и Федеральная налоговая служба России (уполномоченный орган) являлись заявителями по делам о банкротстве в 77,1 и 13,0 % случаев соответственно¹⁰.

Значительное сокращение количества введенных процедур несостоятельности в 2020 г. вызвано кризисной ситуацией, связанной с распространением на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции COVID-19, следствием чего стало общее снижение деловой активности, приостановление работы судебной системы, а также введение ряда антикризисных мер, например моратория на возбуждение дел о банкротстве.

При анализе количественного состава процедур в региональном аспекте нами выделены три явных показателя.

1. Ежегодное увеличение доли процедур конкурсного производства, введенных в Москве и Московской области: если в 2016 г. показатель числа процедур по Московскому региону составил 2 680, что соответствовало 21,36 % от общего числа процедур, то в 2020 г. указанная доля достигла 27,37 % (2 718 из 9 931 процедуры).

2. Несмотря на кризисный период, некоторые регионы в 2020 г. смогли продемонстрировать рост числа процедур конкурсного производства (табл. 2). Данная тенденция во многом обусловлена эффектом низкой базы – совокупный объем вышеуказанных регионов в 2020 г. составил всего 3,45 % от общего числа введенных процедур.

3. В пятерку наиболее популярных регионов для целей проведения процедуры личного банкротства вошли Краснодарский край и Самарская область. При расчете на 100 тыс. чел. населения лидером по числу процедур является Пензенская область с 161 процедурой. Для сравнения: в Москве данный показатель составил 59 процедур на 100 тыс. чел. населения.

⁹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7#bh_note

¹⁰ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года [Электронный ресурс] // Федересурс : сайт. URL: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc> (дата обращения: 01.07.2021).

Т а б л и ц а 2. Изменение числа процедур конкурсного производства в региональном разрезе**Table 2. Change in the number of bankruptcy proceedings by region**

Регион / Region	Число процедур в 2019 г. / Number of procedures in 2019	Число процедур в 2020 г. / Number of procedures in 2020	Изменение в процентном соотношении / Percentage change
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	40	57	+42,50
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	42	56	+33,33
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino- Balkarian Republic	71	87	+22,54
Ленинградская область / Leningrad Region	55	67	+21,82
Белгородская область / Belgorod Region	66	76	+15,15

Рассматривая экономические результаты процедур несостоятельности в Российской Федерации, следует обратить особое внимание на наиболее распространенную процедуру – конкурсное производство. Ее цель, согласно ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» заключается в соразмерном удовлетворении требований кредиторов¹¹ и последующей ликвидации организации.

Проанализируем показатели эффективности процедуры конкурсного производства (табл. 3). Несмотря на незначительную положительную тенденцию по уменьшению доли дел, в которых кредиторы не получили удовлетворения собственных требований – за 5 лет данный показатель снизился на 6,5 %, – большинство показателей в среде специалистов вызывают оправданные вопросы об эффективности данной процедуры.

Одним из самых распространенных доводов в пользу реформирования института несостоятельности является мнение о низкой эффективности арбитражных управляющих, о чем свидетельствует неуклонный рост длительности процедур при минимальном удовлетворении требований кредиторов. Действительно, согласно представленным в таблице 2 данным, средняя длительность процедуры конкурсного производства за период с 2016 по 2020 г. выросла на 31,36 % (с 641 до 842 дней), в то время как доля удовлетворенных требований за данный период сократилась на 2 % (до 4,4 %) ¹².

¹¹ О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 20 апр. 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527> (дата обращения: 01.07.2021).

¹² Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года. URL: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>

Таблица 3. Показатели эффективности процедуры конкурсного производства, 2016–2020 гг.

Table 3. Indicators of the effectiveness of the bankruptcy proceedings procedure, 2016–2020

Показатель / Indicator	2016	2017	2018	2019	2020
Средняя длительность, дни / Average duration, days	641	670	682	752	842
Доля дел, в которых кредиторы не получили удовлетворения требований, % / Proportion of cases in which creditors did not receive satisfaction of the claims, %	67,1	67,1	65,0	62,0	60,6
Доля дел, в которых у должника отсутствует имущество на момент инвентаризации, % / Proportion of cases in which the debtor had no property at the time of the inventory, %	41,1	37,7	37,1	37,0	37,2
Включено требований в реестр требований, всего, млрд руб. / Claims included in the register, total, billion rubles	1 519,9	1 504,7	1 990,3	2 500,9	2 167,0
Удовлетворено требований, всего, млрд руб. / Claims met, total, billion rubles	96,6	99,2	102,7	131,1	96,1
Доля удовлетворенных требований, всего, % / Proportion of claims met, total, %	6,4	6,6	5,2	5,2	4,4

Однако в 37 % случаев конкурсная масса, т. е. какое-либо имущество и права требования, принадлежащие должнику, отсутствует полностью уже на стадии инвентаризации – одном из первых этапов конкурсного производства, осуществляемом в первые три месяца с даты введения процедуры. Соответствующий показатель практически не зависит от эффективности арбитражных управляющих. Он лишь свидетельствует о том, что на текущем этапе развития банкротства в России в ситуации, когда «компания оказывается в банкротстве, оздоравливать там уже нечего. Все ликвидные активы распоряданы, накоплены огромные суммы задолженности»¹³.

¹³ Новый закон о банкротстве никого не спасет [Электронный ресурс] // Российский союз промышленников и предпринимателей : сайт. URL: <http://pcnn.pf/events/news/novyy-zakon-o-bankrotstve-nikogo-ne-spaset-6058aa25dd031/> (дата обращения: 01.07.2021).

По нашему мнению, увеличение длительности процедуры на практике не свидетельствует о низком уровне эффективности работы арбитражного управляющего, поскольку в большинстве процедур увеличение длительности обусловливается рядом факторов, среди которых ключевую роль играют:

- препятствование деятельности управляющего со стороны контролирующих лиц должника (фактических бенефициаров бизнеса) на разных этапах ведения процедуры, включая:

- а) неисполнение обязанности по передаче документации и имущества должника в адрес конкурсного управляющего (предусмотрена п. 2 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»);

- б) препятствование проведению инвентаризации;

- в) обжалование результатов оценки, обращение в арбитражный суд с заявлениями о разрешении разногласий в части порядка реализации имущества должника;

- г) включение аффилированных лиц в реестр требований кредиторов должника с целью аккумуляции большинства голосов для контроля над процедурой;

- д) попытки приостановления торгов, оспаривание результатов торгов, жалобы в Федеральную антимонопольную службу Российской Федерации;

- е) жалобы на действия арбитражного управляющего, давление на него посредством подачи жалоб в Управление Росреестра с целью отстранения от процедуры или же полной дисквалификации управляющего;

- величина и разнородность конкурсной массы, что приводит к необходимости организации нескольких длительных процедур торгов;

- комплексный и ресурсозатратный характер деятельности арбитражного управляющего по оспариванию подозрительных сделок должника с последующей реализацией возвращенных в конкурсную массу активов или прав требования к третьим лицам;

- юридической работой по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника.

В подтверждение вышеизложенного приведем статистику по работе арбитражных управляющих в части оспаривания сделок и привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника (табл. 4).

Анализ представленной информации позволяет выделить следующие тенденции:

- ежегодный рост числа поданных и удовлетворенных заявлений о признании сделок должника недействительными: за 5 лет указанные показатели выросли на 110,47 и 87,58 % соответственно;

- ежегодный рост числа поданных и удовлетворенных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц: за 5 лет указанные показатели выросли на 145,83 и 490,89 % соответственно.

При этом число удовлетворенных заявлений выросло практически в шесть раз – с 439 случаев в 2016 г. до 2 594 – в 2020 г.¹⁴;

– ежегодный рост числа рассмотренных жалоб на действия или бездействия арбитражных управляющих при снижении доли удовлетворенных жалоб, что свидетельствует как о повышении эффективности работы арбитражных управляющих (действия все чаще признаются обоснованными и разумными), так и о нарастающем давлении на арбитражных управляющих посредством подачи необоснованных жалоб с целью увеличения нагрузки на управляющего.

Растущая трудовая нагрузка на арбитражных управляющих существенно влияет на длительность процедур. Помимо указанных ранее причин роста нагрузки, следует выделить и увеличение числа дел о банкротстве физических лиц (табл. 5).

С учетом растущего спроса на рынке должен наблюдаться соответствующий рост числа арбитражных управляющих и специалистов в сфере банкротства, однако данная тенденция не прослеживается. При совокупном трехкратном росте числа процедур несостоятельности в период с 2016 по 2020 г. (с 50 764 до 161 222 процедур) рост числа арбитражных управляющих составил всего 2,49 % (с 10 153 до 10 406 чел.).

Среди причин стагнации выделим следующие:

– низкий уровень социально-правовой защищенности арбитражных управляющих;

– высокий уровень ответственности арбитражных управляющих (в том числе риск привлечения к гражданской, административной, уголовной ответственности);

– высокий уровень конфликтности процедур несостоятельности;

– низкий уровень осведомленности населения о специфике деятельности профессиональной группы арбитражных управляющих, непопулярность профессии среди молодежи;

– разобщенность профессиональной среды арбитражных управляющих;

– ужесточение законодательства в отношении деятельности арбитражных управляющих.

Таким образом, довод о низкой эффективности арбитражных управляющих в свете вышеизложенных факторов представляется необоснованным. Учитывая сложившуюся тенденцию, задачей реформирования института несостоятельности должны стать, в том числе, улучшения условий деятельности арбитражных управляющих, повышение привлекательности, престижности профессии. Однако, на наш взгляд, законопроект № 1172553-7 в его текущем виде не отвечает данным задачам.

¹⁴ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года. URL: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>

Таблица 4. Статистика оспаривания сделок и привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника

Год / Year	Подано заявлений о признании сделок должника недействительными / Number of filed claims to invalidate the debtor's transactions	Удовлетворено заявлений о признании сделок должника недействительными / Number of met claims to invalidate the debtor's transactions	Подано заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности / Number of filed claims to bring to subsidiary liability	Включено требований, всего, млрд руб. / Total claims, billion rubles	Количество рассмотренных жалоб на действие или бездействие арбитражного управляющего / Number of handled complaints about the action or inaction of the trustee in bankruptcy	Количество удовлетворенных жалоб / Number of complaints satisfied
2016	5 587	2 279	2 699	439	4 106	1 017
2017	7 101	2 937	3 652	821	4 440	1 030
2018	8 607	3 234	5 107	1 960	4 755	1 066
2019	11 010	3 946	6 103	2 500	5 370	1 222
2020	11 759	4 275	6 635	2 594	5 044	937

Таблица 5. Статистика процедур несостоятельности физических лиц в 2016–2020 гг. в Российской Федерации

Год / Year	Общее число введенных процедур / Total number of procedures	Судебные решения о признании гражданина банкротом и введении процедуры реализации имущества гражданина / Judicial decisions to declare a person bankrupt and to introduce procedures for disposing of the person's assets	Введение реструктуризации долгов гражданина / Introduction of restructuring of the person's debts	Средняя длительность процедуры реструктуризации долгов / Average duration of the debt restructuring procedure	Средняя длительность процедуры реализации имущества / Average duration of the assets disposal procedure
2016	27 304	19 574	7 730	166	194
2017	37 825	29 827	7 998	182	247
2018	53 733	43 984	9 749	187	272
2019	84 748	68 980	15 768	192	280
2020	143 343	119 049	24 294	200	284

Рассмотрим основные нововведения законопроекта с точки зрения влияния на профессиональную деятельность арбитражного управляющего и его социально-экономическое положение.

1. *Изменение структуры вознаграждения арбитражного управляющего.* 31 декабря 2019 г. утверждено «Отраслевое соглашение в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления», в п. 4 ст. 3 которого отмечено, что «существующие условия труда арбитражного управляющего... не соответствуют высокому статусу должностного лица, осуществляющего публично-значимую деятельность, призванного обеспечивать достижение публично-правовой цели банкротства – соблюдение баланса интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве»¹⁵. Размер фиксированной части вознаграждения конкурсного управляющего, установленный в редакции закона о банкротстве от 30 декабря 2008 г., не индексируется на протяжении тринадцати лет, хотя индекс потребительских цен на декабрь 2020 г. к декабрю 2008 г. составил 218,11 %¹⁶ (т. е. цена на большую часть товаров за указанный период возросла более чем вдвое).

Законопроект существенным образом видоизменяет структуру фиксированного вознаграждения конкурсного управляющего, предлагая вместо действующей ежемесячной выплаты в 30 000 руб. введение ранжированной системы выплат по завершении конкурсного производства – от 100 000 до 500 000 руб. в зависимости от категории должника (категории формируются исходя из балансовых активов предприятия и его годового дохода). Данное нововведение встретило ряд критических отзывов со стороны профессионального сообщества, сводящихся к тому, что при указанной системе сумма фиксированного вознаграждения не только не индексируется, а, напротив, уменьшается. Например, за процедуру конкурсного производства длительностью 18 месяцев фиксированное вознаграждение вместо 540 000 руб. (18 месяцев по 30 000 руб.) составит не более 500 000 руб. при условии, что должник будет относиться к третьей категории (доход организации перед банкротством будет превышать 2 млрд руб. либо стоимость активов составит более 1,5 млрд руб. (для юридических лиц)). В противном случае вознаграждение составит существенно меньшую сумму.

Более того, оплата фиксированной части вознаграждения по итогу процедуры ставит возможность получения денежных средств в зависимость от результата процедуры, а также приводит к существенной задержке выплаты, что может лишь усугубить материальное положение арбитражных управляющих.

¹⁵ Отраслевое соглашение в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления на 2020–2022 годы [Электронный ресурс] // Правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355858/ (дата обращения: 01.07.2021).

¹⁶ Информация о средних ценах и индексах цен [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/price> (дата обращения: 01.07.2021).

На настоящий момент размер процентной части зависит от размера удовлетворенных требований кредиторов. В законопроекте № 1172553-7 предлагаются иные критерии определения процентного вознаграждения (табл. 6).

С одной стороны, данные нововведения сделают структуру выплат более прозрачной и объективной, мотивируют арбитражных управляющих к увеличению числа мероприятий по оспариванию сделок должника. С другой стороны, ключевая статья доходов арбитражного управляющего – процентное вознаграждение от реализации имущества, обремененного залогом, – существенно сократится: если в действующей редакции закона арбитражный управляющий, реализовавший предмет залога за 1 млрд рублей, может претендовать на 5 % от данной суммы, что составляет 50 млн руб., то в случае принятия законопроекта № 1172553-7 данная сумма составит не более 10 млн руб. (1 %).

Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что соответствующие изменения приведут к увеличению вознаграждения арбитражного управляющего. Указанное обстоятельство, по нашему мнению, можно назвать одним из ключевых недостатков рассматриваемого законопроекта с точки зрения привлекательности института несостоятельности для квалифицированных специалистов.

2. *Изменение порядка утверждения арбитражного управляющего, введение рейтинговой системы оценки деятельности арбитражных управляющих.* Другим спорным блоком законопроекта № 1172553-7 являются положения об изменении порядка утверждения арбитражного управляющего. В законопроекте предлагается начислять баллы каждому арбитражному управляющему в зависимости от определенных показателей оценки его деятельности, а также сформировать государственный регистр арбитражных управляющих, целями ведения которого являются государственная регистрация арбитражных управляющих и осуществление процедуры выбора саморегулируемых организаций или арбитражных управляющих.

Расчет баллов результативности арбитражных управляющих будет осуществляться ежеквартально и будет влиять прежде всего на возможность назначения арбитражного управляющего на определенные процедуры.

Предполагаем, что действующая редакция законопроекта № 1172553-7 несет в себе риски создания методики начисления баллов, основывающейся на формальных параметрах, не зависящих от арбитражного управляющего. Это связано с тем, что законопроект не содержит конкретных расчетов. Его положения лишь закрепляют обязанность Правительства Российской Федерации определить порядок расчета баллов арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций, отражающих их результативность, в течение 150 дней со дня официального опубликования закона.

Т а б л и ц а 6. Процентное вознаграждение конкурсного управляющего в законопроекте № 1172553-7, %
T a b l e 6. Percentage-based remuneration of the trustee in bankruptcy in the Draft Law No. 1172553-7, %

Поступившие в конкурную массу денежных средств, руб.*/ Funds received into the bankruptcy estate, rubles	Размер процентного вознаграждения от продажи имущества, свободного от залога / Amount of the percentage-based remuneration from the sale of the property not encumbered with a pledge	Размер процентного вознаграждения от продажи имущества, обремененного залогом / Amount of the percentage-based remuneration from the sale of the property encumbered with a pledge	Размер процентного вознаграждения от суммы денежных средств, поступивших в конкурную массу в результате оспаривания сделок / Amount of the percentage-based remuneration from the amount of funds received into the bankruptcy estate as a result of challenging transactions
До 1 млн руб. / Up to 1 million rubles	10,0	5,0	20,0
От 1 до 10 млн руб. / From 1 to 10 million rubles	7,0	3,0	14,0
От 10 до 100 млн руб. / From 10 to 100 million rubles	5,0	2,5	10,0
Более 100 млн руб. / More than 100 million rubles	2,0	1,0	4,0
Максимальное ограничение, руб. / Maximum limit, rubles	50 000 000	50 000 000	100 000 000

* При расчете до определения процентного вознаграждения из указанной суммы вычитается сумма оплаты труда лиц, привлеченных конкурсным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей, расходы на обеспечение сохранности предмета залога и другое, в зависимости от источника поступления средств в конкурную массу / When calculating, before determining the percentage-based remuneration, the amount of remuneration of persons engaged by the trustee in bankruptcy to ensure the performance of the duties assigned to him, the costs of ensuring the safety of the subject of the pledge, etc., depending on the source of funds received into the bankruptcy estate, are deducted from the specified amount.

Критика данной части нашла свое отражение и в замечаниях Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 20.02.2021 г. № А6-1946, обратившего внимание на то, что механизм случайного выбора должен также предоставлять кредиторам правовые возможности для оценки компетенции управляющего и его отраслевого опыта. По мнению Государственно-правового управления, представление саморегулируемой организации полномочий выбирать кандидатуру управляющего влечет нарушение принципа независимости арбитражных управляющих¹⁷.

Соответствующие опасения разделяет и Российский союз промышленников и предпринимателей, заявляя, что предлагаемая балльная система не дает ее участникам возможности проверки достоверности представленной информации, выбранные для расчета рейтинга показатели являются формальными и не свидетельствуют о компетентности и добросовестности арбитражного управляющего. Отдельные специалисты дополнительно обращают внимание на то, что предлагаемая система существенно осложнит работу судебной системы в связи с появлением новых видов споров, связанных с рейтингами и назначениями¹⁸.

Таким образом, мнение профессионального сообщества состоит в том, что предлагаемая система не будет способствовать ни повышению эффективности процедуры банкротства, ни открытости и справедливости при утверждении арбитражных управляющих.

3. *Изменения в регулировании деятельности саморегулируемых организаций.* Законопроект предусматривает подразделение Саморегулируемых организаций арбитражных управляющих на три группы, с соответствующими различиями по размеру компенсационного фонда (от 50 до 200 млн руб.), минимальному количеству завершенных процедур (для первой группы – не менее 10, для второй и третьей – не менее 20), количеству членов (для первой группы – не менее 10, для второй и третьей – не менее 20). При этом, по нашему мнению, указанные нововведения могут привести к ряду негативных последствий для профессионального сообщества.

Во-первых, увеличение компенсационного фонда неизбежно приведет к увеличению взносов с арбитражных управляющих. Во-вторых, снижение минимальной численности саморегулируемой организации до десяти членов может привести к появлению на рынке зависимых, подконтрольных определенным группам лиц саморегулируемых организаций, а также организаций-однодневок. Как отмечает А. Варварин, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей по правовому регулированию и правоприменению: «самое неприятное, что такие организации смогут создавать

¹⁷ Государственно-правовое управление президента раскритиковало комплексную реформу банкротства [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 9 марта 2021 г. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/gosudarstvenno-pravovoe-upravlenie-prezidenta-raskritikovalo-kompleksnuyu-reformu-bankrotstva/> (дата обращения: 01.07.2021).

¹⁸ Игра в банкротство: реальность и новые «ставки» [Электронный ресурс] // Правору – Правовые новости : сайт. URL: <https://pravo.ru/story/232778/> (дата обращения: 01.07.2021).

системные кредиторы – те же банки, крупные компании, даже юридические фирмы»¹⁹.

Другим значимым изменением является отмена ограничения по размеру компенсационной выплаты из компенсационного фонда по каждому случаю, что может привести к ликвидации большинства саморегулируемых организаций после первого же случая взыскания убытков.

4. *Иные изменения, касающиеся профессионального положения арбитражных управляющих.* Положительным нововведением следует признать упрощение и ускорение процедуры реализации имущества должника: на смену дорогостоящей и длительной процедуре торгов должен прийти более быстрый комбинированный тип торгов, при котором цена имущества в случае отсутствия заинтересованных лиц поэтапно снижается, а в случае появления нескольких заинтересованных – пошагово повышается.

В части торговой процедуры законопроект содержит в себе и положение, ущемляющее права арбитражных управляющих. В частности, согласно положениям законопроекта, в случае признания повторных (вторых) торгов несостоявшимися собрание кредиторов или комитет кредиторов вправе принять решение о направлении в суд ходатайства об освобождении арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей.

Обращает на себя внимание и введение обязательного требования к арбитражному управляющему о наличии высшего юридического или экономического образования, а при наличии иного высшего образования – прохождение профессиональной переподготовки в области экономики, финансов или права по дополнительной профессиональной программе в образовательной организации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Проанализируем состав одной из крупнейших саморегулируемых организаций арбитражных управляющих – некоммерческого партнерства «Сибирская Гильдия антикризисных управляющих» (согласно статистике ЕФРСБ по состоянию на 5 июля 2021 г.). При общей численности в 418 действующих членов (Согласно реестру от 18 июня 2021 г.) 189 членов не имеют высшего юридического или экономического образования²⁰. Специализацией большинства из них являются государственное и муниципальное управление, бухгалтерский учет, различные инженерные специальности. Таким образом, введение соответствующего ценза приведет к риску потери работы для значительной части арбитражных управляющих.

Одним из немногочисленных положительных следствий рассмотрения законопроекта следует признать организацию широкой общественной

¹⁹ Новый закон о банкротстве никого не спасет. URL: <http://pcnn.pf/events/news/novyy-zakon-o-bankrotstve-nikogo-ne-spaset-6058aa25dd031/>

²⁰ Реестр управляющих «Сибирская Гильдия антикризисных управляющих» от 24.06.2021 г. [Электронный ресурс] // Сибирская Гильдия антикризисных управляющих : сайт. URL: http://www.npsgau.ru/self-regulation/list_of_members/ (дата обращения: 01.07.2021).

дискуссии вокруг положения профессионального сообщества арбитражных управляющих. В частности, на законопроект представлены замечания Государственно-правового управления Президента Российской Федерации, Российского союза промышленников и предпринимателей, ООО «Деловая Россия», Национального союза профессионалов антикризисного управления, Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам, Счетной палаты Российской Федерации, Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, ПАО «Газпромбанк», АО «Интерфакс», Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», Агентства по страхованию вкладов и др.

Лишь консолидированная позиция профессионального сообщества арбитражных управляющих может позволить обратить внимание законодателя на ряд рассмотренных в настоящей статье проблемных вопросов и завершить доработку проекта федерального закона с учетом мнения специалистов рынка арбитражного управления.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Статистика результатов процедур несостоятельности в 2016–2020 гг. свидетельствует о ликвидационной направленности института банкротства, о тенденции к росту длительности процедур при минимальном удовлетворении требований кредиторов. Указанные тенденции не являются следствием низкой эффективности работы арбитражных управляющих. Напротив, наблюдается ежегодный рост нагрузки на арбитражных управляющих и рост показателей их эффективности (увеличение числа заявлений об оспаривании сделок, о привлечении к субсидиарной ответственности и др.).

2. Проект Федерального закона № 1172553-7 в текущей редакции представляет серьезные риски ухудшения материального положения арбитражных управляющих в случае утверждения предложенных изменений структуры фиксированного и процентного вознаграждения. Выделяются правовые пробелы в предлагаемой балльно-рейтинговой системе утверждения арбитражных управляющих; а также риски, связанные с ослаблением требований к минимальной численности членов саморегулируемой организации арбитражных управляющих и отменой максимального лимита на выплату из компенсационного фонда саморегулируемой организации.

3. Общественная дискуссия может стать одной из ключевых движущих сил, посредством которой в законопроект № 1172553-7 будут внесены изменения, соответствующие интересам профессионального сообщества арбитражных управляющих.

Результаты исследования представляют интерес для арбитражных управляющих, специалистов, сопровождающих процедуры банкротства, а также студентов факультетов экономического и юридического профилей, поскольку включают в себя не только обширный статистический анализ

эффективности института несостоятельности в его действующем состоянии, но и сравнительный анализ законопроекта изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» с точки зрения профессионального положения арбитражных управляющих. В случае вступления указанного законопроекта в силу данные нашего исследования могут быть дополнены и расширены за счет анализа результатов апробирования законодательных изменений на практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цветкова Г. С., Грозова О. С. Становление современного института банкротства физических лиц: институциональные ловушки и социальные последствия // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Сер.: Экономика и управление. 2016. № 4 (32). С. 41–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28184983> (дата обращения: 01.07.2021).

2. Доржиев А. С. Прогнозирование банкротства методами машинного обучения // Информационное общество. 2021. № 1. С. 56–67. URL: <http://infosoc.iis.ru/article/view/509> (дата обращения: 01.07.2021).

3. Казаков А. В., Колышкин А. В. Разработка моделей прогнозирования банкротства в современных российских условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34, № 2. С. 241–266. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.203>

4. Карминский А. М., Бурехин Р. Н. Сравнительный анализ методов прогнозирования банкротств российских строительных компаний // Бизнес-информатика. 2019. Т. 13, № 3. С. 52–66. doi: <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2019.3.52.66>

5. Peres C., Antão M. The Use of Multivariate Discriminant Analysis to Predict Corporate Bankruptcy: A Review // The IEB International Journal of Finance. 2017. No. 14. Pp. 108–131. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6635579> (дата обращения: 01.07.2021).

6. Danilov K. A. Corporate Bankruptcy: Assessment, Analysis and Prediction of Financial Distress, Insolvency, and Failure. 2014. doi: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2467580>

7. Ramraj V. V. COVID-19 in Asia: Law and Policy Contexts. Oxford : Oxford University Press, 2020. doi: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197553831.001.0001>

8. COVID-19 and the Hospitality and Tourism Industry: A Research Companion / ed. by D. Gursoy [et al.]. N. p. : Edward Elgar Publishing, 2021. doi: <https://dx.doi.org/10.4337/9781800376243>

9. Ryan J. M. The Blessings of COVID-19 for Neoliberalism, Nationalism, and Neoconservative Ideologies // COVID-19. Global Pandemic, Societal Responses, Ideological Solutions / ed. by J. M. Ryan. London : Taylor & Francis, 2020. doi: <https://doi.org/10.4324/9781003142089>

10. Scherer M., Bassiri N., Abdel Wahab M. S. International Arbitration and the COVID-19 Revolution. Wolters Kluwer, 2020. 408 p. URL: <https://www.amazon.com/International-Arbitration-Covid-19-Revolution-Scherer/dp/9403528451> (дата обращения: 10.07.2021).

11. Ядгаров Я. С., Сидоров В. А., Ильинова В. В. Рыночная экономика России: векторы и тренды развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 4. С. 67–87. URL: <http://www.rfej.ru/rvv/id/7003BD57D> (дата обращения: 01.07.2021).

12. Булатенко М. А., Корюкина А. В. Выявление предпосылок расширения теневого сектора экономики для предупреждения угрозы экономической безопасности // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5 (159). С. 67–73. doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.5.11>
13. Кальчук А. Ю., Ромашкина В. А. Особенности развития малого и среднего предпринимательства во Франции // Региональная экономика и управление. 2021. № 1 (65). doi: <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-165-4>
14. Нуйкин Е. Е. Опыт Германии в борьбе с COVID-19 // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 2 (54). С. 132–137. URL: https://sciff.ru/wp-content/uploads/2021/04/Sciff_2_54-1.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
15. Акбулаев Н. Н., Мамедов И. М., Алиев В. З. Влияние COVID-19 на индустрию туризма (Испания, Италия и Турция) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 3 (223). С. 380–390. doi: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-380-390>
16. Impact of COVID-19 on Asian Economies and Policy Responses / ed. by S. Agarwal, Z. He, B. Yeung. Singapore : World Scientific Publishing Company ; New Jersey : World Scientific, 2020. 192 p. doi: <https://doi.org/10.1142/12072>
17. Львова О. А. Российский институт банкротства в условиях его правовой трансформации // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 249–269. doi: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>
18. Ряховская А. Н. Модернизация института банкротства: целесообразность, эффективность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1. С. 458–462. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-instituta-bankrotstva-telesoobraznost-effektivnost> (дата обращения: 10.07.2021).
19. Любаненко А. В., Чукарев А. А. Современные тенденции развития законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2 (32). С. 106–115. URL: <https://surguvest.elpub.ru/jour/article/view/603> (дата обращения: 10.07.2021).
20. Bankruptcy and the COVID-19 Crisis / J. Wang [et al.]. 2020. doi: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3690398> (Препринт)

Поступила 13.07.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 02.09.2021.

Об авторах:

Полутин Сергей Викторович, директор Научно-исследовательского института регионологии, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru

Моткин Роман Владиславович, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3229-4918>, motkin.r@gmail.com

Моткин Владислав Николаевич, ведущий научный сотрудник отдела-социопарка «Регионология» Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, д. 39а), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3047-308X>, vlad.motkin@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

С. В. Полутин – определение замысла и методологии исследования; интерпретация и анализ материалов; критический анализ и доработка текста.

Р. В. Моткин – основная идея исследования; определение теоретико-методологических основ исследования; формулирование выводов.

В. Н. Моткин – сбор, первичная обработка и статистический анализ данных; интерпретация и анализ материалов; подготовка начального варианта текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Tsvetkova G.S., Grozova O.S. Emergence of Institution for Contemporary Bankruptcy of Private Individuals: Institutional Traps and Social Consequences. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ekhnomika i upravlenie* = Vestnik of Mari State Technical University. Series "Economy and Management". 2016; (4):41-50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28184983> (accessed 01.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Dorzhiev A.S. Bankruptcy Prediction Using Machine Learning Methods. *Informacionnoe obshchestvo* = Information Society. 2021; (1):56-67. Available at: <http://infosoc.iis.ru/article/view/509> (accessed 01.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Kazakov A.V., Kolyshkin A.V. The Development of Bankruptcy Prediction Models in Modern Russian Economy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekhnomika* = St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2018; 34(2):241-266. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.203>
4. Karminsky A.M., Burekhin R.N. Comparative Analysis of Methods for Forecasting Bankruptcies of Russian Construction Companies. *Biznes-informatika* = Business Informatics. 2019; 13(3):52-66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2019.3.52.66>
5. Peres C., Antão M. The Use of Multivariate Discriminant Analysis to Predict Corporate Bankruptcy: A Review. *The IEB International Journal of Finance*. 2017; (14):108-131. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6635579> (accessed 01.07.2021). (In Eng.)
6. Danilov K. Corporate Bankruptcy: Assessment, Analysis and Prediction of Financial Distress, Insolvency, and Failure. 2014. (In Eng.) doi: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2467580>
7. Ramraj V.V. COVID-19 in Asia: Law and Policy Contexts. Oxford: Oxford University Press; 2020. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197553831.001.0001>
8. Gursoy D., Sariisik M., Nunkoo R., Bogan E., eds. COVID-19 and the Hospitality and Tourism Industry: A Research Companion. N.p.: Edward Elgar Publishing; 2021. (In Eng.) doi: <https://dx.doi.org/10.4337/9781800376243>

9. Ryan J.M. The Blessings of COVID-19 for Neoliberalism, Nationalism, and Neo-conservative Ideologies. In: Ryan J.M., ed. COVID-19. Global Pandemic, Societal Responses, Ideological Solutions. London: Taylor & Francis; 2020. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4324/9781003142089>
10. Scherer M., Bassiri N., Abdel Wahab M.S. International Arbitration and the COVID-19 Revolution. Wolters Kluwer; 2020. Available at: <https://www.amazon.com/International-Arbitration-Covid-19-Revolution-Scherer/dp/9403528451> (accessed 10.07.2021). (In Eng.)
11. Yadgarov Ya.S., Sidorov V.A., Iljinova V.V. Russia's Market Economy: Development Vectors and Trends. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* = Russian Foreign Economic Journal. 2021; (4):67-87. Available at: <http://www.rfej.ru/rvv/id/7003BD57D> (accessed 01.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Bulatenko M.A., Koryukina A.V. Revealing of Prerequisites of the Economy Shadow Sector Expansion to Prevent Threats to Economic Security. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. 2021; (5):67-73. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.5.11>
13. Kalchuk A.Yu., Romashkina V.A. Features of the Development of Small and Medium-Sized Businesses in France. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie* = Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. 2021; (1). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-165-4>
14. Nuikin E.E. Germany's Experience in the Fight against COVID-19. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki* = Scythian. Issues of Student Science. 2021; (2):132-137. Available at: https://sciff.ru/wp-content/uploads/2021/04/Sciff_2_54-1.pdf (accessed 10.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Akbulaev N.N., Mammadov I.M., Aliyev V.Z. The Effect of the COVID-19 Pandemic on Tourism (Spain, Italy and Turkey). *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2020; (3):380-390. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-380-390>
16. Agarwal S., He Z., Yeung B., eds. Impact of COVID-19 on Asian Economies and Policy Responses. Singapore: World Scientific Publishing Company; New Jersey: World Scientific; 2020. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1142/12072>
17. Lvova O.A. Russian Institution of Bankruptcy under Its Legal Transformation. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* = Actual Problems of Economics and Law. 2021; 15(2):249-269. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>
18. Ryakhovskaya A.N. Modernization of the Institute of Bankruptcy: Desirability, Efficiency. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* = Russia: Trends and Development Prospects. 2021; (16-1):458-462. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-instituta-bankrotstva-tselesoobraznost-effektivnost> (accessed 10.07.2021). (In Russ.)
19. Lyubanenko A.V., Chukreyev A.A. Modern Trends in the Development of the Russian Federation Legislation on Insolvency (Bankruptcy). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* = Surgut State University Journal. 2021; (2):106-115. Available at: <https://surguvest.elpub.ru/jour/article/view/603> (accessed 10.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Wang J., Yang J., Iverson B.C., Kluender R. Bankruptcy and the COVID-19 Crisis. 2020. (In Eng.) doi: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3690398> (Preprint)

Submitted 13.07.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 02.09.2021.

About the authors:

Sergey V. Polutin, Director of Research Institute of Regionology, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru

Roman V. Motkin, Research Assistant, Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3229-4918>, motkin.r@gmail.com

Vladislav N. Motkin, Leading Research Officer, Sociopark Department of "Regionology", Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3047-308X>, vlad.motkin@mail.ru

Contribution of the authors:

S. V. Polutin – choice of the concept and methodology of the research; interpretation and analysis of the materials; critical analysis and revision of the text of the article.

R. V. Motkin – putting forward the basic idea of the study; substantiation of the theoretical and methodological foundations of the study; drawing conclusions.

V. N. Motkin – collection, primary processing and statistical analysis of the data; interpretation and analysis of the materials; preparation of the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионоведение» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *Е. П. Гординой.*

Перевод *А. В. Пузакова.*

Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 15.12.2021. Дата выхода в свет 30.12.2021. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 1989. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova.*

Desktop publishing by *E. P. Gordina.*

Translation by *A. V. Puzakov.*

Sub-editor *E. P. Gordina.*

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov.*

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 15.12.2021. Date of publishing 30.12.2021. Sheet size 60x84 1/16. Conventional printed sheets 14.41. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 1989. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.